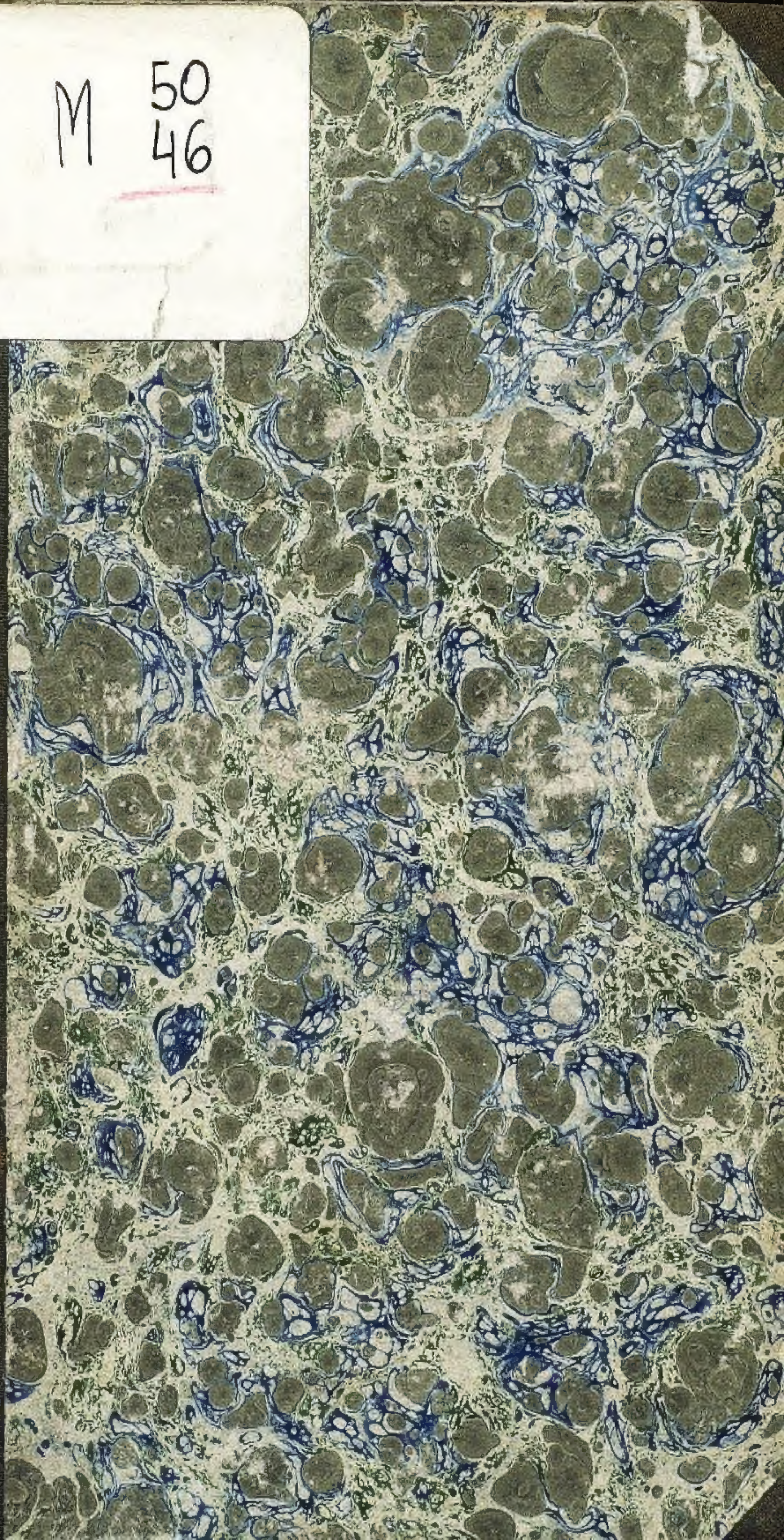

ИСТОРІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА

до

ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА,

сочиненіе

Александра Клеванова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1849.

Александру Николаевичу
Афанасьеву

отъ автора.

Мая 8го 1850.

Исторія

Юго-Западной Руси.

ИСТОРІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

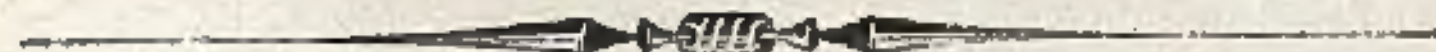
ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА

ДО

ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА,

СОЧИНЕНІЕ

Александра Клеванова.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 29 дня 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Юго-Западной Руси содержитъ въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ, случившихся въ ней отъ самаго перваго ея начала до половины XIV-го вѣка или до конца ея самобытнаго существованія. Разсказъ мой основывается главнымъ образомъ на словахъ нашихъ лѣтописцевъ; изъ свидѣтельствъ же иностранныхъ историковъ и лѣтописцевъ, какъ содержащихъ въ себѣ весьма мало основательныхъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ, очень не многія вошли въ составъ этого сочиненія. Нигдѣ не старался я, въ угоду заранѣе составленныхъ воззрѣній, измѣнять факты или представлять ихъ не въ такомъ, а иномъ видѣ; напротивъ моимъ намѣреніемъ было излагать событія словами лѣтописца, чтобы чрезъ то самое сообщить читателю, сколько возможно болѣе вѣрное, понятіе о времени столь отдаленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отличномъ отъ того времени, въ которомъ мы живемъ. Собственные мои выводы, какіе только я представилъ здѣсь, всѣ основаны непосредственно на свидѣтельствахъ лѣтописей. Излагая слова лѣтописца, я выводилъ изъ нихъ такіе, другой можетъ быть составитъ себѣ иные результаты, находить же строгое, логическое построеніе, систему во всѣхъ, часто случайныхъ

событіяхъ, во всякомъ случаѣ казалось мнѣ произвольнымъ. Я даже рѣшился въ собственныхъ именахъ городовъ, рѣкъ и лицъ, удержать тѣ самыя, которыя они носили въ то время; неумѣстно было бы употреблять названія XIX-го вѣка, говоря о событіяхъ XII и XIII-го вѣковъ.

Вообще при изданіи этого сочиненія я имѣлъ въ виду изложить сколько возможно яснѣе и проще въ послѣдовательномъ порядкѣ событія Юго-Западной Руси и тѣмъ самымъ содѣйствовать основательному изученію нашей древней Отечественной Исторіи. Достигнуто ли это мое желаніе и въ какой мѣрѣ, я предоставляю судить любознательнымъ и свѣдущимъ въ дѣлѣ исторіи читателямъ.

А. Клевановъ.

26 Августа 1849 г.
Москва.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ (1).

Страна, служащая мѣстомъ дѣйствія для событій, ниже описанныхъ, принадлежитъ къ обширной низменности, наполняющей собою весь Востокъ Европы и простирающейся отъ р. Эльбы до Волги и отъ Ледовитаго Океана до Чернаго моря. Чуждая всякаго внѣшняго разчлененія, эта низменность, въ противуположность Юго-Западной части Европы, представляетъ сплошную, нигдѣ не прорѣзанную моремъ, сомкнутую континентальную страну; внутри она представляетъ тоже однообразіе, что и внѣ; за исключеніемъ окраинъ, она не имѣетъ горъ въ собственномъ смыслѣ, а только возвышенности въ нѣсколько сотъ футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Она прорѣзана множествомъ рѣкъ, текущихъ въ разныхъ направленіяхъ, но смыкаю-

(1) При составленіи этой главы я пользовался слѣдующими сочиненіями: Журналъ Мин. Нар. Просв. 1844. ч. XLI. стр. 204—246. Славянское народописаніе Шафарика, стр. 20—24; Röppel-Geschichte Polens—1 Band.—S. 1—17. A. Friederich Historisch-geographische Darstellung Alt. u. Neu Polens. S. 157 и 379.

щихся устьями; къ Сѣверу и Югу она окаймлена возвышеніями, отдѣляющими ее отъ прибрежій морей Балтійскаго и Чернаго. Сѣверная окраина великой Восточной равнины идетъ отъ впаденія рѣки Гавеля въ Эльбу, по берегамъ рр. Варты и Нетцы къ Гродно; отсюда она поворачиваетъ на С. В. къ истокамъ Западной Двины, Днѣпра и Волги. Южная окраина начинается у Саратова и непрерывнымъ рядомъ холмовъ простирается на 400 миль къ истокамъ Одера. Саратовъ, Кіевъ, Холмъ, устья Пилицы лежатъ на Сѣверномъ ея скатѣ, а Южный обозначается Днѣпровскими порогами; на З. она примыкаетъ къ Карпатскимъ горамъ.

Если спуститься съ возвышенностей Татры въ высокую долину р. Дунайца, то прежде всего встрѣчается рѣчная долина, шириною мили въ три, гдѣ въ направленіи на С. В. течетъ Висла, еще не очень обильная водами. Далѣе на В. въ углу, образуемомъ сліяніемъ рр. Сана и Вислы, эта рѣчная долина переходитъ въ низменность длиною въ 10, шириною въ 6 миль, почти невоздѣланную, покрытую лѣсами и болотами. На З. напротивъ Карпатскія горы ближе подходятъ къ руслу рѣки и даже являются на ея Сѣверномъ берегу; на Южномъ же лежатъ знаменитыя соловарни Бохни и Велички. Страна, лежащая къ С. отъ Кракова и верхней Вислы, холмиста и покрыта возвышеніями; она представляетъ плоскость средней высоты отъ 800 до 900 футовъ; гребень ея находится между рр. Скалою и Пилицею. Къ С. мало по малу эта возвышенность переходитъ въ низменность р. Варты. У Судомира къ С. лежатъ горы, самый высокій пунктъ которыхъ *Лысая гора* (отъ 1800 до 1900 ф.); на ея выси лежитъ *Св. Крестъ*, древнѣйшій монастырь въ Польшѣ. Судомирскія горы суть самый возвышенный пунктъ Восточной низменности на З. отъ Днѣпра. Плоскость, лежащая между Краковомъ и Судомиромъ, спускается отлого на Ю. къ Вислѣ; къ С. отъ Судомира до устья Пилицы, Западный берегъ р. Вислы,

крутъ, обрывистъ, затруднителенъ къ переходу и безплоденъ; но далѣе на З. поля покрыты отличнымъ черноземомъ. Весьма плодородны также холмистыя равнины, лежащія на В. отъ Вислы, глубже чѣмъ Судомирская плоскость; нынѣ онѣ составляютъ Люблинскую Губернію; на З. отъ р. Вепря къ р. Западному Бугу страна становится ровнѣе; тучный черноземъ переходитъ въ песчаную почву и у г. Холма находятся, крайнія на В., мѣловыя горы; за ними на В. открывается низменность Волыни.

Тутъ страна принимаетъ иной характеръ; нѣтъ болѣе холмовъ; на С. и З. простираются низменности, отчасти покрытыя лѣсами, топями и прорѣзанныя множествомъ рѣкъ и ручьевъ. Западную ихъ границу составляетъ Зап. Бугъ; отъ г. Устилуга онъ течетъ медленно въ низменной, болотистой равнинѣ, обильной лѣсомъ. Стырь, Горынь и Случь берутъ начало на С. покатости Южной, возвышенной окраины Восточной Европейской низменности и текутъ на С., принимая множество менѣе значительныхъ притоковъ; берега ихъ, обильные мѣломъ, производятъ въ избыткѣ ячмень, рожь, но особенно отличную ярую пшеницу. Здѣсь лежатъ обширныя помѣстья Княжескихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Владиміра Великаго и отъ Гедимина; на Югъ, около истоковъ Горыни лежитъ *Вишневецъ*, помѣстье рода Вишневецкихъ, мѣсто появленія перваго Лже-Димитрія. Далѣе къ Сѣверу г. Острогъ, средоточіе обширныхъ владѣній рода Князей Острожскихъ, по наслѣдству перешедшихъ къ Любомирскимъ и Сангушко. Къ С. отъ Острога, на р. Стыри лежитъ Черторыйскъ, мѣстопребываніе нѣкогда владѣтельныхъ Князей, потомковъ Владиміра Мономаха. Волынія представляетъ переходъ отъ холмистыхъ, покрытыхъ черноземомъ, равнинъ въ песчаныя степи. На В. отъ Случи до Днѣпра теперь почти вовсе нѣтъ лѣсовъ, хотя, по словамъ лѣтописи, здѣсь жили *Древляне*, получившіе самое названіе, *зане сѣдоша въ лѣсѣхъ;* въ Волынской лѣтописи тутъ упоминается *Чертовъ*

лѣсъ (2). Нынѣ путешественникъ видитъ здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги необозримыя степи, покрытыя высокою травою; ни лѣсовъ, ни холмовъ нѣтъ; изрѣдка глаза путешественника останавливаются на курганѣ или могилѣ, набросанной или для означенія направленія дороги или какого нибудь давнишняго побоища. Впрочемъ однообразіе страны нарушается такъ называемыми *ярами;* представьте себѣ трещину исполинскаго размѣра, во глубинѣ которой извивается рѣчька; берега или покатости покрыты лѣсомъ и кустарникомъ; въ просѣкахъ находятся хутора и пчельники. Лѣтомъ *яръ* для своихъ жителей представляетъ защиту отъ дышащихъ зноемъ, вѣтровъ, а зимою отъ ужасныхъ бурановъ или мятелей, продолжающихся безпрерывно по нѣскольку сутокъ.

Въ срединѣ этихъ степей, въ глубокой, нерѣдко крутыми скалами окаймленной, долинѣ, течетъ Днѣпръ въ направленіи отъ С. З. къ Ю. В. На правомъ его берегу, на прекрасномъ мѣстоположеніи, возвышается Кіевъ, *мать всѣхъ градовъ Русскихъ*. Ниже къ Югу лежатъ Черкасы; староста этого города Дашкевичъ былъ первымъ Гетманомъ Козаковъ, этихъ Половцевъ XVI-го и XVII-го столѣтій. Къ Югу отъ Черкасъ Днѣпръ течетъ въ плоскихъ, покрытыхъ кустарникомъ, берегахъ; только у пороговъ появляются возвышенности. Къ Ю. отъ пороговъ Днѣпръ течетъ уже широкимъ русломъ и образуетъ значительные острова. Къ З. и В. отъ него на обѣ стороны лежатъ необозримыя степи, скудныя водою, но обильныя травою; эти степи были свидѣтелемъ безчисленныхъ схватокъ Руси съ Печенѣгами, Половцами и Татарами, Козаковъ съ Поляками, Татарами и Турками. Степи доходятъ

---

(2) См. Ипатьевскую лѣтопись, стр. 51 и 172; эти мѣста называются еще *лѣсною страною* (см. тамъ же, стр. 174); названіе земли Древлянской сохранилось въ имени р. *Деревное* (стр. 174.) и *Деревьской волости* (стр. 82.)

вплоть до Черпаго моря а на З. до Днѣстра. Къ Западу отъ этой рѣки видъ страны измѣняется, преимущественно подъ вліяніемъ Карпатовъ. Вмѣсто степей встрѣчаемъ обширные лѣса и болота; начиная отъ средняго теченія Днѣстра, они наполняютъ низменное *Покутье,* при подошвѣ Карпатовъ и холмистую Буковину; гдѣ лѣса разчищены, тамъ почва съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца; начиная отъ Могилева, Днѣстръ течетъ извилисто въ каменистомъ руслѣ, нерѣдко прерываемомъ порогами; лѣвый его берегъ покрытъ былъ нѣкогда рядомъ укрѣпленныхъ замковъ, защищавшихъ страну отъ вторженій Турковъ и Татаръ; между ними, на высокой горѣ, лежитъ Каменецъ Подольскій. Губернія, получившая свое названіе отъ этого города, представляетъ одну изъ лучшихъ странъ въ цѣлой Европѣ, по плодородію почвы, по умѣренности и благорастворенію климата, дозволяющаго воспитывать тутъ нѣкоторые изъ Южныхъ плодовъ. Страна холмиста и даже между рр. Збручемъ и Смотричемъ она принимаетъ гористый характеръ. *Подольская пшеница,* еще съ половины XV вѣка извѣстна въ Европѣ. Къ З. отъ благословенной всѣми дарами природы, Подоліи, лежатъ холмистыя равнины Галицкой Руси, къ С. и С. В. примыкающія къ плодороднымъ странамъ Люблина и Волыніи. Южная часть Галицкой Руси наполнена отрогами Карпатскихъ горъ. Галицкая Русь, собственно т. е. за исключеніемъ ея Западной части, населенной Поляками, имѣетъ болѣе 1000 кв. м. поверхности. Галицкая Русь лежитъ почти вся на Сѣверномъ склонѣ Карпатскихъ горъ и потому принадлежитъ къ бассейну Вислы и Балтійскаго моря. Напротивъ долина Днѣстра принадлежитъ къ бассейну Черпаго моря. Сѣверная и Зап. часть Галицкой Руси песчана; тамъ и сямъ находятся болота. Вообще здѣсь почва средняго качества; только къ В. и С. В. она очень тучна и необыкновенно плодородна. Южную границу Гал. Руси составляютъ Карпаты; самые возвышенные пункты ихъ находятся въ Венгріи, но

и въ Гал. Руси есть горы, нерѣдко и лѣтомъ не теряющія снѣга. Отроги Карпатовъ проходятъ по Галицкой Руси во всѣхъ направленіяхъ и доходятъ до Вислы; горы, лежащія въ Зап. части Гал. Руси, известковыя, а въ Восточной содержатъ слои желтой и черной глины. Гал. Русь обильна водами; всѣ ея рѣки принадлежатъ a) къ бассейну Вислы, b) Днѣстра и c) Дуная. a) р. Висла, только Южный ея берегъ относится сюда, но ея притоки значительны: 1. *Дунаецъ,* принимаетъ въ себя Попрадъ, текущій изъ Венгріи, впадаетъ въ Вислу у Новополе; 2. *Вислока;* 3. *Санъ,* важнѣйшая изъ притоковъ Вислы въ Галицкой Руси (имѣетъ теченія 38 миль), вытекаетъ изъ Карпатовъ у селенія *Сянки;* принимаетъ съ правой стороны Вигоръ, Вышенку и Любачевку, а съ лѣвой Стеревяжъ и Вислокъ. 4. *Бугъ* (Западный) выходитъ въ Голыхъ горахъ у селенія Верхобужье, принимаетъ Пельтву (возлѣ Львова), Рату съ Каменкою и Солокію. 5. *Днѣстръ* (теченія его въ Гал. Руси 41 миля) принимаетъ въ себя съ правой стороны: Быстрицу съ Тысменицею, Стрый съ Опоромъ; съ лѣвой: Середъ, Збручь и мн. др. c.) Къ бассейну Дуная принадлежатъ: *Прутъ* съ притоками своими Лучкою, Пистинкою, Рыбницею, Бѣлымъ и чернымъ Черемошемъ; Серетъ, Сучавица и Молдава. Значительныхъ озеръ въ Галицк. Руси нѣтъ; въ лѣтописи упоминается *Выково болото,* недалеко отъ истоковъ Днѣстра (3); минеральныхъ источниковъ въ Гал. Руси не мало, но они остаются безъ пользы. Климатъ страны умѣренной, но винодѣліемъ занимаются мало. Средняя температура года по однимъ во Львовѣ $7\frac{5}{8}$, по другимъ $6\frac{1}{10}$ град. Сѣверо-Восточный вѣтеръ есть господствующій; главныя произведенія Гал. Руси суть: хлѣбъ

---

(3) Ипат. л. стр. 92: «тоже лѣто бысть потопъ велика въ Галичи: божіимъ попущеніемъ умножившюся дождю внезапу, въ одинъ день и въ нощь пойде вода изъ Днѣстра велика въ болонье, и взыде оли до Выковаго болота.»

всякаго рода, богатства ископаемаго царства (между прочимъ и серебро), произведенія скотоводства (шерсть и проч.) Половина всей почвы Гал. Руси воздѣлана; болѣе одной трети ея покрыто лѣсами; остальное садами, прудами, лугами, выгонами и домами. Обыкновенный урожай самъ-5 и 8. Кромѣ земледѣлія, свойство страны дѣлаетъ ее способною къ развитію скотоводства, лѣсоводства, рыбной ловли, охоты и особенно горнаго дѣла; главная его отрасль есть выварка соли на 23 солеварняхъ; кромѣ того немало добывается желѣза, сѣры и торфу.

Къ Сѣверу отъ Люблинской Губерніи и Волыни лежитъ глубокая низменность Литвы и Польши. Отъ устья Пилицы исчезаютъ холмы, покрывавшіе берега Вислы; отсюда на С. З. она течетъ въ низменныхъ, топкихъ берегахъ и только у Георгіевска на правомъ берегу ея показываются возвышенія; Далѣе на Западъ, до Одера и отчасти до Эльбы въ глубокой низменности, чуждой рѣзкихъ, естественныхъ разграниченій, лежатъ плодоносныя равнины, гдѣ нѣкогда были воеводства: Рава, Ленчицъ, Сѣрадзъ, Калишъ, Познань, Гнѣзно и, богатая пшеницею, Куявія; здѣсь встрѣчаются то полосы тучнаго чернозему, то песчаныя поля, самыя роскошныя нивы и пастбища примыкаютъ къ обширнымъ болотамъ; вода ихъ скопляется во многія значительныя озера; берега ихъ покрыты дремучими лѣсами. Особенно топки берега рр. Бзуры, Обры, Варты, Нетцы или Нетечи, у истоковъ ея сосредоточены значительнѣйшія озера страны; у о. Гопло, въ Крушвицѣ колыбель исторіи Ляховъ. Иной характеръ носитъ глубокая низменность, лежащая на В. берегу средняго теченія Вислы, менѣе воздѣланный и болѣе дикій; уже, на правомъ берегу Вислы, въ Мазовіи лѣса начинаютъ преобладать надъ воздѣланными полями. Берега Зап. Буга и его притоковъ: Мухавицы, Нарева и Бобра покрыты камышемъ и первобытными лѣсами дуба, липы, сосны и ели. Здѣсь, по болоти-

стымъ мѣстамъ между Зап. Бугомъ, Наревою, Бобромъ, Нѣманомъ, Щарою и Ясольдою жили дикіе *Ятвяги,* питавшіеся произведеніями охоты и грабежа на богатыхъ сосѣдей; вмѣстѣ съ Литвою они были грозою сосѣдственныхъ Русскихъ Князей. Но особенно громадный характеръ имѣютъ необозримые лѣса этой страны въ нынѣшней Минской Губерніи по Припети и ея многочисленнымъ притокамъ: у истоковъ ея лежитъ огромное, непрерывное болото, почти неприступное, покрытое лѣсомъ, длиною отъ Ю. къ С. на 60, а шириною отъ В. къ З. на 30 миль; во время весенняго половодья вся эта огромная страна въ 1,500 кв. м. поверхности превращается во внутреннее море, соединяющее воды Чернаго моря съ водами Балтійскаго и богато снабжающее водою окрестныя рѣки. Часть Литвы, лежащая далѣе къ С. В., нынѣшніе уѣзды Новогродекской, Минской и Мстиславльской, покрыты также лѣсами, озерами, болотами и топями. Здѣсь то Сигизмундъ I, на пространствѣ 24 миль, раздѣляющемъ Оршу и Смоленскъ, чтобы сдѣлать возможнымъ движеніе своего войска, выстроилъ 340 мостовъ. Не смотря на быстрое умноженіе народонаселенія, и нынѣ вовсе не рѣдкость встрѣтить въ этой странѣ лѣсъ, непрерывно идущій на 20 миль. Только по ту сторону Днѣпра страна мало по малу принимаетъ иной видъ; начинаются возвышенныя, сухія, холмистыя равнины. Отсюда ясно, что̀ земли, лежавшія на З. берегу Днѣпра къ С. отъ Кіева, защищенныя болотами и лѣсами, не могли дать свободнаго прохода многочисленнымъ кочующимъ ордамъ, наводнявшимъ въ разное время Западную Европу изъ Азіи. Окрестности Кіева, равнины Волыни и Гал. Руси—степи, покрывающія Сѣверный берегъ Чернаго моря;—вотъ мѣста, чрезъ которыя двигались Гунны, Авары, Венгры и Монголы.

Сынъ земли по физической части своего существа, человѣкъ всегда носитъ на себѣ неизгладимую печать естественныхъ свойствъ страны, служившей ему родиною; ран-

нее или позднее развитіе общественныхъ отношеній, ихъ большее или меньшее преуспѣяніе—все это тѣсно зависитъ отъ положенія человѣка въ окружающей его природѣ. Чрезвычайное плодородіе полосы земли: на В. отъ Днѣпра по берегамъ Десны и Оки къ среднему теченію Волги, и на З. отъ Днѣпра до Эльбы, по берегамъ Вислы, Сана и Одера, рано приглашали человѣка къ земледѣлію, осѣдлой жизни, учрежденію правильныхъ общественныхъ формъ; эти земли не могли долго оставаться невоздѣланными. Откуда получили Галицкая Русь и Волынь первоначальныхъ жителей — вопросъ маловажный; мы охотно соглашаемся съ мнѣніемъ нашего древнѣйшаго лѣтописца (4), что Паннонія и Булгарія были колыбелью Славянъ разселившихся отсюда въ разныя стороны. Шафарикъ рѣшился (5) доказывать, что нынѣшняя Галицкая Русь, Великая или Бѣлая Хорватія Византійскихъ лѣтописцевъ была родиною Славянъ; мнѣніе заслуживающее уваженія, но едва ли справедливое; общій голосъ всѣхъ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ Славянскихъ лѣтописцевъ и историковъ утверждаетъ (6), что Иллирикъ, Паннонія и Мизія были первоначально населены Славянами, и такъ родиною ихъ мы принимаемъ низменность средняго теченія р. Дуная. Отсюда то получили жителей Галицкая Русь и Волынь. Когда именно—это вопросъ несущественный; довольно знать, что въ исходѣ IX вѣка обѣ этѣ страны имѣли жителей Славянскаго племени. Мало по малу люди сближались, начали заводить общества, подчиняться однимъ начальникамъ; однимъ словомъ здѣсь, какъ и вездѣ, начали развиваться сѣмяна благоустроенной общественной жизни, присущія душѣ человѣка. Движенія многочисленныхъ кочующихъ

---

(4) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 3, 5 и 12.

(5) Славянскія древности II кн. 1. 400. кн. 2. 180.

(6) См. Преп. Нестора, Богухвала, Кадлубка, Длугоша, Козьму Пражскаго, Діоклейскаго священника и иныхъ.

Ордъ Востока, спускавшихся съ возвышенной плоскости Средней Азіи и приходившихъ въ Европу подъ различными именами присвоивать себѣ правомъ сильнаго произведенія чужаго труда, долго уничтожали возможность благоустроенныхъ обществъ въ Юго-Западной Руси. Отдѣльныя племена, чуть начинавшія слагаться въ общества, не могли противуставить серьознаго сопротивленія натиску номадовъ; они уступали, спасались по лѣсамъ или оказывали покорность завоевателямъ. Слѣдственно образованіе Государствъ независимыхъ изъ разрозненныхъ племенъ, колѣнъ и обществъ было невозможно, пока они дѣйствовали отдѣльно, каждый для себя. И вотъ является особое племя *Русь;* это племя собирательное, заключавшее въ себѣ и Нѣмецкія, и Турецкія и Славянскія стихіи, съ преобладаніемъ впрочемъ послѣднихъ (7). Оно, это племя, поставило цѣлью своего существованія *войну*, но не для грабежа, а для основанія Государства, для цѣлей созидательныхъ, а не разрушительныхъ, для того чтобы приготовить почву высшему нравственному образованію. Вездѣ гдѣ есть враги, опасности и битвы — вездѣ является Русь; умиривъ Новгородъ, покоривъ Сѣверныхъ Славянъ, она переносится на Югъ, гдѣ враговъ было болѣе, но гдѣ и просвѣщеніе было ближе. Неутомимо, безпрерывно работаетъ мечемъ Русь, бросая основанія исполинскаго Царства. Русь не умираетъ; ежегодно она подкрѣпляется всѣми, лучшими силами народа; всѣ племена Славянскія даютъ ей свой контингентъ (участокъ). Сначала племена Татарскія, Турецкія и Монгольскія стремились внутрь Европы; но, съ усиленіемъ Германской Имперіи, имъ утвердиться тамъ было невозможно. Венгры суть, за исключеніемъ Турковъ, пришедшихъ въ Европу инымъ путемъ, послѣднее Азіатское

---

(7) Въ древнихъ дружинахъ нашихъ Князей находимъ Печенѣговъ, Ятвяговъ, Ляховъ, Торковъ, Половцевъ.

племя, которому посчастливилось проникнуть въ глубину Европы и поселиться здѣсь. Пришедшія позднѣе, орды нашли уже запертою дверь въ Западную Европу; только безчисленные Монголы едва было не проникли туда. Но между движеніемъ Венгровъ и Монголовъ прошло болѣе трехъ вѣковъ; переселеніе изъ Азіи въ Европу продолжалось; полчища номадовъ останавливались на степяхъ, лежащихъ вдоль нижняго теченія рр. Дона, Днѣпра, Буга, Днѣстра и Дуная, приспособленныхъ самою природою для привольнаго житья народовъ-скотопитателей, гдѣ еще въ VIII столѣтіи утвердились Козары и основали было что то въ родѣ Государства (8). Эти Азіатскіе номады, безпрестанно получавшіе подкрѣпленіе изъ глубины Азіи, были бичемъ для начинавшихъ возникать, благоустроенныхъ Славянскихъ обществъ. Печенѣги, Половцы, Торки — это одно и тоже въ сущности, но подъ различными именами. Еще до появленія этихъ народовъ, Козары присвоили себѣ право дани надъ нѣкоторыми Славянскими племенами. Русь — дружина низвергла иго владычества Козаровъ и совокупила нѣсколько Славянскихъ племенъ во едино. Тѣмъ дѣло Руси съ Азіатскими варварами не было покончано; это было повтореніе баснословной борьбы Геркулеса съ Лернейскою гидрою. Побѣждены Козары — являются Печенѣги; Ярославъ 1 наноситъ рѣшительный ударъ послѣднимъ; но при Изяславѣ 1 являются Половцы, болѣе многочисленные и болѣе злые враги Руси, чѣмъ Печенѣги. Итакъ Руси было довольно дѣла на Югѣ, чтобы отражать нападенія многочисленныхъ враговъ. Такъ сильно вліяніе внѣшней природы на направленіе дѣятельности человѣка. Къ Сѣверу отъ р. Роси и Ереля (или Угла) возникли Государства благоустроенныя, жили люди мирные, занимавшіеся земледѣліемъ и торговлею, имѣвшіе начатки образованности; нѣсколько Южнѣе

---

(8) См. Лавр. Л. стр. 7 и 8.

обитали кочующія орды; недовольные произведеніями стадъ своихъ, они кормились насчетъ болѣе богатыхъ и трудолюбивыхъ своихъ сосѣдей; эти послѣдніе могли жить безопасно только подъ условіемъ вѣчной осторожности, вѣчной борьбы съ первыми. Отсутствіе рѣзкихъ естественныхъ предѣловъ на всемъ обширномъ пространствѣ Юго-Западной Руси, если поставило ее безащитною отъ враговъ внѣшнихъ, то, съ другой стороны, открыло ей обширное, безграничное поле для ея расширенія. Самая беззащитность, естественная невозможность надѣяться на содѣйствіе природы, не была вовсе безполезною, ибо пріучила Русь надѣяться лишь на свою доблесть; правда — что это молодечество, въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ отсутствія высшаго образованія и отъ слишкомъ частаго столкновенія съ совершенными варварами, перешла въ безотчетную, дикую удаль, не дававшую ни себѣ, ни другимъ покоя, въ злоупотребленіе силы физической, остановившее Юго-Западную Русь въ ея блестящемъ развитіи. Силы, которыя необходимо должны были быть устремленными на враговъ внѣшнихъ, истощались въ вредной междуусобной войнѣ. Юго-Западные Руссы предъ нашествіемъ Татаръ ничѣмъ не лучше Половцевъ; они грабятъ другъ друга съ помощью варваровъ и потомъ идутъ въ землю Половцевъ набрать себѣ добычи (9), обогатиться грабежомъ грабителей! Естественно, что при такомъ разложеніи составныхъ своихъ стихій Юго-Западная Русь немогла существовать самостоятельно. Но, по мѣрѣ того какъ Юго-Западная Русь подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ, которыя въ IX вѣкѣ способствовали ея процвѣтанію, въ XIII в. клонилась къ паденію, въ Сѣверо-Восточной Руси возникло Государство Славянское съ болѣе прочными основаніями, съ яснѣе сознанными на-

---

(9) Или *ополониться* по выраженію того времени; см. Ипат. Л. стр. 127. 129 и мн. др.

чалами государственной жизни, среди племени, не менѣе дѣятельнаго, какъ и Малороссійское, но болѣе прочнаго, болѣе стойкаго, болѣе терпѣливаго, болѣе умнаго, менѣе исключительнаго, менѣе пылкаго, болѣе созрѣвшаго духомъ, и опытностью.

Исторія Юго-Западной Руси представляетъ явленіе, свойственное всякому явленію земной природы и человѣческой дѣятельности: начало, процвѣтаніе, упадокъ или разложеніе на составныя стихіи, изъ которыхъ имѣютъ развиться новыя явленія. Первый періодъ исторіи Юго-Западной Руси представляетъ намъ ее сильною внутри и извнѣ; дѣленіе на удѣлы, явленіе совершенно необходимое по понятіямъ и обстоятельствамъ того времени, служило только ей къ пользѣ. Каждый Князь, окруженный дружиною, приходилъ въ городъ и становился средоточіемъ новаго круга явленій; онъ былъ судьею, защитникомъ и просвѣтителемъ цѣлой области; гражданственность вмѣстѣ съ Христіанствомъ, съ новыми понятіями, принесенными изъ Византіи, какъ лучами расходилась изъ Княжеской резиденціи; ибо Князья и Дворъ, духовенство, ихъ окружавшее, были образованнѣе народа. Впрочемъ и въ самое цвѣтущее время Юго-Западной Руси обнаружилось уже недовольство тѣмъ порядкомъ вещей, который въ ней господствовалъ. Вся земля древней Руси была разсматриваема какъ нераздѣльное, общее достояніе одного Княжескаго дома т. е. дома Ярославова (10). Исключеніе составляло Полоцкое княженіе, но и оно временно было покорено Ярославичами и присоединено къ общему ихъ имуществу.—Младшіе члены Княжескаго семейства не могли помириться съ порядкомъ вещей, устранявшимъ ихъ отъ участія въ пользованіи общимъ достояніемъ ихъ дома. Связанные единствомъ

---

(10) См. С. М. Соловьева — Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома, Введеніе стр. I—V.

интерессовъ, эти Князья удаляются въ отдаленное Тмутороканское княженіе. Ростиславъ Владиміровичъ, сынъ старшаго сына Ярославова, умершаго прежде отца, утвердился здѣсь, но погибъ отъ коварства Грека. Дѣти его: Рюрикъ, Володарь и Василько скитались по домамъ родственниковъ, узнали всю горечь чужаго хлѣба и, пришедши въ лѣта мужества, презрѣли родовыя отношенія; единственнымъ правомъ на пріобрѣтеніе собственности у нихъ былъ мечь и потому одиножды завоеванное они привыкли считать своею неотъемлемою собственностью, не принадлежащею уже къ общей собственности Княжескаго дому (11); Ростиславичи утвердились въ Галицкой Руси и удержались тамъ не смотря на сопротивленіе родственниковъ; Володарь и Василько явно воспротивились относившемуся къ нимъ пункту рѣшеній Увѣтичевскаго Княжескаго съѣзда; отсюда начало упадка Кіевской Юго-Западной Руси и самостоятельнаго существованія Галицкой Руси. Здѣсь возникъ новый порядокъ вещей; члены дружины Галицкихъ Князей присвоили себѣ въ своей сферѣ дѣятельности тѣже права, что ихъ Князья въ своей. Дружина Галицкихъ Князей приняла характеръ осѣдлый; каждый членъ ея обратился въ поземельнаго собственника и присвоилъ себѣ неограниченное право собственности на землю, на которой онъ сѣлъ т. е. сталъ княземъ на своей землѣ. Отселѣ Галицкая Русь представляетъ характеръ внутренней борьбы между князьями и членами ихъ дружины или боярами; Князья Галицкой Руси хотѣли быть ея Государями въ нынѣшнемъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ это была дума Романа Мстиславича и сына его Даніила (12). Напротивъ Князья Кіевской Руси и Волыни мало по малу становились просто

---

(11) С. М. Соловьева—Исторія отношеній и проч., стр. 126 слѣд.

(12) Перваго лѣтопись называетъ *Самодержцемъ всей земли Русской;* Даніилъ носилъ Королевскій титулъ.

земле-владѣльцами; болѣе всего они были чужды идеи Государственной. Естественно, что при раздробленіи владѣній дошедшемъ до крайности въ Кіевской Руси, Галицкая Русь, нераздѣльное достояніе одного Князя, мало по малу должна была пріобрѣсти первенствующее вліяніе на судьбу первой, вліяніе, которое скоро должно было перейдти въ господство и мѣсто Юго-Западной Руси заняла одна Галицкая Русь. Но сѣмена внутренняго неустройства, своеволіе бояръ, близкое сосѣдство могущественныхъ враговъ не обѣщало долгоденствія Галицкой Руси. Блестящее ея время было при Даніилѣ Романовичѣ; онъ умомъ, стойкостью характера, личнымъ мужествомъ умѣлъ обуздать своеволіе бояръ. При сыновьяхъ и преемникахъ его, бояре Галицкіе усиливались болѣе и болѣе; Князь сталъ не болѣе, какъ старшимъ изъ бояръ; наконецъ исторія перестаетъ интересоваться есть ли въ Галичѣ князь и кто именно; бояре примкнули къ Польскимъ панамъ; мало по малу приняли Латинское исповѣданіе, ополячились совершенно и Галицкая Русь вошла, по крайней мѣрѣ, на время, въ составъ Польши (13). Изъ предъидущаго обзора ясно, что судебъ Кіевской и Галицкой Руси отдѣлять не слѣдуетъ и потому мы будемъ разсматривать исторію той и другой вмѣстѣ какъ исторію Юго-Западной Руси. Для удобнѣйшаго же разсмотрѣнія можно ее раздѣлить на слѣдующія части: 1) до Увѣтичевскаго съѣзда, здѣсь начало Галицкой и процвѣтаніе Кіевской Руси; 2) до смерти Изяслава Мстиславича—борьба Галицкой и Кіевской Руси; 3) до смерти Романа Мстиславича—упадокъ Кіевской и явный перевѣсъ Галицкой Руси; 4) Смуты въ Галицкой Руси до окончательнаго ихъ усмиренія Даніиломъ; подробное ихъ изслѣдованіе знакомитъ насъ съ невѣрнымъ и непрочнымъ

---

(13) См. С. М. Соловьева—Исторія отношеній и пр. стр. 367—373.

положеніемъ Гал. Руси между Польшею и Венгріею, съ язвами ея внутреннихъ неустройствъ; 5. Княженіе Даніила лучшее время Гал. Руси; 6. Упадокъ дома Даніилова; Галицкая Русь входитъ въ составъ Польши. Въ заключеніи, представимъ общій обзоръ событій Юго-Западной Руси и характеръ ихъ.

ГЛАВА II.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

ДО УВѢТИЧЕВСКАГО СЪѢЗДА (14).

Земли, въ послѣдствіи входившія въ составъ Юго-Западной Руси, были очень мало извѣстны Грекамъ и Римлянамъ. Первые, лѣтъ за 500 до Р. Х., заняли своими колоніями Сѣверный берегъ Чернаго моря, но внутренность страны осталась имъ неизвѣстною; краткія извѣстія о ней находятся въ IV-й книгѣ Геродота; онъ говоритъ о рѣкахъ Борисфенѣ, Гипанисѣ, Тирасѣ, Истрѣ, Пантикапесѣ, Гипацирисѣ, Геррусѣ и Танаисѣ; о народахъ: Скиѳахъ или Сколотахъ (они у него дѣлятся на 4 колѣна: Авхаты, Катіары, Траспіи и Паралаты), Каллипидахъ (Греко-Скиѳахъ), Алазонахъ, Скиѳахъ-земледѣльцахъ (15); всѣ эти народы, по словамъ Геродота (16), жили вдоль рѣки Буга или Гипаниса, на Востокъ отъ Борисѳена. Къ В. отъ Гипаниса,

---

(14) Источникъ для этой главы: Полнаго Собр. Рус. лѣтописей, т. 1. *Пособія:* Славянскія древности Шафарика, 5 ч. 1848; *Карамзина* Ист. Гос. Росс. томъ I; Исторія Татищева т. I. части 1 и 2.

(15) Panthéon Littéraire—Hérodote, p. 134, 142.

(16) Hérodote, L. IV. ch. VI. и XLVII.

между этою рѣкою и Пантикапесомъ, въ странѣ, называемой *Гилея* или *лѣсистая,* жили при Геродотѣ Скиѳы-земледѣльцы; Греки называли ихъ Борисѳенитами, а сами себя они называли Ольбіополитами; къ С. отъ нихъ жили Андрофаги, народъ вовсе не Скиѳскій; еще далѣе за ними къ С. находится страна дикая и неизвѣстная (17). Между Пантикапесомъ и Герромъ, въ странѣ, совершенно лишенной лѣса, жили Скиѳы-номады; за Герромъ, къ Востоку, находится страна Скиѳовъ-Царскихъ; къ Сѣверу отъ нихъ живутъ Меланхлены, народъ также не Скиѳскій; занимъ, къ С. находятся только болота и страна безъ жителей (18). Страна къ В. отъ Танаиса, по словамъ Геродота, не принадлежитъ къ Скиѳіи; въ ней живутъ: Савроматы, Будины, Тиссагеты, Ирки, Агриппеи, Исседоны и Гипербореи (19). Читая въ 47 главѣ IV кн. Геродота описаніе страны кочующихъ Скиѳовъ, узнаемъ во всѣхъ чертахъ нынѣшнія Новороссійскія степи; а, читая въ 46 главѣ, образъ жизни Скиѳовъ видимъ удивительное сходство ихъ съ Половцами (20). О рѣкахъ Юго-Западной Руси Геродотъ говоритъ слѣдующее: Истръ впадаетъ пятью устьями въ Евксинскій понтъ; въ Скиѳіи Истръ принимаетъ 5 рѣкъ: Пората (Греки эту рѣку называли Пиретосъ), Тіаранте, Арарусъ, Напарисъ и Ордессусъ. Тирасъ (нынѣ Днѣстръ) течетъ отъ С. и беретъ начало изъ большаго озера, отдѣляющаго Скиѳію отъ Невриды. Греки, называемые *Тиритесъ,* живутъ около устья Тираса (21). Гипанисъ (нынѣ *Бугъ*) выходитъ изъ большаго озера Скиѳіи, вокругъ котораго пасутся стада дикихъ бѣлыхъ коней; озеро, по справедливости, называется *матерью Гиланиса.* Гипанисъ,

---

(17) Hérodote—Livre. IV. ch. XVIII.
(18) l. c. L. IV. ch. XIX и XX.
(19) l. c. L. IV. ch. XXI—XXXVII.
(20) Panthéon Littéraire p. 143·
(21) Объ Истрѣ говоритъ Геродотъ. L. IV. ch. XLVIII—LI.

по Скиѳски *Ексампи*, что значитъ *Священныя воды*, отдѣляетъ своимъ теченіемъ страну Скиѳовъ — земледѣльцевъ отъ страны Алазоновъ; въ области послѣднихъ Гипаннсъ и Тирасъ сближаются своими руслами, но ниже опять расходятся на большое разстояніе. За 4 дни пути отъ устья воды Гипаниса становятся горьки; ибо онъ принимаетъ въ себѣ ручей, содержащій воду горькаго вкуса (22). Къ В. отъ Гипаниса течетъ Борисѳенъ, по величинѣ первая послѣ Истра рѣка; источники Борисѳена Геродоту неизвѣстны; теченіе этой рѣки было извѣстно Грекамъ на 40 дней плаванія вверхъ до мѣста называемаго *Герръ;* по какой странѣ течетъ Борисѳенъ къ С. отъ Герра и какіе народы живутъ по его берегамъ—это рѣшительно неизвѣстно Геродоту, по его собственному признанію; но онъ предполагаетъ, что Борисѳенъ течетъ по пустынной странѣ, прежде чѣмъ входитъ въ страну Скиѳовъ-земледѣльцевъ, живущихъ по его берегамъ на пространствѣ въ 10 дней пути. Борисѳенъ и Гипанисъ вливаются въ одинъ заливъ, сходясь устьями (23). Скиѳія Геродота представляетъ неправильный четырехугольникъ, двѣ стороны котораго упираются въ море, а другія двѣ идутъ во внутренности страны; вдоль берега Евксинскаго и Меотическаго морей, отъ устья Истра до устья Танаиса, Скиѳія простирается на 4000 стадій и на столько же внутри страны. Съ этой стороны, начиная отъ Истра къ Сѣверу, живутъ по Скиѳской границѣ слѣдующіе народы: сначала Агаѳирсы, потомъ Невры, за ними Андрофаги и наконецъ Меланхлены (24). Вотъ, по Геродоту, описаніе страны, лежащей между Дунаемъ и Днѣпромъ; видно, что ему очень хорошо извѣстно было прибрежье Чернаго м., но внутренность страны, чѣмъ далѣе къ С.,

---

(22) Hérodote, L. IV. ch. LII.
(23) Hérodote, L. IV. ch. LIII.
(24) Hérodote, L. IV. ch. C. и CI.

тѣмъ становилась неизвѣстнѣе. Что касается Будиновъ и Гелоновъ, которыхъ Шафарикъ (25) усердно старается сдѣлать Славянами, то мы признаемся, что несогласны съ нимъ, тѣмъ болѣе что Будины и Гелоны, по Шафарику при-Днѣпровскіе народы, по Геродоту жили на Востокъ отъ Танаиса между Меланхленами и Савроматами (26).

Мы остановились на Геродотовомъ описаніи Скиѳіи и прилежащихъ земель потому особенно, что оно, хотя не точное и основанное на слухахъ, на разсказахъ туземцевъ, служило источникомъ для познанія земель, лежащихъ къ С. отъ Чернаго моря, въ продолженіи всѣхъ древнихъ вѣковъ. Не только Страбонъ и Плиній Старшій, но и Птолемей Александрійскій вносили Геродотово описаніе Скиѳіи въ свои сочиненія, съ присовокупленіемъ весьма не многихъ новыхъ извѣстій (27). Притомъ, не смотря на всѣ свои недостатки, указанные выше, Геродотово описаніе земель, въ послѣдствіи извѣстныхъ подъ именемъ Юго-Западной Руси, есть лучшее до временъ Преподобнаго Нестора, который своей лѣтописи предпослалъ сжатое, но мастерское географическое обозрѣніе страны. Начавъ словами Греческаго Хронографа описаніе земель тогда извѣстныхъ, Преп. Несторъ говоритъ (28) что, за Понетьскимъ моремъ лежатъ полунощныя страны, гдѣ текутъ рѣки Дунай и Днѣстръ, гдѣ проходятъ горы Кавкансинскія, иначе Угорьскія; этѣ полунощныя страны на В. доходятъ до Днѣпра; въ нихъ же текутъ рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ и Волга, текущая на Востокъ. Въ этихъ странахъ живутъ Русь, Чюдь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямъ, Угра, Литва, Зимѣ-

---

(25) Славянскія Древности, I. кн. I. с. 304—307.
(26) Hérodote, L. IV. ch. XX, CVIII и CIX.
(27) Schirlitz—Handbuch der alten Geographie. S. 272 sqq.
(28) Лаврентьев. л. стр. 2.

гола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляхиже, Пруси и Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому: по этому морю къ В. сѣдятъ Варяги, а къ З. по тому же морю сѣдятъ они же до Англіи и Италіи. Далѣе, говоря о народахъ отъ колѣна Іафетова, лѣтописецъ исчисляетъ ихъ: Варяги (вообще: Нѣмцы), Свеи, Урмане, Готѣ, Агняне, Галичане (Галлы), Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици и Фрягове (Франки). *Языкъ Словѣнескъ* отъ Іафетова племени, есть одинъ изъ 72 языковъ, о смѣшеніи которыхъ при столпотвореніи Вавилонскомъ повѣствуетъ Св. Писаніе. Словѣне, иначе Норци, сѣли первоначально по Дунаю, гдѣ нынѣ (въ XI вѣкѣ) находится Угорьская земля и Болгарьская (29). Отсюда, съ береговъ Дуная, Словѣне выселялись въ разныя мѣста подъ разными именами; одни сѣли по берегамъ р. Моравы и прозвались *Морава;* другіе Словѣне нареклись Чехами. Хровати Бѣліи, Серебь и Хорутане суть также Словѣне. Волохи пришли на Дунайскихъ Словѣнъ, поселились между ними и начали ихъ угнетать; Словѣне вышли оттуда; одни изъ нихъ поселились по берегамъ Вислы; подъ общимъ именемъ Ляховъ они дѣлились на 4 племени; это были: Поляне, Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Другіе поселились по берегамъ Днѣпра и назвались Поляне; нѣкоторые Словѣне сѣли въ лѣсахъ и оттого получили имя Древлянъ. Словѣне, сѣвшіе между Припетью и Двиною, нареклись Дреговичами; иные, поселившіеся на берегахъ Двины, нареклись Полочанами отъ рѣчьки Полоты, впадающей въ Двину. Словѣне, избравшіе для своего жительства берега озера Ильменя, сохранили свое названіе и построили городъ, именемъ Новгородъ. Словѣне, поселившіеся по рр. Деснѣ, Семи, Сулѣ нареклись Сѣверъ (30). Каждое изъ этихъ племенъ жило само по себѣ,

(29) Лаврент. л. стр. 3.
(30) Лаврент. л. стр. 3.

управляемое своими родами; до призванія Рюрика имѣли своихъ князей (31): Поляне (потомковъ Кія), Древляне, Дреговичи, Словѣне Новгородскіе и Полочане. На верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги поселились Кривичи; въ ихъ землѣ былъ городъ Смоленскъ. Къ Югу Кривичи сосѣдятъ съ Сѣверянами. Въ Руси къ Словѣньскому языку принадлежатъ только: Поляне, Деревляне, Новогородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане (такъ названные потому, что поселились по берегамъ р. Буга, въ послѣдствіи они назывались Велыняне). А народы, дающіе дань Руси суть: Чюдь, Меря (жилъ по берегамъ Клещина и Ростовскаго озера), Весь (на Бѣлѣ озерѣ), Мурома (при сліяніи Оки и Волги), Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямъ, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь. Радимичи, поселившіеся по берегамъ Сожа, и Вятичи, по берегамъ Оки, суть выходцы отъ Ляховъ. Поляне, Деревляне, Сѣверъ, Радимичи и Вятичи—жили мирно. Дулѣбы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне; Улучи, Тиверьцы сидѣли по Днѣстру и отчасти по Дунаю; число ихъ было весьма велико, ибо они жили по берегамъ Днѣстра до самаго устья его въ море. Города ихъ существуютъ и понынѣ. Эти мѣста у Грековъ назывались *великая Скуфь* (32). Познакомивъ насъ съ мѣстностью страны и съ разселеніемъ по ней народовъ Словѣнскихъ, пр. Несторъ исчисляетъ народы, которые или проходили чрезъ страны, занятыя Словѣнами, или покоряли ихъ на время (33); первые по порядку времени были: Болгаре, пришедшіе отъ Скуфъ т. е. отъ Козаръ; они поселились по Дунаю и угнетали Словѣнъ; за Болгарами послѣдовали Черные Угры, во время Императора Византійскаго Ираклія (610—641); потомъ *Обры* (Авары), воевавшіе съ Иракліемъ

---

(31) Лаврент. л. стр. 5.
(32) См. Лаврент. л. стр. 5.
(33) Тамъ же, стр. 5 и 7,

и чуть не захватившіе его въ плѣнъ (въ 618 году); они завоевали Словѣновъ—Дулѣбовъ и насиловали ихъ женъ; но владычество Обровъ было не продолжительно. За ними послѣдовали Печенѣги и Угры Бѣлые (Венгры). Козары, поселившіеся на Сѣв. берегу Чернаго моря, наложили дань на Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Этому способствовали, можетъ быть, внутреннія несогласія Словѣнъ; лѣтописецъ именно говоритъ (34), что Поляне были обидимы Древлянами и иными окольными народами. На Сѣверѣ нынѣшней Руси Словѣне, Чюдь и Кривичи платили дань Варягамъ (35); въ 6370 г. отъ сотв. міра Чудь, Словѣне и Кривичи изгнали Варяговъ за море, не дали имъ дань, начали управляться сами собою. Не было въ нихъ правды; родъ возсталъ на родъ, возникли усобицы и начали воевать между собою. Образумившись, они сказали сами въ себѣ: «поищемъ себѣ князя, который владѣлъ бы нами и судилъ по праву.» Чюдь, Словѣне и Кривичи пошли за море къ Варягамъ, къ Руси и сказали имъ: «вся земля наша велика « и обильна, а наряда въ ней нѣтъ. Пойдите княжить и « владѣть нами.» Три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ родами своими вызвались и вышли къ Новогородцамъ со всею Русью. Это событіе высшей важности не вдругъ возъимѣло вліяніе на Юго-Западную Русь, но вліяніе это было благотворно, и разрозненные Словѣне, дотолѣ обидимые безнаказанно сосѣдами, стали грозою даже отдаленныхъ народовъ (36). Такую важную перемѣну въ положеніи Южныхъ Словѣнъ произвели Аскольдъ и Диръ съ Русью. Русь была тамъ вездѣ, гдѣ были враги, опасность, надежда славы и добычи. Объ этомъ событіи лѣтописецъ подъ самымъ годомъ призванія Рюрика говоритъ (37) слѣдующее:

---

(34) Тамъ же, стр, 7,
(35) Тамъ же, стр, 8,
(36) Тамъ же, стр, 8 и 9,
(37) Лаврент. л. стр. 9.

« было у него (Рюрика) два мужа, не его племени, но боя-
« рина; они съ родомъ своимъ испросились къ Царю-городу.
« Они отправились по Днѣпру и, идя мимо, увидѣли на
« горѣ городокъ и спросили, чей онъ? Имъ отвѣчали:
« жили когда то три брата Кій, Щекъ и Хоривъ; они вы-
« строили этотъ городокъ, а послѣ ихъ смерти мы принуж-
« дены платить дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались
« въ семъ городѣ, собрали много Варяговъ и начали вла-
« дѣть Польскою землею.» Въ 6374 году, по лѣтописцу, Аскольдъ и Диръ съ Русью ходили къ Царю-городу и — неудачно. Власть Рюрика не простиралась на Словѣнское населеніе Юго-Западной Руси; ее признавали надъ собою: Новогородскіе Словѣне, Кривичи, Весь, Меря и Мурома. Примѣръ Аскольда и Дира, основавшихъ помимо Рюрика владычество въ Кіевѣ, не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Переселеніе Варяговъ не окончилось съ приходомъ Рюрика и лѣтъ сто спустя, мы находимъ, что въ Полотьскѣ княжилъ нѣкто Рогволодъ, а въ Туровѣ—Варягъ Туръ (38). Но всѣ эти отдѣльные зараждающіеся міры слились въ одинъ общій, средоточіе котораго было въ Кіевѣ. Въ 6387 году умеръ Рюрикъ (39), а въ 6390 преемникъ его, Олегъ двинулся изъ Новагорода къ Югу; въ войскѣ его были Варяги, Чудь, Словѣне, Меря, Весь и Кривичи. Смоленскъ и Любечь — волею, неволею сдалось Олегу. Хитростью этотъ мудрый завоеватель взялъ Кіевъ; Аскольдъ и Диръ были убиты. Лѣтописецъ, влагая въ уста Олега слова о Кіевѣ: «се буди мати градомъ Русскимъ», ясно представляетъ (40) намъ Олега основателемъ Юго-Западной Руси. Выше мы видѣли, что на обширномъ пространствѣ по обоимъ берегамъ р. Днѣпра, жили, разбросанныя по полямъ и лѣсамъ, отдѣ-

---

(38) Лаврент. л. стр. 32.
(39) Лаврент. л. стр. 9.
(40) Тамъ же, стр. 10.

ленныя другъ отъ друга большими пространствами, различныя Словѣнскія племена; каждое порознь оно было слишкомъ слабо, чтобы оказать сопротивленіе завоевателю. Необходима была внѣшняя сила, которая единствомъ цѣли связала бы всѣ эти родственныя племена въ единство политической жизни. Эта внѣшняя сила была сила меча, единственная признаваемая простымъ человѣкомъ. Русь мечомъ соединила племена Словѣнскія въ одно политическое цѣлое; Православіе, принесенное изъ Византіи, дало этому цѣлому духовную жизнь, нравственную физіономію. Итакъ воинственный характеръ Русскаго Государства условливается обстоятельствами; нужно было отстаивать собственность отъ грабительныхъ Ордъ Востока, политическую самобытность отъ многочисленныхъ и опасныхъ враговъ, вѣру Православную отъ Латинства, обуревавшаго насъ со всѣхъ сторонъ. До принятія Христіанства, пока Православіе не скрѣпило нравственными нерасторжимыми узами стихіи жизни юнаго Русскаго Государства, Русскій Князь изъ Кіева, какъ съ башни, наблюдалъ за завоеванными племенами, изъ которыхъ каждое жаждало самобытности; брани не прекращались: одинъ бунтъ утихалъ, возникалъ другой. Лѣтописи юнаго Русскаго Государства содержатъ дневникъ военныхъ дѣйствій, большею частью славныхъ и удачныхъ, но иногда и несчастныхъ. Въ этихъ краткихъ и повидимому безполезныхъ извѣстіяхъ: *иде* туда-то, побѣдилъ тѣхъ-то, раскрывается цѣлая драма, исполненная энергіи и грусти. Каждая строчка лѣтописи, которую мы читаемъ безъ участія, стоила драгоцѣнной крови нашихъ предковъ. Одно поколѣніе своею доблестью или нерадѣніемъ готовитъ величіе или униженіе послѣдующаго. Олегъ, Святославъ, Владиміръ истинные основатели могущества Руси; если они дѣйствовали только *мечемъ*, то потому что въ ихъ вѣкъ, въ ихъ положеніи иначе дѣйствовать было невозможно. Остановиться, перейдти отъ наступательнаго образа дѣйствія къ оборонительному было бы гибельно для Руси. Остановиться

значитъ идти назадъ; все же въ природѣ идетъ впередъ и самимъ путемъ разрушенія приходитъ къ новому бытію. Всякая полезная дѣятельность лучше безплоднаго умозрѣнія; мечемъ созидаются державы, а выводы мыслителей, неоснованные на опытности, примѣненные къ дѣлу, губили ихъ. Наши предки не мудрствовали лукаво; прочтите Духовную Владиміра Мономаха и вы увидите какими добродѣтелями, какимъ образомъ жизни они основали могущество Руси. Принявъ Христіанство изъ истиннаго источника, незараженное свѣтскими притязаніями Епископовъ Рима, наши предки не имѣли нужды слушать лже-учителей и собственнымъ умомъ отгадывать то, что они могли обстоятельно узнать изъ Св. Писанія, доступнаго имъ на родномъ языкѣ. Владиміръ могъ на время, принявъ Христіанство, отдохнуть отъ трудовъ войны, вложить въ ножны окровавленный мечь, ибо духовенство приняло на себя часть его трудовъ; просвѣщая Христіанствомъ Словѣнскія племена, оно связывало ихъ единствомъ духовной жизни. Отнынѣ не мечь только, но и крестъ сталъ символомъ юнаго Русскаго Государства, отнынѣ Кіевъ былъ не столицею воинственнаго Князя только, грозы сосѣдственныхъ народовъ, но и матерью Православія въ Россіи, тѣмъ, чѣмъ для Евреевъ былъ храмъ Соломона, пульсомъ духовной жизни Русскихъ; отнынѣ не стало ни Радимичей, ни Вятичей, ни Полянъ, ни Деревлянъ, а стали только дѣти одной Церкви, подданные одного Князя. Конечно не вдругъ изчезло племенное различіе народовъ, признавшихъ надъ собою власть Руси, не вдругъ угасли частные интересы, не вдругъ изгладился провинціализмъ. Долго и долго еще проявлялся онъ въ гражданскомъ отношеніи, но въ духовномъ отношеніи Русь была, есть и будетъ едино стадо, единъ пастырь. Безжизненные лежали члены того, что въ послѣдствіи должно было составить тѣло великана Русскаго, *мертвая вода*, вещественнымъ организмомъ связавшая эти члены во едино — то былъ мечь древнихъ Князей Русскихъ; *живая вода* — дала

жизнь, одушевила это огромное тѣло; то было Православіе. Исполинъ — Русь — ожилъ и пошелъ...

Но пока Христіанство не вошло въ жизнь Руси, война, война безпрерывная была необходимымъ условіемъ ея существованія. Въ 6391 году Олегъ покорилъ Деревлянъ; въ 6392 — Сѣверянъ; въ 6393 — Радимичей, а велъ войну съ Уличами и Тиверцами (41). Въ 6415 году власть Олега уже признавали: Варяги, Словѣне Новогородскіе, Чюдь, Кривичи, Меря, Поляне, Сѣверяне, Деревляне, Радимичи, Хорваты, Дулѣбы и Тиверцы (42). Каждый изъ этихъ народовъ доставилъ свой участокъ въ войско, съ которымъ въ этомъ году Олегъ ходилъ къ Царюгороду и со славою. Великіе подвиги, совершенные Олегомъ, казались сверхъестественными его современникамъ, которые прозвали его *вѣщимъ* (43). Въ 6420 году Олегъ окончилъ свою славную жизнь. Во внутренней жизни Руси онъ достопамятенъ и кромѣ своихъ походовъ, усиліями установить какое нибудь единство между завоеванными имъ народами; онъ наложилъ на нихъ дань, единственную повинность того времени, признакъ покорности; платить дань—значило признавать надъ собою власть Русскаго Князя. Лѣтописецъ говоритъ (44) подъ 6390 г., что Олегъ уставилъ дани Словѣнамъ, Чюди и Кривичамъ. Новогородцы должны были платить по 300 гривенъ серебра ежегодно Варягамъ, *мира дѣля*. Деревляне, враги Полянъ, оказали, вѣроятно, сильное сопротивленіе Олегу; онъ ихъ за то примучилъ и велѣлъ платить по шкуркѣ черной куницы. Это единственный примѣръ строгости Олега съ побѣжденными; вообще же онъ обходился съ ними ласково, бралъ на себя обязанность ихъ защищать отъ

---

(41) Лаврент. л. стр. 10.
(42) Тамъ же, стр: 12.
(43) Лаврент. л. стр. 13.
(44) Тамъ же, стр. 9.

внѣшнихъ враговъ, а съ нихъ требовалъ легкой дани; лѣтописецъ именно говоритъ (45), что онъ поступилъ такъ съ Сѣверянами. Отгого и Словѣнскія племена не оказывали значительнаго сопротивленія; простодушный лѣтописецъ такъ разсказываетъ о покореніи Радимичей: послалъ Олегъ къ Радимичамъ спросить, кому дань даете? Тѣ отвѣчали: Козарамъ. И сказалъ Радимичамъ Олегъ: не дайте Козарамъ, но мнѣ дайте. И вдали Радимичи Олегу по щьлягу, какъ давали Козарамъ (46). Конечно большая разность между образомъ дѣйствія Олега съ побѣжденными и Германскихъ дружинъ на почвѣ Римской Имперіи! Лѣтописецъ говоритъ еще (47), что «Олегъ началъ города строить.» Во время правленія Олега, Угры или Венгры основали въ Панноніи могущественное Государство. Лѣтописецъ, подъ 6406 год., объ этомъ событіи разсказываетъ (48) такъ: «шли Угры « мимо Кіевъ горою, что нынѣ слыветъ Угорскою; при- « шедши къ Днѣпру, стали вежами; они были съ виду точь « въ точь наши Половцы. Пришли они откуда то съ Восто- « ка, а устремились на Западъ чрезъ великія горы и почали « воевать на живущая тутъ, Волхи и Словѣне. Здѣсь прежде « жили одни Словѣне, но Волхвы заняли Словѣнскую зем- « лю. Угры прогнали Волоховъ, наслѣдовали ихъ землю и « поселились между Словѣнами, покоривъ ихъ подъ свою « власть; оттолѣ прозвалась земля Угорьская.» Венгры начали воевать на Грековъ и поплѣнили землю Ѳракійскую и Македонскую даже до Селуня; потомъ на Мораву и Чеховъ. Въ 6409 году Императоръ Византійскій Леонъ (886 — 911) навелъ Угровъ на Болгарскаго Царя Симеона (883 — 927); Угры одолѣли Симеона, который едва имѣлъ время скрыть-

---

(45) Олегъ говоритъ Сѣверянамъ о Козарахъ: «азъ имъ противенъ, а вамъ нечему.» (Лавр. л. стр. 10.)

(46) Лаврент. л. стр. 10.

(47) Тамъ же, стр. 10.

(48) Тамъ же, стр. 10 и 11.

ся въ Дерстеръ (49). Говоря о завоеваніхъ Венгровъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: (50) *бѣ единъ языкъ Словѣнескъ, Словѣне иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри и Марава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.* Тутъ же лѣтописецъ разсказываетъ (51) о событіи, весьма важномъ для исторіи всѣхъ Словѣнъ, о переводѣ Св. Писанія на Словѣнскій языкъ: *симъ бо первое преложены книги Маравѣ, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.* Далѣе лѣтописецъ говоритъ: Словѣне были уже крещены; три князя ихъ Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ послали къ Царю Михаилу (842—876) сказать: «земля наша крещена, но нѣтъ у насъ « учителя, который бы обучалъ и просвѣщалъ насъ и про- « толковалъ бы святыя книги; не разумѣемъ ни Греческаго, « ни Латинскаго языка; одни насъ учатъ такъ, а другіе « иначе; пошли намъ мужа, который объяснилъ бы намъ « книжная словеса и разумъ ихъ.» Михаилъ отправилъ къ Словѣнамъ двухъ ученыхъ и разумныхъ людей, родомъ изъ Селуня, Меѳодія и Константина; они составили письмена азьбуковная Словѣнская и преложили сначала Апостолъ и Евангеліе, потомъ Псалтырь, Октоихъ и прочія книги; наконецъ Меѳодій при помощи двухъ скорописцевъ поповъ, въ теченіи 6 мѣсяцевъ (отъ марта до октября) перевелъ все Св. Писаніе съ Греческаго языка на Словѣнскій. Константинъ отправился учить народъ Болгарьской; а Меѳодій остался въ Моравѣ. Князь Коцелъ поставилъ Меѳодія Епископомъ въ Паніи, на столѣ Св. Андроника, одного изъ 70 Апостоловъ, ученика Св. Апостола Павла. Разсказавъ это, лѣтописецъ присовокупляетъ слѣдующее размышленіе: «учи- « тель Словѣньскому языку есть Андроникъ Апостолъ; ибо

---

(49) Лаврент. л., стр. 11.
(50) Тамъ же, стр. 11.
(51) Тамъ же, стр. 11—12.

« онъ посѣтилъ Моравскую землю; она то и есть тотъ Иллирикъ, куда ходилъ Апостолъ Павелъ. Тутъ первоначальная родина Словѣнъ *(ту бо бѣша Словѣне первѣе)*. Слѣдовательно Апостолъ Павелъ есть учитель Словѣньску языку, отъ котораго и мы — Русь — происходимъ; слѣд. и намъ Руси учитель есть Апостолъ Павелъ, такъ какъ онъ училъ языкъ Словѣнской и по себѣ поставилъ учителя и намѣстника Словѣньску языку Андроника. А Словѣньской языкъ и Русской — одинъ и тотъ же; ибо отъ Варягъ прозвались Русью, а спачала были Словѣне, хоть и назывались Полянами, но Словѣньская рѣчь была у нихъ; Полянами прозвались они потому, что жили въ Поляхъ, а Словѣньской языкъ былъ у нихъ одинъ и тотъ же (52).

Тридцатитрехлѣтнее Княженіе Игоря (отъ 6421 по 6453) столь же скудно событіями (53), сколь богато ими княженіе его предшественника. Что виною тому, молчаніе ли лѣтописца или недѣятельность и нерадѣніе Князя—неизвѣстно. Княженіе Игоря въ памяти потомства ознаменовано было только двумя значительными событіями: неудачнымъ походомъ въ Грецію и походами на Древлянъ, имѣвшими несчастный конецъ. Въ 6453 году Игорь убитъ ими. Въ 6421 г., первомъ Игорева княженія, Древляне отказали въ повиновеніи Игорю; въ 6422 г. онъ идетъ на нихъ, побѣждаетъ и налагаетъ на нихъ дань большую прежней (54). Въ 6453 г. (55) Игорь, послушавъ увѣщаній своей дружины, пошелъ по дань въ Дерева т. е. въ землю Древлянскую; не довольствуясь прежнею данью, онъ примышлялъ къ ней, угнеталъ жителей и не воздерживалъ дружину свою отъ насильствъ. Съ награбленною добычею Игорь шелъ

(52) Лаврент. л. стр. 12

(53) Тамъ же, стр. 18—22.

(54) Лаврент. л. стр. 18.

(55) Тамъ же, стр. 23.

уже назадъ, но, размысливъ, сказалъ дружинѣ: ступайте вы себѣ домой съ данью, а я похожу еще; такъ онъ говорилъ желая большаго прибытка. Древляне, услышавъ, что Игорь идетъ къ нимъ назадъ, по совѣту своего Князя Мала, рѣшились его убить, но прежде они послали ему сказать: зачѣмъ ты идешь? Ты взялъ уже всю дань. Игорь не послушался; тогда жители Искорьстѣня города вышли, убили его и малочисленную его дружину побили. Въ княженіе Игоря явились въ Юго-Западной Руси Печенѣги; подъ 6423 г. лѣтописецъ говоритъ: (56) пришли Печенѣги впервое на Рускую землю и, заключивши миръ съ Игоремъ, пошли на берега Дуная. Въ 6428 г. Игорь воевалъ съ Печенѣгами, но въ 6452 г., когда Игорь хотѣлъ вторично идти на Византію, въ войскѣ его находились Печенѣги, въ вѣрности которыхъ онъ обезпечилъ себя, взявъ у нихъ *талей* или заложниковъ (57). Удовольствовавшись покорностью и дарами Грековъ, Игорь съ береговъ Дуная возвратился восвояси, повелѣвъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; здѣсь въ то время правилъ Царь Симеонъ, страшный для Грековъ; въ 6423 г. Греки, тѣснимые Симеономъ, призвали на помощь Печенѣговъ, но они, видя несогласія Греческихъ воеводъ, пошли домой. Симеонъ разбилъ Грековъ и взялъ Адріанополь (58). Въ 6437 г. Симеонъ занялъ всю Ѳракію и Македонію и съ большими силами подступилъ къ Царюграду; Императоръ Византійскій, Романъ Лакапинъ (920—944) заключилъ съ нимъ миръ. Счастливый въ войнахъ съ Греками, Симеонъ въ 6450 г. былъ разбитъ Хорватами и въ томъ же году умеръ, оставивъ сына Петра. (59) Избавившись отъ опасности со стороны Болгаровъ, Греки нашли упорнаго врага въ Венграхъ, которые

---

(56) Тамъ же, стр. 18.
(57) Лаврент. л. стр. 19.
(58) Тамъ же, стр. 18.
(59) Тамъ же, стр. 19.

въ 6442 и 6451 г. производили опустошительные набѣги на Ѳракію и доходили до Царягорода. (60)

Вдова Игоря—Ольга правила Русью 18 лѣтъ (отъ 6454 по 6472); княженіе ея ознаменовано: 1. местью за убіеніе мужа, 2. внутренними учрежденіями, 3. принятіемъ ею Христіанства. Строгое наказаніе Древлянъ было необходимо; безнаказанность ихъ поощрила бы и другія племена, платившія дань Руси, возвратиться къ самобытности; примѣрная же месть Ольги удержала ихъ въ повиновеніи. Въ 6454 г. Деревляне были побѣждены воеводами Ольги, Свѣнельдомъ и Асмольдомъ и затворились въ своихъ городахъ (61). Ольга съ сыномъ своимъ устремилась на городъ Искоръстѣнъ, жители котораго умертвили Игоря, взяла его, послѣ продолжительной осады, хитростью и обратила въ пепелъ. Старѣйшинъ города она взяла въ плѣнъ, а прочихъ жителей иныхъ избила, иныхъ отдала въ работу мужамъ своимъ, а остальныхъ посадила на прежнемъ мѣстѣ, велѣла платить дань, и возложила на нихъ тяжкую дань; двѣ части ея должны были идти къ Кіеву, а третья въ Вышегородъ, собственный Ольгинъ городъ. (62) Объ внутреннихъ учрежденіяхъ Ольги лѣтописецъ говоритъ (63), описавъ покореніе ею Деревьской земли: «Ольга ѣздила по ней съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; суть становища ея и ловища» и далѣе: «отправилась Ольга (въ 6455 году) къ Новугороду и по Мстѣ, уставила повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани.... И изрядивши возвратилась къ сыну своему въ Кіевъ.» Въ 6461 году Ольга приняла Христіанство (64) въ Царѣгородѣ;

---

(60) Тамъ же, стр. 18 и 19.
(61) Лаврент. стр. 24.
(62) Тамъ же, стр. 25.
(63) Тамъ же, стр. 26.
(64) Лаврент. л. стр. 26.

любопытно то обстоятельство, что Христіанка Ольга правила безпрепятственно языческою Русью болѣе 11 лѣтъ послѣ своего обращенія.

Въ 6472 г. Святославъ является въ первый разъ по лѣтописи (63) самостоятельнымъ дѣятелемъ. Тогда ему исполнилось двадцать два года отъ роду. Лѣтописецъ описываетъ такъ характеръ Святослава: « пришедши въ возрастъ мужества, онъ началъ собирать вокругъ себя дружины многочисленныя храбрыхъ воиновъ и, ходя какъ пардусъ, велъ многія войны; отправляясь на войну возовъ по себѣ не возилъ, ни котла, ни мясъ не варилъ, но по тонку изрѣзавъ конинули, звѣрину ли или говядину, спекши на угляхъ, ѣлъ, ни шатра не имѣлъ, а отдыхалъ подкладъ пославъ, а въ головахъ сѣдло. Такъ поступали и его воины.» Вотъ бѣглое обозрѣніе походовъ Святослава: въ 6472 г. ходилъ онъ на Вятичей; въ 6473—на Козаръ, побѣдилъ ихъ, взялъ Бѣлую вѣжу, побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ; въ 6477 — Вятичей и возложилъ на нихъ дань; въ 6475 — ходилъ на Дунайскихъ Болгаръ; въ 6476 на Печенѣговъ; въ 6479 опять на Дунайскихъ Болгаръ и на Грековъ; въ 6480 убитъ Половцами въ Днѣпровскихъ порогахъ (64). Изо всѣхъ подвиговъ Святослава — замѣчательнѣйшій: покушеніе утвердиться на берегахъ Дуная; чтобы понять упорство Святослава, должно вспомнить, что Болгары, по словамъ лѣтописца (65), заняли Словѣнскую землю и вытѣснили оттуда Словѣнъ, которые стремились возвратить отнятое. Въ преданіяхъ Южной Руси сохранилось, что Кій, основатель Кіева, ходилъ къ Царюгороду и, возвращаясь оттуда, на берегахъ Дуная построилъ небольшой городокъ, гдѣ и хотѣлъ поселиться съ своимъ родомъ; но здѣшніе жители

---

(63) Лаврент. л. стр. 27.
(64) Лаврент. л. стр. 27—31.
(65) Лаврент. л. стр. 3 и 11.

не допустили его остаться тутъ; городокъ же долго сохранялъ имя Кіевца (66). Отсюда объясняется поведеніе Святослава.

Еще въ 6478 году (67) Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ Деревѣхъ т. е. въ Деревляньской землѣ, а въ Новѣгородѣ Владиміра. Ярополкъ по наущенію воеводы Свѣнальда, котораго сына убилъ Олегъ, пошелъ въ 6485 г. войною на брата, разбилъ его у г. Вручаго и овладѣлъ областью Олега, послѣ несчастной его кончины (68). Владиміръ, Новогородскій Князь, услышавъ о гибели Олега, ушелъ за море; Ярополкъ отправилъ въ Новгородъ посадниковъ и, говоритъ лѣтописецъ, *бѣ володѣя единъ въ Руси.* Въ 6488 г. Владиміръ, пришедши изъ за моря съ Варягами, занялъ Новгородъ и пошелъ къ Кіеву; въ войскѣ Владиміра находились, кромѣ Варяговъ, Чюдь, Словѣне и Кривичи. Владиміръ взялъ Полотескъ, убилъ княжившаго тутъ Рогволода, пришедшаго изъ за-моря, съ 2 сыновьями, а дочь Рогнѣду, которой гордый отказъ былъ причиною войны, взялъ за себя (69). Хитростью болѣе чѣмъ открытою силою Владиміръ занялъ Кіевъ и умертвилъ Ярополка (70). Княженіе Владиміра распадается на двѣ части; гранью между ними стоитъ принятіе Христіанства отъ Грековъ въ 6496 г. отъ сотворенія міра или въ 988 по Р. Х. Княженіе Владиміра-язычника составляетъ какъ бы продолженіе Святославова; тотъ же рядъ безпрестанныхъ походовъ, увѣнчанныхъ блестящими успѣхами. Первое столкновеніе Руси съ Ляхами относится къ княженію Владиміра. Мы уже увидѣли, что въ началѣ IX стол. все пространство земли между Эльбою на Востокъ до Днѣпра

(66) Тамъ же, стр. 4.
(67) Тамъ же, стр. 29.
(68) Тамъ же, стр. 31—32.
(69) Лаврент. л. стр. 32.
(70) Тамъ же, стр. 33.

и Волги было наполнено Словѣнскими племенами, жившими отдѣльно; въ IX стол. между ними обнаружилось броженіе, стремленіе соединяться въ массы, въ государственные союзы. Около этого времени во всѣхъ народахъ Европы замѣчаемъ потребность организаціи; Карлъ Великій основалъ исполинскую Галло-Германскую державу. При видѣ наступательнаго движенія Германцевъ Западные Славяне почувствовали потребность соединиться воедино, точно такъ какъ Восточные почувствовали ту же потребность, чтобы противуставить оплотъ напору кочующихъ ордъ Востока. Почти единовременно въ Руси, въ Ляхахъ и въ Чехахъ обнаружилось это стремленіе народовъ Словѣньскаго племени соединиться въ Государственные союзы; это не были Государства въ собственномъ смыслѣ, а только грубые очерки будущихъ Государствъ; народъ, который прежде принадлежалъ къ Чешскому союзу, въ послѣдствіи переходилъ къ Ляшскому, и народъ Ляшскаго союза легко переходилъ къ Русскому. Такая неопредѣленность условливалась единствомъ происхожденія, еще живо остававшимся въ памяти, съ другой стороны отсутствіемъ рѣзкихъ природныхъ границъ, которыя бы заранѣе опредѣлили межи будущаго Государства. Оттого то и происходитъ та легкость, съ какою народы Словѣньскіе примыкали то къ одному, то къ другому средоточію политической жизни. Другія отношенія обнаружились, когда одна семья Словѣнскихъ народовъ приняла Христіанство изъ Византіи, а другая изъ Рима; тогда народы Словѣнскіе раздѣлились на двѣ враждебныя половины. Антагонизмъ, господствующій между древнею Русью и Ляхами, основывается главнымъ образомъ на различіи вѣроисповѣданій; хотя не подвержено сомнѣнію, что онъ не мало питался наглостью, хвастливостью, тщеславіемъ, какое Ляхи всегда показывали при столкновеніяхъ съ Русью. Какъ бы то ни было между обоими народами, Русью и Ляхами, возникла взаимная и постоянная вражда, которой не могли ослабить частые род-

ственные союзы князей, вражда, имѣвшая сильное вліяніе на ходъ историческихъ событій жизни того и другаго народа или лучше союза народовъ; ибо какъ Русь сложилась изъ Полянъ, Деревлянъ, Радимичей, Чюдскихъ и др. племенъ, такъ Ляшское Государство образовалось также изъ многихъ народовъ. Первоначальная исторія Ляховъ до половины X стол. неизвѣстна; за недостаткомъ ея, Польскіе историки составили вымышленную. Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что около половины X стол. въ странѣ, въ послѣдствіи носившей названіе Великой Польши, обнаружилось стремленіе всѣ Ляшскія племена соединить въ одну массу. Впрочемъ это стремленіе не вдругъ достигло своей цѣли. Въ это же самое время Князья г. Праги въ Чехіи усилились и подчинили себѣ нѣсколько сосѣднихъ. Ясно теперь, что при стремленіи этихъ трехъ Государственныхъ союзовъ усилиться, племена и роды Словѣнскіе, жившіе между ними, не могли болѣе оставаться независимыми и должны были войдти въ одинъ изъ нихъ; пограничныя же племена, при неопредѣленности естественныхъ границъ, сдѣлались яблокомъ раздора между Русью и Ляхами съ одной, Ляхами и Чехами съ другой стороны. Такъ Червенскіе города отъ времени Св. Владиміра служили поводомъ къ войнѣ между Ляхами и Русью, и неразъ принадлежали то одной, то другой сторонѣ. Лѣтописецъ подъ 6489 г. говоритъ: (71) «пошелъ Володимеръ къ Ляхамъ и занялъ города ихъ Перемышль, Червенъ и иные города (по Татищеву (72) Звѣнигородъ, Бельзъ и Радомъ), которые и нынѣ (въ XI ст.) находятся подъ властью Руси.» Владиміръ два раза ходилъ на Вятичей, не хотѣвшихъ было платить дани, и разъ на Радимичей (73); происхожде-

(71) Лаврент. л. стр. 35.
(72) Россійская Исторія Татищева, Кн. 2 стр. 62 и 165 Прим.
(73) Лаврент. л. стр. 35—36.

ніе этихъ народовъ отъ Ляховъ объясняетъ намъ ихъ неохоту признать надъ собою власть Руси. Въ 6491 г. ходилъ Владиміръ на Ятвяговъ, побѣдилъ ихъ и занялъ ихъ землю (74). Такимъ образомъ, чрезъ завоеваніе Червенскихъ городовъ и Ятвяжской земли, власть Руси распространилась до Сана, Вислы, Нарева и Нура. Въ 6493 г. Владиміръ ходилъ на Болгаръ и побѣдилъ ихъ; въ войскѣ его находились Торки, которыхъ имя впервые упоминается въ лѣтописи (75). Эти Болгары были Дунайскіе, а не Камскіе, какъ утверждаетъ Карамзинъ (76). Княженіе Владиміра не прошло безъ враждебнаго столкновенія съ Греками; поводомъ была Корсуньская область. Что Рускіе Князья имѣли давно на нее виды, ясно изъ слѣдующихъ словъ договора Игоря съ Греками: (77) «А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да не имать волости Князь Рускій да воюетъ на тѣхъ странахъ и та страна не покаряется вамъ.» Святославъ именно обѣщаетъ Грекамъ: «яко николи же помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску (78).» Корсуняне давали обыкновенно знать въ Царьградъ о движеніяхъ Руси (79) и отсюда необходимость для Руси занять этотъ городъ. Такъ объясняется походъ Владиміра въ 6496 г. подъ Корсунь; взявъ этотъ городъ, Владиміръ, безъ тщеславія, могъ сказать Царямъ Византійскимъ: (80) «слы-

---

(74) Тамъ же, стр. 35.

(75) Тамъ же, стр. 36.

(76) Ист. Гос. Росс. т. I. стр. 206.

(77) Лаврент. л. стр. 22.

(78) Лаврент. л. стр. 31.

(79) Лаврент. л. стр. 19: «Се слышавше Корсунци, послаша къ Роману глаголюще: се идутъ Русь безъ числа корабль и наяли суть къ собѣ Печенѣги.»

(80) Лаврент. л. стр. 47.

шу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще сѣ невдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ.» Принятіе Русью Христіанства, произведшее сильную перемѣну въ характерѣ Св. Владиміра, не ослабило мужественной энергіи Руси, и незащитило Грековъ отъ притязаній ея на страны Дунайскія. Остальное время княженія Св. Владиміра, по принятіи имъ крещенія, ознаменовано: 1. строеніемъ городовъ; Владиміръ Волынскій, на р. Лугѣ, по Татищеву (81), основанъ имъ; лѣтописецъ говоритъ (82), что Св. Владиміръ строилъ города преимущественно по рр. Деснѣ, Востри, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; 2. войною, почти безпрерывною, съ Печенѣгами; этотъ народъ, безпокоившій Кіевъ въ отсутствіи Святослава (83), умертвившій этого Князя (84), въ послѣдніе годы княженія Св. Владиміра, постоянно нападалъ на Русь (85); 3. раздѣленіемъ областей между сыновьями: Вышеслава Владиміръ посадилъ въ Новѣгородѣ, Изяслава въ Полотскѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ; по смерти же Вышеслава—Ярослава въ Новѣгородѣ, Бориса въ Ростовѣ, Глѣба въ Муромѣ, Святослава въ Деревѣхъ, Всеволода въ Володимери, Мстислава въ Тмуторокани (86). Въ 989 г., по словамъ лѣтописца, Св. Владиміръ ходилъ воевать съ Хорватами; болѣе объ этомъ походѣ ничего достовѣрнаго неизвѣстно. Объ отношеніяхъ Св. Владиміра къ сосѣдамъ лѣтопись говоритъ: (87) онъ жилъ въ мирѣ съ окольными Князьями: съ Болеславомъ Ляшскимъ, съ Стефаномъ Венгерскимъ и съ Андрихомъ или Удалрикомъ Чешскимъ.

---

(81) Росс. Исторія. Кн. 2, стр. 78.
(82) Лаврент. л. стр. 52.
(83) Лаврент. л. стр. 28.
(84) Тамъ же, стр. 31.
(85) Тамъ же, стр. 52—53.
(86) Тамъ же, стр. 52.
(87) Тамъ же, стр. 54.

Внутреннее управленіе Св. Владиміра лѣтопись характеризуетъ такъ: «бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ и уставѣ земленѣмъ.» Образъ управленія при Св. Владимірѣ виденъ наилучше изъ слѣдующаго событія: возникло много разбоевъ въ странѣ. Епископы сказали Владиміру: «стало очень много разбойниковъ, зачѣмъ не казнишь ихъ?» Князь отвѣчалъ: «боюсь грѣха.» Они ему тогда сказали: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ тебѣ казнить разбойника, но со испытомъ.» Владиміръ, отмѣнивъ *виры* или штрафныя деньги, началъ казнить разбойниковъ; тогда Епископы и старцы сказали ему: «рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» Владиміръ отвѣчалъ: «тако буди. И жилъ Св. Владиміръ по дѣдовскому и отцовскому устроенію (88).» 15 Іюля 1015 г. умеръ Св. Владиміръ въ селѣ Берестовѣ, собираясь идти къ Новугороду на Ярослава за неплатежъ двухъ тысячъ гривенъ дани ежегодной и отправивъ сына Бориса съ войскомъ на встрѣчу Печенѣгамъ (89).

Междуусобія, возникшія по кончинѣ Св. Владиміра, окончились единовластіемъ Ярослава. Святополкъ немедленно по кончинѣ родителя, началъ помышлять: «избью всю братью свою и пріиму власть Русьскую единъ.» Приводя въ исполненіе эту думу, Святополкъ велѣлъ убить Бориса, Глѣба и Святослава; послѣдній искалъ было спасенія въ Венгріи, но въ Угорьской горѣ убитъ (90). Изъ всѣхъ Владиміровичей остались въ живыхъ, кромѣ Святополка, только: Ярославъ, Мстиславъ и Судиславъ. Ярославъ съ Варягами и Новгородцами пошелъ на Святополка, собравшаго сильное войско изъ Руси и Печенѣговъ. Въ 1016 г. въ битвѣ при Любечѣ Ярославъ одолѣлъ, а Святополкъ

---

(88) Лаврент. л. стр. 54.
(89) Тамъ же, стр. 56.
(90) Лаврент. л. стр. 56—60.

бѣжалъ въ Ляхи (91). Къ этому времени относится второе столкновеніе Руси съ Ляхами. Болеславъ не отказалъ въ помощи Святополку, помощи вѣроятно не безкорыстной и пошелъ съ Ляхами на Ярослава. Ярославъ же, совокупивъ Русь, Варягъ и Словѣнъ, вышелъ навстрѣчу Болеславу и Святополку въ Волынь, имя которой впервые встрѣчается въ лѣтописи, на берегахъ Буга (Западнаго) потерпѣлъ пораженіе и самъ четвертъ бѣжалъ въ Новгородъ. Болеславъ же вошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. И сказалъ Болеславъ: «разведите дружину мою по городамъ на покормъ;» такъ и сдѣлали. Видя, что Болеславъ не хочетъ оставлять Кіева и живетъ въ немъ какъ бы у себя дома, Святополкъ сказалъ своимъ: «сколько есть Ляховъ въ городѣ, избивайте ихъ.» И избили Ляховъ. Тогда Болеславъ побѣжалъ изъ Кіева, взявъ съ собою имѣніе, и бояръ Ярославовыхъ, и сестеръ его, а Настаса Десятиньскаго, ему передавшагося, приставилъ къ имѣнію; Болеславъ увелъ съ собою множество людей и, возвращаясь домой, занялъ Червенскіе города (92). Сказавъ объ удаленіи Болеслава изъ Кіева, лѣтописецъ продолжаетъ: «Святополкъ же нача княжити Кыевѣ»; слѣд. прежде онъ не имѣлъ власти; ясно, что Болеславъ занялъ было Кіевъ для себя, а вовсе не для Святополка. Услышавъ о вторичномъ приближеніи Ярослава съ многочисленнымъ войскомъ Варяговъ, Святополкъ изъ Кіева бѣжалъ къ Печенѣгамъ; но въ 1019 г. на Льто разбитъ Ярославомъ, пришелъ въ бѣшенство и скончался въ пустынѣ между Ляшскою и Чешскою землею, пробѣжавъ первую, гдѣ конечно послѣ поступка своего съ Болеславомъ не могъ ждать радушнаго пріема (93). По смертью Святополка междуусобія не кончились. Мстиславъ,

---

(91) Тамъ же, стр. 61.
(92) Лаврент. л. стр. 62.
(93) Тамъ же, стр. 63.

Князь Тмуторокапскій, занятъ былъ въ это время войною съ Касогами; убивъ ихъ вождя Редедю и возложивъ на нихъ дань, Мстиславъ, съ Козарами и Касогами пошелъ на Ярослава (94). Князь Кіевскій не терялъ времени, смирилъ Брячислава (внука Св. Владиміра) Князя Полоцкаго, ограбившаго Новгородъ и ходилъ къ Берестію на Польскаго Короля. Съ Варягами Ярославъ пошелъ на встрѣчу Мстислава, разбитъ у Листвена и бѣжалъ въ Новгородъ. Мстиславъ послалъ ему сказать: « сиди въ своемъ Кіевѣ, ты у меня старшій братъ а съ меня будетъ этой стороны. » Ярославъ не смѣлъ идти въ Кіевъ: Мстиславъ сидѣлъ въ Черниговѣ, Ярославъ въ Новѣ городѣ, а въ Кіевѣ были мужи Ярославли. Въ 1025 г. Ярославъ, собравъ сильную рать, пришелъ къ Кіеву и сотворилъ миръ съ братомъ своимъ Мстиславомъ у Городца. Братья раздѣлили между собою по Днѣпръ Русскую землю: Ярославъ взялъ Западную, а Мстиславъ Восточную сторону; и начали жить мирно и въ братолюбіи; совершенная тишина господствовала въ Руси (95). Въ 1036 году умеръ Мстиславъ, потерявъ въ предъидущемъ году единственнаго сына Евстафія (96). Время соправительства двухъ братьевъ ознаменовано главнымъ образомъ походами на Ляховъ (97). Въ 1030 г. Ярославъ взялъ г. Бельзъ; въ это же время умеръ Болеславъ, великій князь Ляховъ; въ землѣ Ляшской возникли смуты; жители, возставши, избили Епископовъ, поповъ и бояръ своихъ и былъ въ нихъ мятежъ. Въ слѣдующемъ году Ярославъ и Мстиславъ, собравъ многочисленное войско, пошли на Ляховъ, отняли у нихъ города Червенскіе, опустошили ихъ землю, вывели оттуда много плѣнниковъ и раздѣлили ихъ между собою. Ярославъ посадилъ своихъ по берегамъ р. Роси, и

---

(94) Тамъ же стр. 63—64.

(95) Лаврент. л. стр. 64.

(96) Тамъ же, стр. 65.

(97) Тамъ же, стр. 64.

построилъ тамъ нѣсколько городовъ. Въ 1038 г. Ярославъ ходилъ на Ятвяговъ; въ 1040 на Литву, а въ 1041 на Мазовшанъ въ лодьяхъ (98). Въ 1043 г. Ярославъ отдалъ сестру свою (по Татищеву—(99) меньшую, именемъ Марію) за Казимира, Князя Ляшскаго (100). Казимиръ возвратилъ тестю *за вѣно* 800 человѣкъ, изъ числа тѣхъ которыхъ увелъ съ собою Болеславъ, побѣдивъ Ярослава. Татищевъ говоритъ, что Ярославъ обязался помогать зятю противъ Чеховъ, Мазовшанъ и Пруссовъ (101). Дѣйствительно, въ 1047 г., Ярославъ пошелъ на Мазовшанъ, побѣдилъ ихъ и взявъ князя ихъ Моислава, убилъ его и покорилъ ихъ Казимиру (102). Кромѣ дѣлъ съ Ляхами, изъ внѣшнихъ дѣйствій Ярослава замѣчательны: 1. походъ на Чюдь; 2. война съ Греками и 3. съ Печенѣгами. Въ 1030 г. Ярославъ ходилъ на Чюдь, побѣдилъ ихъ и на ихъ землѣ поставилъ городъ Юрьевъ; такимъ образомъ предѣлы Руси коснулись уже Варяжскаго или Балтійскаго моря; покореніемъ Ятвяговъ и Литвы, возвращеніемъ Червенскихъ городовъ Ярославъ владѣлъ на З. отъ Днѣпра всѣми землями, нынѣ Русской Имперіи принадлежащими и большею частью нынѣшняго Королевства Галиціи, принадлежащаго Австрійской коронѣ. Земли на Ю. до Дуная принадлежали Ярославу и вѣроятно Дунайскіе города послужили поводомъ къ войнѣ съ Греками, окончившейся неудачно.

Оставшись по кончинѣ Мстислава единовластителемъ земли Русской (за исключеніемъ Полотска, гдѣ съ 1044 г. началъ княжить Всеславъ, сынъ Брячислава, не милостивый на кровипролитіе) (103) — Ярославъ единственнаго

---

(98) Лаврент. л. стр. 66.
(99) Росс. Ист. Кн. 2 стр. 109.
(100) Лаврент. л. стран. 67.
(101) Росс. Ист. кн. 2 стр. 109. Прим. 248.
(102) Лаврент. л. стр. 67.
(103) Лаврент. л. стр. 67.

своего брата, остававшагося въ живыхъ, Судислава посадилъ въ заключеніе, по навѣту злыхъ людей, и тѣмъ обезопасилъ себя отъ соперничества (104). О дѣятельности Ярослава внутри Государства лѣтописецъ говоритъ: (105) «и при семъ нача вѣра Хрестьяньская плодитися и разширяти, и черноризьци почаша множитися и монастыреве «починаху быти.» Лѣтописецъ (106) влагаетъ слѣдующія слова въ уста умирающаго Ярослава къ его сыновьямъ: «вотъ я отхожу отъ сего свѣта, сыновья мои; имѣйте въ себѣ любовь, какъ дѣти одного отца и одной матери; если будете въ любви межь собою, Богъ будетъ въ васъ и противныхъ вамъ покоритъ вамъ и будете жить мирно; если же будете *ненавидно* жить въ распряхъ и *которающись*, то погибнете сами и погубите землю отцевъ и дѣдовъ своихъ, пріобрѣтеніе которой стоило имъ великихъ трудовъ, но пребывайте мирно, снисходя другъ другу; вмѣсто себя поручаю столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу (старшій — Владиміръ умеръ въ 1052 г.) Кіевъ; его послушайте, какъ слушались меня; онъ пусть будетъ вамъ вмѣсто меня, Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Володимеръ, Вячеславу—Смоленскъ.» Такимъ образомъ Ярославъ раздѣлилъ сыновьямъ города, заповѣдавъ имъ не переступать предѣла братня и не изгонять другъ друга. Изяславу особенно сказалъ: «если кто изобидитъ твоего брата, ты будь защитникомъ обидимаго.»

Въ княженіе Изяслава явились новыя кочующія Азіатскія орды, подъ именемъ Половцевъ (107). Въ 1036 году Ярославъ подъ стѣнами Кіева, нанесъ Печенѣгамъ рѣши-

---

(104) Лавр. л. стр. 65.
(105) Тамъ же, стр. 65.
(106) Тамъ же, стр. 69 и 70.
(107) Тамъ же, стр. 70.

тельное пораженіе (108). Кромѣ Печенѣговъ, въ степяхъ по Сѣверному берегу Чернаго моря кочевали Торки; мы видѣли ихъ въ войскѣ Св. Владиміра. Въ 1054 г. Всеволодъ, князь Переяславскій, побѣдилъ ихъ, а въ 1059 г. Ярославичи со Всеславомъ Полотскимъ ходили на Торковъ, которые бѣжали отъ нихъ, не оказавъ сопротивленія (109). Около этого времени подошли изъ Азіи новыя орды Турецкаго и Татарскаго племени и, соединившись съ скитавшимися остатками Печенѣговъ, Узовъ, Торковъ, составили сплошную массу наѣздниковъ, страшныхъ и многочисленностью и быстротою натиска. Имя Половцевъ происходитъ отъ *поля;* такъ назывались тогда нынѣшнія степи Ново-Россійскаго края. Собственное названіе Половцевъ есть *Куманы.* Въ 1054 г. приходилъ Болушь съ Половцами, сотворилъ миръ со Всеволодомъ, и возвратился назадъ туда откуда пришелъ; но въ 1060 г. князь Половецкой, Искалъ, опустошилъ Русскую землю, побѣдилъ Всеволода и съ добычею безнаказанно удалился (110). Въ 1067 году Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вышли на Льто на встрѣчу Половцамъ и во время ночной битвы были ими разбиты (111). Это событіе имѣло, какъ ниже увидимъ, несчастныя послѣдствія для Изяслава. Въ 1056 г. по смерти Вячеслава, братья его вывели Игоря изъ Володимеря и посадили въ Смоленскѣ, но Игорь въ 1059 г. умеръ (112). На Руси остались князьями три Ярославича и Всеславъ Полоцкій; нѣсколько времени они жили мирно и Всеславъ сопровождалъ Ярославичей въ 1059 г. въ походъ на Торки. Но это доброе согласіе продолжалось не долго: въ 1066 г. Всеславъ занялъ Новгородъ; Ярославичи

---

(108) Лавр. л. стр. 63.
(109) Тамъ же, стр. 70.
(110) Тамъ же, стр. 70.
(111) Тамъ же, стр. 72 и 73.
(112) Тамъ же, стр. 70.

пошли къ Мѣньску, взяли его, мужей изрубили, женъ и дѣтей обратили въ рабство; они сошлись на Немизѣ со Всеславомъ и побѣдили его; потомъ хитростью заманивъ къ себѣ Всеслава, Изяславъ посадилъ его въ Кіевѣ въ темницу съ двумя сыновьями (113). Кіевляне, въ 1067 г., видя, что Изяславъ и Всеволодъ, разбитые Половцами на Льтѣ, прибѣжали въ ихъ городъ, сказали Изяславу: «Князь! хищники опустошаютъ наши поля, дай намъ коней и оружье, мы хотимъ еще биться съ ними.» Получивъ отказъ, Кіевляне освободили Всеслава. Видя бѣду, Изяславъ и Всеволодъ вышли изъ Кіева; Всеволодъ отправился въ Переяславль, а Изяславъ въ землю Ляховъ. Въ 1068 году пошелъ Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава; онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу къ Бѣлугороду и ночью, тайно отъ Кіевлянъ, бѣжалъ оттуда въ Полоцкъ. На другой день люди, видя, что ихъ князь бѣжалъ, возвратившись въ Кіевъ, сотворили вѣче и послали Святославу и Всеволоду сказать: «мы худо поступили прогнавши своего князя; онъ же ведетъ на насъ Ляховъ; защитите градъ отца своего; если же нѣтъ, то мы удалимся въ Греческую землю (114).» Святославъ отвѣчалъ Кіевлянамъ: «мы пошлемъ къ брату своему; если онъ пойдетъ на васъ съ Ляхами губить васъ, то мы пойдемъ на него ратью и не допустимъ погубить отцовскій городъ; если же хочетъ войдти къ вамъ, то пусть возьметъ мало дружины.» Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ бѣжалъ, а не води Ляховъ къ Кіеву; врага у тебя тамъ нѣтъ; если же ты въ злобѣ задумалъ погубить городъ, то знай: намъ жаль отцовскаго стола.» Услышавъ это, Изяславъ оставилъ Ляховъ и пошелъ съ Болеславомъ, взявъ съ собою немного Ляховъ; а впередъ себя послалъ въ Кіевъ сына своего

---

(113) Тамъ же, стр. 72.

(114) Лаврент. Л. стр. 74.

Мстислава. Пришедъ туда, Мстиславъ велѣлъ казнить тѣхъ, что освободили Всеслава, числомъ 70 чел.; иныхъ ослѣпилъ, иныхъ умертвилъ и невинныхъ безъ суда. Когда Изяславъ подходилъ къ городу, жители его вышли къ нему на встрѣчу съ поклономъ и приняли его къ себѣ опять Княземъ. Изяславъ распустилъ Ляховъ на покормъ; жители тайно убивали Ляховъ; Болеславъ же поспѣшилъ возвратиться въ землю свою. Изяславъ выгналъ Всеслава изъ Полоцка и отдалъ его сыну Мстиславу, а, по смерти Мстислава, другому сыну Святополку; онъ княжилъ здѣсь недолго; въ 1071 г. Всеславъ овладѣлъ Полотскомъ и, кажется, удержалъ его за собою, несмотря на то, что Изяславъ въ томъ же году побѣдилъ его у Голотичьска (115). Кажется даже, что Изяславъ сблизился со Всеславомъ; ибо въ 1073 г. Святославъ говорилъ Всеволоду: (116) «пойдемъ на Изяслава, онъ совѣтуется со Всеславомъ на нашу гибель.» Изяславъ, слыша о замыслѣ братьевъ, ушелъ къ Ляхамъ: они взяли принесенное имъ изъ Руси имѣніе, но не дали войска и даже указали ему путь отъ себя (117). Къ этому времени относятся слѣдующія событія, записанныя Владиміромъ Мономахомъ въ его поученіи: (118) «первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску и паки 2-е къ Смолинску со Ставкомъ Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестію со Изяславомъ (вѣроятно по удаленіи его изъ Кіева), а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ, идѣ же бяху пожгли (вѣроятно Ляхи), то и ту блюдъ городъ тихъ, та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ съ Ля-

---

(115) Тамъ же, стр. 75.
(116) Тамъ же, стр. 78.
(117) Тамъ же, стр. 78.
(118) Тамъ же, стр. 103.

хы.» Слѣд. послѣ изгнанія Изяслава была война съ Ляхами, которой, вѣроятно онъ служилъ поводомъ. Въ 1075 г. приходили къ Святославу послы Нѣмецкіе, вѣроятно то же по дѣлу Святослава. Въ 1076 г. ходили Владиміръ, сынъ Всеволода и Олегъ, сынъ Святослава, въ помочь Ляхамъ на Чеховъ (119); объ этомъ походѣ содержится слѣдующее извѣстіе въ *поученіи:* (120) «Та посла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ за Глоговы (Glatz) до Чешьскаго лѣса (Böhmerwald), ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяца и въ тоже лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское, та оттуда Турову, на весну та Переяславлю, таже Турову.» Отсюда видно, что во время бытности Святослава великимъ Княземъ, Владиміръ Мономахъ княжилъ сначала въ Смоленскѣ, и потомъ въ Туровѣ, а Олегъ Святославичь въ Володимерѣ Волынскомъ. Другой сынъ Святослава—Глѣбъ княжилъ въ Новѣгородѣ. Въ 1076 г. умеръ Святославъ и въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ. Въ 1077 г. Изяславъ пошелъ къ Кіеву съ Ляхами. Всеволодъ вышелъ къ нему на встрѣчу. братья сошлись на Волыни, заключили миръ: Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Всеволодъ въ Черниговѣ (121). Сюда относятся слѣдующія событія, разсказанныя въ *поученіи:* (122) «и Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помочь (должно быть она пришла поздно: Глѣбъ Святославичь въ 1078 г. убитъ въ Заволочьи); а на лѣто со отцемъ (Всеволодомъ) подъ Полтескъ, а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ, онъ иде Новугороду (гдѣ и остался княжить вмѣсто убитаго Глѣба Святославича), а я съ Половци на Одрьскъ, воюя та Чернигову.» Главнымъ послѣдствіемъ возвращенія

---

(119) Лавр. л. стр. 85.
(120) Тамъ же, стр. 103.
(121) Тамъ же, стр. 85.
(122) Тамъ же, стр. 103.

Изяслава на Кіевскій столъ было обдѣленіе сыновей Святослава, лишенныхъ Чернигова, ихъ вотчины, доставшейся Всеволоду; въ *поученіи:* «И паки и Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову и *Олегъ приде изъ Володимера выведенъ* и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И паки и Смолиньска же пришедъ и проидохъ сквозѣ Половечьскія вои бьяся до Переяславля и отца налезохъ съ полку пришедше.» Недовольный Олегъ, принужденный жить безъ удѣла у дяди въ Черниговѣ, бѣжалъ къ брату Роману, княжившему въ Тмуторокани. Скоро этотъ отдаленный городъ сдѣлался притономъ всѣхъ обдѣленныхъ Князей; кромѣ двухъ Святославичей тутъ были: Борисъ Вячеславичъ (род. около 1055 г.), Давидъ Игоревичъ (род. ок. 1058 г.) съ племянникомъ Мстиславомъ, три Ростиславича (род. между 1061 — 64) (123). Отецъ Бориса — Вячеславъ княжилъ въ Смоленскѣ; отецъ Давида Игорь сначала въ Володимери, а потомъ въ Смоленскѣ; Ростиславъ Владиміровичъ, жившій безъ удѣла по смерти отца въ Новѣгородѣ, въ 1064 г. бѣжалъ въ Тмуторокань, выгналъ оттуда Глѣба Святославича, удержался здѣсь, отличился мужествомъ, бралъ дань на Касогахъ и иныхъ народахъ и погибъ безвременно отъ яду даннаго ему Грекомъ Котопаномъ (124). Юные обдѣленные князья рѣшились мечомъ пріобрѣсть себѣ владѣнія; съ толпами Половцевъ Олегъ и Борисъ разбили Всеволода на рѣкѣ Сожицѣ и взяли Черниговъ. Всеволодъ бѣжалъ въ Кіевъ; Изяславъ выступилъ сражаться за него и на Нежатинѣ нивѣ одолѣлъ Олега и Бориса. Послѣдній палъ въ сраженіи, но и Изяславъ не пережилъ своей побѣды (125). Олегъ бѣжалъ въ Тмуторокань. Всеволодъ же сѣлъ на Велико-княженіи въ Кіевѣ: сына Владиміра пере-

---

(123) Лавр. л. стр. 87.
(124) Тамъ же, стр. 70—72.
(125) Тамъ же, стр. 85—87.

велъ изъ Смоленска въ Черниговъ, а Ярополка Изяславича изъ Вышегорода въ Володимеръ, придавъ ему и Туровъ; обдѣленные князья опять остались безъ удѣловъ и покушеніе, неудавшееся Борису и Олегу, должно было возобновиться. Самый Тмуторокань сталъ предметомъ спора между Князьями. Въ 1079 году Романъ Святославичь съ Половцами пошелъ на Всеволода; Князь Кіевскій заключилъ съ ними миръ и Половцы, вѣроятно въ угоду ему, убили Романа, а Олега заточили въ Цареградъ. Въ Тмуторокани же Всеволодъ посадилъ посадника своего Ратибора. Въ 1081 г. Давидъ Игоревичь съ Володаремъ Ростиславичемъ заняли Тмуторокань, взявъ въ плѣнъ Ратибора. Въ 1083 г. Олегъ пришелъ изъ Греціи въ Тмуторокань и сѣлъ здѣсь княжить; выпустивъ Давида и Володаря, онъ предалъ смерти Козаровъ, замысливших убійство Романа, брата его, и его самаго (126). Въ *поученіи,* рядомъ съ упомянутыми событіями, разсказываются и такія, которыхъ нѣтъ въ лѣтописи: (127) «то и паки ходихомъ томъ же лѣтѣ со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга; и паки идохомъ Переяславлю и стахомъ во Обровѣ. И Всеславъ Смолнескъ ожьже и азъ всѣдъ съ Черниговцы о двою коню и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютъскъ воюя, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъимахомъ князи Асадука и Саука и дружину ихъ избиша; и на заутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и весь полонъ отяхомъ.» Давидъ Игоревичь и Ростиславичи, отказавшись отъ надежды овладѣть Тмутороканью, гдѣ утвердился Олегъ Святославичь, рѣшились искать счастія въ другомъ мѣстѣ;

---

(126) Лаврент. л. стр. 88.
(127) Тамъ же, стр. 103.

4

Ростиславичи обратили внимание на Червенскіе города, пограничное положеніе которыхъ давало раздолье ихъ безпокойному характеру. Въ 1084 г. Ярополкъ Изяславичь, княжившій въ Володимери и въ Туровѣ, приходилъ къ Всеволоду на праздникъ Пасхи; въ отсутствіи его, проживавшіе у него два Ростиславича (Рюрикъ и Василько), овладѣли Володимеромъ. Между тѣмъ Давидъ Игоревичь вздумалъ разбойничать, захватилъ въ Олешьи Грековъ и отнялъ у нихъ имѣніе (128). Всеволодъ послалъ сына своего Владиміра, который, прогнавъ Ростиславичей, возвратилъ Володимеръ Ярополку; желая удержать Давида Игоревича отъ разбоевъ въ устьи Днѣпра, наносившихъ большой вредъ Кіевской торговлѣ съ Греками, Всеволодъ призвалъ его къ себѣ и далъ ему г. Дорогобужь. Въ 1085 г. Ярополкъ собирался идти на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтниковъ; увѣдавъ то, Всеволодъ послалъ противъ Ярополка сына своего Владиміра. Ярополкъ, оставивъ мать свою и дружину въ Луческѣ, бѣжалъ въ землю Ляховъ. Лучане сдались Владиміру, который посадилъ въ Володимерѣ Давида Игоревича, а мать, жену и дружину Ярополка привелъ въ Кіевъ, куда и перевезъ все его имѣніе. Въ 1086 г. Ярополкъ пришелъ изъ Ляшской земли, заключилъ миръ съ Владиміромъ и получилъ отъ него назадъ Володимеръ; на пути оттуда въ Звенигородъ, Ярополкъ погибъ отъ руки убійцы именемъ Нерадьца, который бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу. Въ томъ же году Всеволодъ ходилъ къ Перемышлю; зачѣмъ и что онъ тамъ сдѣлалъ — неизвѣстно. Святополкъ же Изяславичь въ 1088 г. вышелъ изъ Новагорода и сѣлъ въ Туровѣ на княженье. Въ 1092 г. Василько Ростиславичь съ Половцами ходилъ войною на Ляховъ и Рюрикъ, братъ его, княжившій въ Перемышлѣ, скончался (129). Въ 1093 году умеръ Вели-

---

(128) Лаврент. л. стр. 88.

(129) Лаврент. л. стр. 88—92.

кій Князь Всеволодъ. Извѣстія лѣтописи о вышеупомянутыхъ событіяхъ въ Юго-Западной Руси, имѣвшихъ весьма важныя послѣдствія, столь кратки, безсвязны и отрывочны, что крайне трудно составить объ нихъ ясное понятіе; въ *поученіи* (130) Владиміръ Мономахъ, дѣйствующее лицо въ этихъ событіяхъ, говоритъ о нихъ такъ: «а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму, и пакы по Изяславичихъ (должно читать кажется Ростиславичахъ) за Микулинъ и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. Томъ же лѣтѣ ходихомъ по Половьцихъ.... И на ту осень идохомъ.... къ Мѣньску. На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отець въ Переяславли передъ братьею и ходихомъ за Супой.... И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре. И пакы по отни смерти....» Вообще о внутреннемъ управленіи Всеволода лѣтописецъ говоритъ: (131) этотъ Князь былъ счастливѣе и покойнѣе, управляя Переяславлемъ, чѣмъ княжа въ Кіевѣ; ибо когда онъ занялъ Кіевскій столъ, ему не было покоя отъ племянниковъ, изъ которыхъ одному хотѣлось одной волости, другому иной; онъ, примиряя ихъ, раздавалъ имъ волости (въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, уже по смерти Всеволода, говорится (132), что онъ далъ Давиду Игоревичу — Володимеръ, вѣроятно по смерти Ярополка Изяславича; Володарю — Перемышль, а Васильку Ростиславичу — Теребовль); междуусобія ихъ причиняли ему огорченія; сюда присоединились недуги и старость; Князь началъ окружать себя преимущественно людьми юными и неопытными и руководствовался ихъ совѣтами;

---

(130) Тамъ же, стр. 103.
(131) Лаврент. л. стр. 92—93.
(132) Тамъ же, стр. 109.

они умѣли разсорить Князя съ прежнею его дружиною и, пользуясь болѣзненнымъ его состояніемъ, осуждавшимъ его на бездѣйствіе, безъ вѣдома Князя грабили народъ и не оказывали ему правосудія въ тяжбахъ.

По смерти Всеволода Владиміръ началъ размышлять: «если я сяду на столѣ отца моего, то долженъ буду начать войну со Святополкомъ, потому что тотъ столъ былъ прежде его отца.» Поразмысливъ такимъ образомъ, Владиміръ послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль (133). Начало княженія Святополкова ознаменовано двумя несчастными битвами съ Половцами: на р. Стугнѣ и на Желяни: въ первой погибъ Ростиславъ, братъ Владиміра Мономаха (134). Въ 1094 году Олегъ Святославичь съ Половцами пришелъ къ Чернигову; Владиміръ уступилъ ему этотъ городъ и удалился въ Переяславль (135). Въ 1095 году Давидъ Святославичь оставилъ Новгородъ и началъ княжить въ Смоленскѣ; Новгородцы вызвали себѣ княземъ — Мстислава Владиміровича; а въ Ростовъ Владиміръ послалъ сына Изяслава. Тѣсный союзъ Олега съ Половцами послужилъ Святополку и Владиміру поводомъ къ войнѣ съ нимъ; главною же цѣлью ея было отнять у Олега Черниговъ (136). Вытѣсненный отсюда, Олегъ удалился въ Стародубъ; Святополкъ и Владиміръ осадили его здѣсь. Доведенный до крайности Олегъ обѣщалъ явиться съ братомъ Давидомъ въ Кіевъ на совѣщаніе и былъ подъ этимъ условіемъ выпущенъ изъ Стародуба. Смоляне отказались принять Олега, но Давидъ далъ ему нѣсколько воиновъ, съ которыми онъ пошелъ въ землю Рязанскую и

---

(133) Лаврентьев. л. стр. 93.
(134) Тамъ же, стр. 94.
(135) Тамъ же, стр. 96.
(136) Тамъ же, стр. 98—107.

и Муромскую. Эти земли принадлежали къ Черниговскому княженію точно такъ, какъ Ростовская и Суздальская къ Переяславскому. Изяславъ Владиміровичь занялъ Муромъ и Рязань и не согласился уступить ихъ Олегу, не смотря на его многократныя прозьбы. Олегъ побѣдилъ Изяслава, который и палъ въ битвѣ, покорилъ Суздальскую, Ростовскую и Бѣлозерскую области, посажалъ по городамъ посадниковъ и началъ собирать дани. Мстиславъ пошелъ на него съ Новгородцами, вытѣснилъ его изъ владѣній своего отца; обманутый его увѣреніями въ миролюбіи Мстиславъ чуть было не былъ захваченъ имъ въ расплохъ, но при содѣйствіи брата своего Вячеслава, пришедшаго къ нему на помощь съ Половцами, на Кулачьцѣ, поразилъ Олега, отнялъ у него Рязань и Муромъ и убѣждалъ его смириться предъ братіею (137). Въ 1097 году, въ г. Любечи, собрались для установленія мира: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичь, Василько Ростиславичь, Олегъ и Давидъ Святославичи. Они говорили другъ другу; « зачѣмъ мы губимъ Русскую землю, которающись сами съ собою, а Половци несутъ розно нашу землю и радуются нашимъ усобицамъ; отнынѣ будемъ всѣ за одно стеречь Русскую землю; каждый да держитъ свою вотчину: Святополкъ Кіевъ и то, что принадлежало отцу его Изяславу, Владиміръ то, чѣмъ владѣлъ отецъ его Всеволодъ; Давидъ, Олегъ и Ярославъ пусть подѣлятся владѣніями отца своего Святослава. Что же касается до Князей, которымъ В. Князь Всеволодъ раздавалъ города, то Давидъ пусть владѣетъ Володимеромъ; Володарь—Перемышлемъ, а Василько Теребовлемъ (138).» Любечскій съѣздъ не только не достигъ цѣли, но послужилъ источникомъ новыхъ кровопролитій. На съѣздѣ Князья опредѣлили, что Святополкъ

---

(137) Лаврентьев. л. стр. 108.
(138) Лаврент. л. стр. 109.

имѣетъ право на всѣ владѣнія своего отца и тутъ же значительно стѣснили ихъ: и Давидъ, и Ростиславичи получили города, принадлежавшіе при Изяславѣ къ Кіевскому княженію. Отсюда стремленіе Святополка какъ бы то ни было вытѣснить Давида и Ростиславичей. Особенно ненавистны были послѣдніе, которымъ онъ приписывалъ убійство брата своего Ярополка. Отношенія эти запутались еще болѣе отъ постояннаго соперничества Князей Перемышльскаго и Теребовльскаго съ Кн. Володимерскимъ: Давидъ Игоревичь питалъ злобу противъ Ростиславичей. При такомъ положеніи дѣлъ Василько находился въ рукахъ злѣйшихъ своихъ враговъ. Вдругъ вся Русь узнала съ ужасомъ, что этого мужественнаго Князя, грозу Ляховъ, ослѣпили. Кто былъ виновникомъ злодѣйства? Лѣтопись обвиняетъ Давида; но ходъ событій осуждаетъ Святополка; складывая на Давида злодѣяніе, Святополкъ надѣялся получить отъ другихъ Князей право наказать его и такимъ образомъ подъ благовиднымъ предлогомъ лишить его владѣній, а потомъ приняться и за Ростиславичей. Такъ и случилось. Если бы дѣло было иначе, могъ ли бы Давидъ оставить у Володаря свое семейство, отправляясь къ Половцамъ? Сталъ ли бы самъ Василько предъ битвою на Рожниполѣ называть Давида виновникомъ злодѣянія? Но обозримъ ходъ событій послѣдовавшихъ за ослѣпленіемъ Василька въ порядкѣ времени. Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка (въ Бѣлѣгородѣ) «овчюхомъ» Великаго Князя Святополка, Торчиномъ, именемъ Березди; но Святополкъ сдалъ этотъ опасный залогъ единомыслія въ злодѣйствѣ Давиду, который и привезъ несчастнаго Василька въ Володимеръ и посадилъ подъ крѣпкую стражу (139). Услыхавъ о злодѣйствѣ, Владиміръ соединился съ Свято-

---

(139) Лаврентьев. л. стр. 110—111.

славичами и пошелъ къ Кіеву. Святополкъ на вопросъ братьевъ, въ чемъ вина Василька, отвѣчалъ: «повѣдалъ «мнѣ братъ Давидъ: Василько, убійца твоего брата Яро-«полка, хочетъ убить тебя и занять твою волость, Ту-«ровъ, Пинескъ, Берестіе и Погорину; онъ съ Владимі-«ромъ заключилъ союзъ, съ цѣлью самому сѣсть въ Воло-«димери, а Владиміра посадить въ Кіевѣ; не я ослѣпилъ «Василька, но Давидъ и повелъ его къ себѣ.» Владиміръ не принялъ этихъ оправданій и хотѣлъ взять Кіевъ, но, тронутый просьбами своей мачихи, вдовы Всеволода, согласился простить Святополка съ тѣмъ, чтобы онъ наказалъ Давида (140). Святополку того то и хотѣлось. Между тѣмъ Давидъ, опасаясь движеній Владиміра, послалъ монаха Василія къ своему узнику объявить ему, что если онъ пошлетъ къ Владиміру отъ себя съ просьбою возвратиться назадъ, то онъ въ награду дастъ ему любой городъ: либо Всеволожъ, либо Шеполь, либо Перемиль. Василько отвѣчалъ монаху: «не хочу чтобы за меня проливалась кровь, я согласенъ послать къ Владиміру, но города отъ Давида не возьму; у меня есть свой Теребовль (141).» Выславъ слугу, Василько сказалъ на единѣ монаху: «слышу, что Давидъ хочетъ выдать меня Ляхамъ; видно онъ мало насытился моею кровью; Ляхи мои злѣйшіе враги, я сдѣлалъ имъ много вреда, хотѣлъ сдѣлать еще болѣе и отмстить имъ за Русскую землю; и если выдастъ меня Ляхамъ, не боюсь смерти, но скажу тебѣ правду, что Богъ навелъ на меня это несчастіе за мое высокоуміе; пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; я подумалъ: когда пріидутъ они, скажу братьямъ Володарю и Давиду: пустите со мною

(140) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 111—112.
(141) Тамъ же, стр. 113.

свою младшую дружину, а сами пируйте и веселитесь; на зиму хотѣлъ я идти на Ляховъ, а лѣтомъ занять ихъ землю; потомъ я хотѣлъ идти на Дунайскихъ Болгаръ и посадить ихъ у себя; наконецъ, съ согласія Святополка и Владиміра идти на Половцевъ и либо сложить свою голову, либо пріобрѣсть себѣ славу; а и въ умѣ моемъ не было ничего злаго для Святополка и для Давида (142).» Давидъ пошелъ съ войскомъ на область Василька; но Володарь встрѣтилъ его, принудилъ заключиться въ Бужскѣ и выступилъ оттуда съ условіемъ освободить брата. Василько возвратился въ Теребовль, а Давидъ въ Володимеръ; съ наступленіемъ весны, Ростиславичи пошли войною на Давида, взяли и сожгли Всеволожь и приступили къ Володимерю, требуя выдачи трехъ клеветниковъ Василька (143). Жители Володимеря потребовали отъ Давида, чтобы онъ исполнилъ желаніе Ростиславичей. Удовлетворивъ свою месть, они вазвратились домой. Между тѣмъ Святополкъ собралъ войско идти на Давида и, зная его тѣсныя сношенія съ Ляхами, пошелъ къ Берестію, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Володиславъ, Ляшской Князь, взялъ съ Давида 50 гривенъ и обѣщалъ помирить со Святополкомъ, но, получивъ отъ послѣдняго болѣе, онъ отпустилъ Давида, обѣщавъ защитить его, если Святополкъ сдѣлаетъ на него нападеніе. Обезопасивъ себя со стороны Ляховъ, Святополкъ выгналъ Давида изъ Володимеря, потомъ изъ Червена; Давидъ ушелъ къ Ляхамъ. Столь же легко надѣялся Святополкъ отнять владѣніе у Ростиславичей, но на полѣ Рожни претерпѣлъ отъ нихъ пораженіе (144). Святополкъ бѣжалъ въ Володимеръ, посадилъ тутъ Княземъ сына своего Мстислава, а другаго, Ярослава, послалъ

---

(142) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 113.
(143) Тамъ же, стр. 113, 114.
(144) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 114.

къ Венграмъ просить у нихъ помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ Давидъ тщетно искалъ помощи у Ляховъ, сблизился съ Ростиславичами, оставилъ у Володаря въ Перемышлѣ жену свою, а самъ пошелъ въ землю Половецкую. По просьбѣ Ярослава Коломанъ, Король Венгерскій, съ многочисленнымъ войскомъ, перешелъ горы и осадилъ Перемышль. Володарь заключился въ городѣ и ждалъ помощи отъ Давида (145). Этотъ Князь съ небольшимъ отрядомъ Половцевъ, разбилъ на голову полчища Венгровъ. Давидъ занялъ Сутѣску, Червенъ и осадилъ въ Володимери—Мстислава. Другой Святополковичь Ярославъ бѣжалъ въ Берестіе. Мстиславъ палъ отъ стрѣлы и жители готовы были сдаться, но Святоша, сынъ Давида Черниговскаго, котораго Святополкъ посадилъ въ Луческѣ, пришелъ на помощь городу съ воеводою Путятою и разбилъ Давида; тотъ, съ племянникомъ Мстиславомъ, собралъ опять рать изъ Половцевъ, выгналъ Святошу изъ Луческа, а Святополкова посадника изъ Володимера (146). Августа 10-го, 1100 г. въ Увѣтичахъ былъ съѣздъ Русскихъ Князей; Святополкъ, Володиміръ и Святославичи находились на немъ; Давида Игоревича именно пригласили сюда, вѣроятно и Ростиславичей, ибо съѣздъ имѣлъ главною цѣлью устроить дѣла о Волыни и Червенскихъ городахъ, но ни Володарь, ни Василько не явились. Князья рѣшили на съѣздѣ отнять у Давида Игоревича Володимеръ; ему дали: Дорогобужъ, Бужьской, Острогъ, Дубенъ, Черторыескъ и 400 гривенъ. Володимеръ отдали Ярославу Святополковичу (147). Князья послали сказать Володарю и Васильку: « Василько долженъ жить у Володаря и оба « вмѣстѣ владѣть одною Перемышльскою областью; если

---

(145) Тамъ же, стр. 115.
(146) Лаврентьев. лѣт. стр. 115.
(147) Тамъ же, стр. 116.

« Володарь на это несогласенъ, то пусть Василько пріѣдетъ « къ братьи, которая и будетъ его содержать; Василько и « Володарь должны выдать холоповъ и смердовъ Княже- « скихъ (148).» Ростиславичи ослушались и приговоръ Увѣтичевскаго съѣзда надъ ними исполненъ не былъ (149). Это событіе весьма важно; съ этого времени начинается самостоятельное существованіе княженій Перемышльскаго и Теребовльскаго, извѣстныхъ въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Галицкой Руси. Эти княженія, занимая узкую, продолговатую полосу земли, прислоненную къ Карпатамъ, на С. и В. отъ Волынскихъ княжествъ отдѣлялись приблизительно тою же линіею, какая нынѣ идетъ по границѣ Австрійской Галиціи, Царства Польскаго и Русской Имперіи. На З. отъ Ляшской земли граница шла не далеко за р. Саномъ. Вообще Перемышльское Кн. имѣло около 500, а Теребовльское около 300 кв. миль. Окруженные Ляхами, Венграми и Половцами, Князья этихъ земель должны были отличаться или мужествомъ, неустрашимостью и дѣятельностью, или хитрою политикою. Ростиславичи имѣли первыя качества; мечемъ заняли они свои владѣнія, мечемъ же должны были отстоять ихъ отъ иноземцевъ и отъ своихъ родичей — Князей. Кн. Перемышльское и Теребовльское походятъ на пограничныя *марки* Германской Имперіи. Война — необходимое условіе существованія тѣхъ и другихъ. Василько внесъ войну въ землю Ляховъ; Володарь отразилъ Венгровъ приступившихъ къ его столицѣ. Ясно сколько было невѣрнаго и непрочнаго въ существованіи этихъ княженій на окраинѣ Русской земли между многочисленными и страшными сосѣдями, которымъ стоило только подать другъ другу руку чтобы задавить ихъ. Тѣмъ не менѣе Князья Перемышль-

(148) Лаврентьев. лѣт. стр. 116.
(149) Тамъ же, стр. 117.

скій и Теребовльскій не только отразили этихъ внѣшнихъ враговъ, но и Русскихъ Князей, искавшихъ ихъ владѣній. Окруженные нѣсколькими врагами, имѣвшими разные интерессы, Князья Перемышльскій и Теребовльскій рано изучили, въ школѣ необходимости, искусство кстати заключенными союзами, приставать къ одному сосѣду противъ другаго; не зная самаго имени политики, они силою обстоятельствъ стали искусными политиками. Безопасность Ростиславичей со стороны Руси условилась раздробленіемъ Волыни на нѣсколько Княжествъ; р. Горынь отдѣляла на В. земли Княж. Кіевскаго отъ лежавшихъ на З. земель Володимерскаго Княженія, доходившихъ до береговъ Вепра и Вислы. Въ концѣ XI вѣка въ г. Володимери учреждена Епископія (150) и первымъ Епископомъ былъ Стефанъ, изъ Игуменовъ Кіевопечерскаго монастыря (поставленъ въ 1090, скончался въ 1106 г.; на его мѣсто поставленъ Епископомъ Анфилофій). Кромѣ того: Туровъ, Пинескъ, Берестій, Дорогобужъ скоро стали столами отдѣльныхъ Княженій.

---

(140) Лаврентьев. л. стр. 90 и 119.

ГЛАВА III.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПО СМЕРТЬ ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА (*).

Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о томъ, какія послѣдствія имѣло ослушаніе Ростиславичей. Думаю, впрочемъ, что сюда относятся слѣдующія слова *поученія* Владиміра Мономаха (151): Встрѣтили меня послы отъ братьевъ моихъ на Волгѣ, и сказали: соединися съ нами, выгонимъ Ростиславичей и «волость ихъ отнимемъ; еже ли не пойдешь съ нами, то «мы себѣ будемъ, а ты себѣ; я имъ отвѣчалъ: если вы и «будете гнѣваться, то все таки я не могу нарушить присягу «а идти противъ нихъ» Если такъ, то ясно, что Князья замышляли походъ на Ростиславичей и что онъ не удался въ слѣдствіе отказа Мономаха принять въ немъ участіе. По рѣшенію Увѣтичевскаго съѣзда городъ Володимеръ отданъ Ярославу Святополковичу (или Ярославцу — какъ его называли современники). Но у несчастнаго Ярополка Изяславича, злодѣйски убитаго въ 1086 году, осталось два сына: Ярославъ и Вячеславъ, сопровождавшіе Святополка

(*) Источникъ: Первый и второй томы Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей. Пособія: Исторіи Карамзина, Татищева и проч.

(151) Лаврент. л. стр. 100.

въ походъ на Давида и Ростиславичей (152). Ярославъ, старшій изъ нихъ, княжившій, кажется, въ Берестьи, обнаружилъ свои права на владѣнія своего отца и объявилъ войну Ярославцу (153). Святополкъ захватилъ въ плѣнъ Ярослава и, оковавъ его, привелъ въ Кіевъ; ходатайство Митрополита возвратило ему свободу; въ 1102 г. Ярославъ ушелъ изъ Кіева съ цѣлью возвратить свои владѣнія, но Ярославецъ захватилъ его на Нурѣ и отослалъ къ отцу въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался въ томъ же году въ оковахъ (154). Братъ его Вячеславъ умеръ въ 1106 г., нигдѣ не княживъ; остались ли дѣти у этихъ потомковъ Изяслава Ярославича или нѣтъ? Этотъ вопросъ молчаніе лѣтописи оставляетъ нерѣшеннымъ. Въ 1102 г. Святополкъ заключилъ такой договоръ съ Владиміромъ Мономахомъ: Новъ-городъ остался за Святополкомъ, который долженъ отдать его своему сыну, а Володимеръ за сыномъ Мономаха Мстиславомъ. Упорство Новогородцевъ, не хотѣвшихъ разстаться съ своимъ Княземъ, разстроило этотъ планъ (156). Желая упрочить за сыномъ своимъ важный городъ Володимеръ и его область, Святополкъ вступилъ въ родство съ сосѣдними Государями: дочь свою, Сбыславу, отдалъ за Болеслава Кривоустаго, Ляшскаго Князя, а другую—Передславу за Венгерскаго Королевича, сына Коломанова, Ладислава или Николая (157). Ростиславичи, почти постоянно враждебные Венграмъ, искали обыкновенно союза Грековъ, непріятелей Венгровъ; въ 1104 году Володарь выдалъ дочь свою за Царевича, сына Алексія Комнина, Ан-

---

(152) Тамъ же, стр. 115.

(153) Тамъ же, стр. 117.

(154) Лаврент. л., стр. 117.

(155) Тамъ же, стр. 119.

(156) Тамъ же, стр. 117.

(157) Тамъ же, стр. 118; Карамзина—И. Г. Р. т. II. стр. 143.

дроника или Исаака (158). Въ 1113 г. Володарь выдалъ другую дочь свою за Романа сына Мономахова (154). Послѣдніе годы княженія Святополка ознаменованы нѣсколькими удачными походами на Половцевъ въ 1103, 1106, 1107, 1109, 1110 и 1112 г.; въ нихъ участвовали почти всѣ Русскіе Князья, кромѣ Ростиславичей (160). Ярославецъ два раза ходилъ на Ятвяговъ, которыхъ область на С. граничила съ его владѣніями и побѣдилъ ихъ (161); менѣе счастливы были Всеславичи, въ 1106 г. ходившіе на Зимѣголу; они потерпѣли жестокое пораженіе (162); въ 1100 г. умеръ Князь Полоцкій — Всеславъ — игравшій столь важную роль въ судьбахъ Юго-Западной Руси (163). Многочисленные сыновья его начали спорить о владѣніяхъ, воевать между собою при помощи Южно-Русскихъ Князей. Въ Мѣнескѣ княжилъ Глѣбъ. Въ 1113 г. скончался Святополкъ и въ Кіевѣ сѣлъ Владиміръ Мономахъ, на дѣлѣ уже давно Великій Князь, нарушивъ право старѣйшинства, принадлежавшее Святославичамъ. Владиміръ требовалъ послушанія отъ всѣхъ Русскихъ Князей, но встрѣтилъ сопротивленіе въ Глѣбѣ Всеславичѣ, Князь Мѣнескомъ, и въ Ярославцѣ Князѣ Володимерскомъ. Глѣбъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убитаго въ 1086 г. Въ 1015 г. Глѣбъ повоевалъ землю Дреговичей и сжегъ Случескъ; и онъ не каялся въ этомъ, говоритъ лѣтопись, и не изъявлялъ покорности Владиміру Мономаху, а сильно упрекалъ его. Владиміръ пошелъ на Глѣба войною и осадилъ его въ Мѣнескѣ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и съ дружиною и поклонился Владиміру т. е. призналъ его старѣй-

---

(158) Лаврентьев. л. стр. 119; Карамзина I. с.
(159) Ипатьевская лѣтопись, стр. 4.
(160) Лаврент. л. стр. 118, 120, 121, 127; Ипатьев. л. стр. 1—3.
(161) Ипатьев. л. стр. 3.
(162) Лаврент. л. стр. 120.
(163) Тамъ же, стр. 117.

шинство. Князья говорили между собою рѣчи о мирѣ; Глѣбъ обѣщался *во всемъ послушнымъ быть Владиміру*. Владиміръ, давъ миръ Глѣбу и наказъ какъ ему должно вести себя, возвратилъ ему Мѣнескъ, а самъ отправился въ Кіевъ. Видно Глѣбъ дурно исполнилъ свое обѣщаніе повиноваться Владиміру, потому что онъ въ 1119 г. взялъ Мѣнескъ и самаго Глѣба привелъ въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и скончался (164). Вдова его жила до 1157 года (165). И Ярославца не защитилъ его родственный союзъ съ Владиміромъ: въ 1112 г. Ярославецъ, возвратившись съ войны на Ятвяговъ, послалъ въ Новгородъ и взялъ за себя дочь Мстислава, внуку Владиміра (166). Что было поводомъ къ походу Владиміра на Ярославца въ 1117 г.? Дурное будто бы обхожденіе его съ своею женою; но это позднѣйшее извѣстіе. Владиміръ о походѣ на Ярославца говоритъ въ своемъ *поученіи:* (167) «и потомъ я ходилъ къ Володимерю на Ярославца *не стерпя его злобы.*» Лѣтопись говоритъ: пошелъ Владиміръ на Ярославца къ Володимерю; въ войскѣ его находился Давидъ Святославичь и Ростиславичи; 60 дней Князья стояли подъ городомъ; Ярославецъ уступилъ, покорился, *ударилъ челомъ передъ дядею своимъ* Владиміромъ; и *наказалъ его Владиміръ о всемъ, веля ему къ себѣ приходить: «какъ только позову.»* Владиміръ возвратился въ Кіевъ. Тутъ скоро послѣдовали одно за другимъ два событія: Владиміръ послалъ въ Володимеръ княжить сына своего, а зятя Ростиславичей—Романа; и Ярославецъ бѣжалъ къ Ляхамъ, а по другому извѣстію—къ Венграмъ. Какое изъ нихъ случилось прежде и было причиною другаго—трудно рѣшить; по Ипатьевской лѣтописи сначала Влади-

(164) Лаврент. л. стр. 127—128; Ипатьев. л. стр. 7—8.

(165) Ипатьев. л. стр. 82.

(166) Тамъ же, стр. 3.

(167) Лаврент. л. стр. 104.

міръ послалъ Романа въ Володимеръ и потомъ уже Ярославецъ бѣжалъ оттуда. Владиміръ въ это время старался надѣлить волостьми сыновей своихъ: Мстислава онъ перевелъ изъ Новагорода въ Бѣлгородъ, Ярополка посадилъ въ Переяславли, Вячеслава въ Смоленскѣ. Богатую Волынскую область Владиміру хотѣлось также сдѣлать достояніемъ своего рода. Другими словами Владиміръ поступилъ съ Ярославцемъ точно такъ, какъ отецъ послѣдняго — Святополкъ съ Давидомъ Игоровичемъ. Романъ умеръ и году не княживъ въ Володимери; Владиміръ прислалъ другаго сына — Андрея; Андрей поссорился съ Ростиславичами, которымъ Володимерской Князь, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ противенъ и въ 1120 г. ходилъ съ помощью Половцевъ воевать на Ляховъ. Ярославецъ съ Ляхами, въ 1121 г. осаждалъ г. Червенъ, но безуспѣшно; въ 1123 г. съ многочисленнымъ войскомъ Ляховъ, Чеховъ и Венгровъ Ярославецъ осадилъ Володимеръ; Ростиславичи находились въ его войскѣ. Владиміръ испугался за своего сына, началъ собирать рать, а впередъ послалъ сына Мстислава съ небольшимъ отрядомъ; но прежде нежели Мстиславъ пришелъ къ Володимерю, Ярославецъ предательски былъ умерщвленъ двумя Ляхами, вышедшими изъ города (168). Кто виновникъ злодѣянія — извѣстно одному Богу; но плодами его воспользовался Владиміръ; сынъ его Андрей — безъ соперниковъ сталъ княжить въ Володимери. Юные дѣти Ярославца — Юрій и Вячеславъ остались безъ владѣній. Вся Юго-Западная Русь, по Западную сторону Днѣпра, принадлежала, за исключеніемъ владѣній Ростиславичей, Владиміру или сыновьямъ его. Давидъ Игоревичь, княжившій въ Дорогобужѣ, умеръ въ 1112 году (169); у него остался сынъ Всеволодко, который въ 1116 г. женился на дочери

---

(168) Лаврент. л. стр. 128; Ипатьев. л. стр. 7—9.
(169) Ипатьев. л. стр. 3.

Мономаха, Огафьи (170), но не получилъ отцовскихъ владѣній. Двоюродный братъ его — Мстиславъ умеръ въ 1116 году (171). Лѣтопись мало упоминаетъ о Ростиславичахъ, какъ бы не считая ихъ уже принадлежащими къ Княжескому роду, а ставя ихъ наравнѣ съ Венграми и Ляхами; вотъ все, что говоритъ лѣтопись (172) о Ростиславичахъ до ихъ кончины: « въ 1122 г. Ляхи хитростью захватили въ плѣнъ Володаря; » объ этомъ событіи подробнѣе говорится въ Ипатьев. л. (173) подъ 1145 г. « тою же зимою «Владиславъ, Ляшской князь, схватилъ мужа своего Петрока, ослѣпилъ его, вырѣзалъ ему языкъ, разграбилъ его «домъ и выгналъ изъ страны своей. Такъ исполнилось «Евангельское слово: ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится и «вамъ. Ибо этотъ Петрокъ, захвативъ обманомъ Володаря, «мучилъ его, исхитилъ у него все его имѣніе и былъ при«чиною его смерти, *о чемъ уже выше писано* (но что, къ «сожалѣнію, не дошло до насъ). Въ 1124 г. умеръ Василь«ко, а въ слѣдъ за нимъ старшій братъ его Володарь (174).» Изъ прочихъ событій княженія Владимірова любопытно его столкновеніе съ Греками, показывающее, что хотя Русь и отдѣлена была отъ нихъ Половцами, однакожъ она не оставляла своихъ притязаній на Дунайскіе города. Въ 1116 г. Леонъ Царевичь, зять Владиміра, супругъ его дочери Марьи, пошелъ на Царя Алексія и занялъ нѣсколько Дунайскихъ городовъ; но въ г. Дерстрѣ его убили два Сарацина, подосланные Греками. Владиміръ оставилъ своихъ посадниковъ въ городахъ по Дунаю; Греки выгнали ихъ; Владиміръ послалъ на нихъ съ войскомъ сына своего Вячеслава, который осаждалъ г. Дерстеръ, но возвра-

---

(170) Тамъ же, стр. 8.
(171) Тамъ же, стр. 8.
(172) Тамъ же, стр. 9.
(173) Тамъ же, стр. 21.
(174) Тамъ же, стр. 10; Лаврент. л. стр. 129.

тился безъ успѣха (175). Владиміръ скоро помирился съ Греками и въ 1122 г. выдалъ дочь Мстислава, а свою внуку *за Царя,* по словамъ лѣтописца (176); Татищевъ (177) прибавляетъ *Ивана,* по Карамзину (178) говоритъ: «не за Царя, а за Царевича именемъ Алексія, сына Императора Ивана.» Изъ внутреннихъ событій Русской исторіи въ княженіе Владиміра заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что въ Русь пришли Торки, Печенѣги и Бѣловѣжцы, выгнанные изъ своихъ кочевьевъ Половцами (179); поселенные по берегамъ р. Роси и извѣстные подъ именемъ Берендѣевъ и Черныхъ Клобуковъ, эти варвары при внукахъ Владиміра располагали судьбою Кіевскаго стола и были главными защитниками Руси отъ набѣговъ Половцевъ. Владиміръ, лучшій характеръ того времени, соединившій въ себѣ всѣ его достоинства и недостатки, представляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ противурѣчія, непонятныя нашему образу мыслей; кроткій въ иныхъ случаяхъ, онъ былъ въ другихъ немилосердъ до жестокости; правдолюбивый, какъ видно изъ его *поученія,* онъ ни передъ кѣмъ не уступалъ, когда дѣло шло о величіи его дома. Самые недостатки Владиміра были въ духѣ его времени и потому въ памяти современниковъ онъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе; доброй славѣ Владиміра не мало содѣйствовали его походы на Половцевъ, хотя съ этими же Половцами Владиміръ опустошалъ владѣнія Полоцкихъ Князей и не пренебрегалъ вступать съ Половецкими Князьями въ брачные союзы. Основатель могущества и доброй славы своего дому, заставлявшей по всей Руси предпочи-

---

(175) Лаврент. л. стр. 128; Ипатьев. л. стр. 7.
(176) Ипатьев. л. стр. 9.
(177) Росс. Ист. Кн. 2. стр. 225.
(178) И. Г. Р. т. II. стр. 167.
(179) Ипатьев. л. стр. 8.

тать Мономаховичей всѣмъ прочимъ князьямъ, Владиміръ умеръ 19 Мая 1125 года. Въ Кіевѣ на старшемъ Русскомъ столѣ сѣлъ сынъ его Мстиславъ (180); семилѣтнее его Княженіе есть продолженіе отцовскаго; тоже стремленіе сдѣлать всѣхъ прочихъ Князей себѣ подручными, и заставить ихъ ходить въ своей волѣ. Болѣе всего къ этому питали отвращеніе Князья Полоцкіе, въ которыхъ еще не изгладилась родовая ненависть къ Ярославичамъ. Изяславичи отказались повиноваться Мстиславу и ходить вмѣстѣ съ нимъ на Половцевъ. Въ это время владѣнія Изяслава Владиміровича были раздѣлены на нѣсколько частей; въ нихъ образовались два Княжества: Минское и Полоцкое. Взаимное соперничество Всеславичей облегчило ихъ покореніе; въ 1128 г. Мстиславъ ходилъ на нихъ и въ Полоцкѣ посадилъ Рогволода вмѣсто Давида; а въ 1130 году сослалъ въ Царьгородъ Полоцкихъ князей съ женами и съ дѣтьми: Давида, Ростислава, Святослава и двухъ Рогволодовичей *за непослушаніе ихъ,* какъ говоритъ лѣтопись. Изъ внѣшнихъ дѣйствій Мстислава замѣчательны два похода: первый на Литву, а другой на Половцевъ. О походѣ на Литву лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ опустошилъ страну и взялъ въ ней много полона, но что Кіевляне, шедшіе отдѣльно отъ дружины Княжеской, были разбиты Литвою. Въ походѣ на Литву сопровождали Мстислава Ольговичи и Всеволодко Давидовичь, внукъ Игоревъ, князь Городеньскій (182). О походѣ на Половцевъ лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ въ этомъ отношеніи «*наслѣдовалъ потъ отца своего Владиміра Мономаха Великаго.* Владиміръ самъ «собою постоялъ на Дону и много пота утеръ за землю «Русскую, а Мстиславъ послалъ мужей своихъ, загналъ

(180) Лаврент. л. стр. 129—132; Ипатьев. л. стр. 10—12.
(181) Лаврент. л. стр. 130, 131, 132; Ипатьев. л. стр. 11—12.
(182) Ипатьев. л. стр. 12.

«Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ; и рукою его «Богъ избавилъ Русскую землю отъ поганыхъ» (183); но, къ несчастію, не надолго, какъ увидимъ. Въ Черниговскомъ Княженіи при Мстиславѣ произошла важная перемѣна: Всеволодъ Ольговичь, зять Мстислава, выгналъ дядю своего Ярослава Святославича, единственнаго оставшагося въ живыхъ сына Святославова (Олегъ умеръ въ 1116, а Давидъ въ 1123 г.). Мстиславъ хотѣлъ было возстановить Ярослава, но послѣ раздумалъ и Ярославъ удалился въ Муромъ (184). По смерти Ростиславичей ихъ волость раздѣлилась на 4 части: у Володаря остались два сына: Ростиславъ и Владимірко; первому отецъ назначилъ Перемышль, а второму Звенигородъ; послѣ Василька остались также два сына: Иванъ и Григорій; они раздѣлили между собою отцовскія владѣнія. Между Володаревичами возникли скоро усобицы; сторону Ростислава держали Васильковичи; Владимірко ушелъ въ Венгрію къ тестю своему Королю Стефану II (1114—1131); при содѣйствіи его Владимірку возвращены были его владѣнія тѣмъ болѣе, что и въ отсутствіе его Ростиславъ безуспѣшно приступалъ къ Звенигороду. Мстиславъ не мѣшался въ дѣла потомковъ Ростиславичей, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ (185). 1132 г. 15 Апрѣля скончался Мстиславъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку и ему же ввѣривъ дѣтей. Кіевляне послали за Ярополкомъ; исполняя волю отца и клятву, данную Мстиславу, Ярополкъ отдалъ свой прежній стольный городъ — Переяславль Всеволоду Мстиславичу, вызвавъ его изъ Новагорода. Юрій Владиміровичь выгналъ племянника изъ Переяславля, владѣлъ имъ 8 дней и отдалъ опять Ярополку, который посадилъ въ немъ

---

(183) Тамъ же, стр. 15.

(184) Тамъ же, стр. 10—11.

(185) Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2. стр. 173; Татищева, Р. И. кн. 2, стр. 232.

Изяслава Мстиславича, княжившаго, по изгнаніи Рогволодовичей, въ Полоцкѣ и Минскѣ. Полочане, по удаленіи Изяслава, посадили у себя Василька, по лѣтописи Святославича, а по Карамзину — Рогволодовича (186). Скоро Ярополкъ уладился съ братьею и отдалъ Переяславль брату Вячеславу; Изяславу, весьма не охотно вышедшему оттуда, Ярополкъ далъ Туровъ и Пинскъ къ Минску, остававшемуся въ его власти. Вячеславъ не былъ доволенъ Переяславлемъ и жалѣлъ о Туровѣ; однажды онъ отправился туда и только усильныя просьбы В. Князя Ярополка могли склонить его возвратиться обратно; но въ 1134 году Вячеславъ снова занялъ Туровъ. Тогда Ярополкъ отдалъ Переяславль брату Юрію, уступившему за то Ростовъ, Суздаль съ нѣкоторыми другими городами. Изяславъ удалился въ Минскъ, оттуда сговорился съ Ольговичами и Давидовичами начать войну и лѣтопись говоритъ (187) *«раздьрася* (т. е. взволновалась) *вся земля Русьская.»* Всеволодъ Мстиславичь со всею Новогородскою областью пошелъ ратью на Суздаль, желая посадить тамъ брата своего Изяслава; въ первый походъ Всеволодъ воротился отъ р. Дубны; но во второй походъ зимою, не смотря на жестокіе холода, Новогородцы пошли далѣе, бились съ Суздальцами на Ждановой горѣ, потерпѣли пораженіе и заключили миръ съ Юрьемъ. Въ слѣдующемъ—1135 г.— посадникъ Мирославъ ходилъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами, но не имѣлъ успѣха: ибо сильно возмущалась вся земля Русская, повторяетъ лѣтопись. Ярополкъ звалъ къ себѣ Новогородцевъ, а Черниговскій Князь къ себѣ; первый опустошилъ Черниговское Княженіе, а Всеволодъ съ Половцами Переяславльское. Наконецъ обѣ стороны помирились у Городца. Ольговичи

---

(186) Лаврент. л. стр. 132; Ипатьев. стр. 12—14.

(187) Новгородская первая л. стр. 7.

говорили Ярополку (188): «мы того хотимъ, чѣмъ владѣлъ нашъ отецъ при вашемъ отцѣ; если же ты съ братіею не дашь, то не жалуйся, чтобы ни случилось и пролитая кровь будетъ на тебѣ.» Вся эта усобица—прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ (189), возникла отъ того, что Юрій выгналъ Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Вячеславъ выгналъ Изяслава сначала изъ Переяславля, а потомъ изъ Турова. Оттого возникла между князьями распря и великая злоба; отправляясь въ походъ, Ольговичи говорили: «вы первые (т. е. Владиміровичи) начали искать нашей гибели.» По Городецкому миру Князья дали Переяславль Андрею Владиміровичу, а Изяславу Мстиславичу Володимеръ. Въ слѣдующемъ году Всеволодъ Ольговичь съ Половцами пошелъ на Переяславль, гдѣ уже княжилъ Андрей Владиміровичь; на верховьяхъ р. Супоя Всеволодъ сошелся съ Ярополкомъ. Володимеровичи были разбиты. Ярополкъ, собравъ много воиновъ со всѣхъ земель, заключилъ миръ со Всеволодомъ, шедшимъ уже къ Кіеву, отдавъ Ольговичамъ отчину свою, чего имъ и хотѣлось (190). Въ 1138 г. Ольговичи съ Половцами опустошили Переяславское княженіе: Андрей, не видя ни откуда помощи, хотѣлъ было уже бѣжать изъ Переяславля, но Ольговичи, узнавъ, что онъ покинутъ братьями, помирились съ нимъ и пошли воевать берега р. Сулы, гдѣ взяли г. Прилуки и хотѣли идти къ Кіеву. Ярополкъ соединился съ братьями и собралъ множество воиновъ; въ его полкахъ находились: Ростовцы, Полочане, Смольняне, Венгры, Галичане, Берендѣи (числомъ до 30 т.), Кіевляне, Переяславцы, Володимерцы и Туровцы. Всеволодъ въ ужасѣ хотѣлъ было бѣжать въ Половецкую землю, но

---

(188) Ипатьев. л. стр. 13.
(189) Ипатьев. л. стр. 13.
(190) Тамъ же, стр. 14.
(191) Ипатьев. л. стр. 13.

Черниговцы принудили его просить мира у Ярополка; Князь Кіевскій помирился охотно у Моровѣйска. Въ томъ же году Ярополкъ скончался 18 Февраля; 22-го — Вячеславъ, братъ его, вошелъ въ Кіевъ. Но Всеволодъ Ольговичь съ братомъ Святославомъ и съ Владиміромъ Давидовичемъ, собравъ дружину, занялъ Вышегородъ и пошелъ къ Кіеву. Вячеславъ выслалъ къ нему Митрополита сказать: «ступай назадъ въ Вышегородъ я нынче же ухожу въ свою волость, а Кіевъ твой.» Всеволодъ отступилъ къ Вышегороду, а Вячеславъ въ тотъ же день удалился въ Туровъ. Марта 5-го, Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ; сюда прибылъ къ нему братъ его Игорь, которому онъ обѣщалъ Черниговъ, но далъ его не ему, а Владиміру Давидовичу. О политикѣ Всеволода одна лѣтопись (192) говоритъ: «Сѣлъ Ольговичь въ Кіевѣ и началъ замышлять на Владиміровичей и на Мстиславичей, надѣясь на силу свою, располагалъ самъ собою держать всю землю, и искалъ подъ Ростиславомъ Смоленска, а подъ Изяславомъ Володимера.» Другая лѣтопись (193) оправдываетъ Всеволода отъ обвиненія въ нарушеніи мира: «Всеволодъ, сѣвъ въ Кіевѣ, началъ ссылаться съ Владиміровичами и Мстиславичами, хотя съ ними мира, и приглашалъ Князя Изяслава Мстиславича (своего зятя) изъ Володимера;» тѣ отвергли предложенія Всеволода, но ссылались сами межь собою, располагаясь идти на него ратью къ Кіеву. Всеволодъ не ждалъ этого, но пошелъ къ Переяславлю на Андрея Владиміровича, съ братомъ Святославомъ; а Изяслава Давидовича, Ивана Васильковича и Володимерка Володаревича Галицкаго съ Половцами послалъ на Вячеслава и на Изяслава Мстиславича; но они съ береговъ р. Горыни воротились безъ успѣха. Всеволодъ, приступивъ къ Переяславлю, послалъ сказать Андрею: «ступай въ Курскъ.» Но Андрей,

---

(192) Лаврент. л. стр. 134.
(193) Ипатьев. л. стр. 17.

сдумавъ съ дружиною, отвѣчалъ: «я предпочитаю умереть съ дружиною на своей вотчинѣ, чѣмъ идти на Курское княженіе; отецъ мой владѣлъ Переяславлемъ, а не Курскомъ и я хочу удержать за собою все то, чѣмъ владѣлъ онъ; если ты еще не сытъ, братъ, держа всю землю Русьскую, то, убивъ меня, получишь волость, а живымъ изъ нея не выйду.» Всеволодъ уступилъ тѣмъ болѣе, что дружина Андреева разбила Святославову на Куранѣ и оставилъ за Андреемъ Переяславль (194). Между тѣмъ Васильковичь и Володаревичь Галицкій пригласили къ себѣ Изяслава, но не успѣвъ уладиться съ нимъ, отпустили его въ Володимеръ. Изяславъ, негодуя на дядю Вячеслава, съ сыновьями своими ходилъ воевать его волость, между тѣмъ какъ Ляхи, угождая Всеволоду, опустошали Володимерьскую волость. Вячеславъ и Изяславъ Мстиславичь отправили пословъ своихъ ко Всеволоду — «рядиться.» Всеволодъ не хотѣлъ исполнить ихъ воли, но послѣ, сообразивъ что безъ нихъ все же ему нельзя обойтись, исполнилъ ихъ просьбу и цѣловалъ къ нимъ крестъ (195). Новогородцы въ это время никакъ не могли ужиться съ князьями; выславъ Всеволода Мстиславича, призвали Святослава Ольговича; когда онъ имъ не полюбился, то они взяли себѣ княземъ Ростислава Юрьевича, потомъ опять призвали Святослава; Всеволодъ послалъ сказать имъ: «посылаю къ вамъ сына вмѣсто брата.» Новогородцы согласились было, но потомъ послали сказать Всеволоду: «не нужно намъ твоего сына, пришли намъ шурина твоего Мстиславича.» Всеволодъ въ досадѣ далъ Изяславу и Святополку Мстиславичамъ — Берестій съ тѣмъ, чтобы они неходили княжить въ Новгородъ. Новгородцы тогда посадили у себя опять Ростислава Юрьевича и тѣмъ навлекли на себя сильное негодованіе Всеволода. Въ 1141

---

(194) Лаврент. л. стр. 134; Ипатьев. л. стр. 16.
(195) Ипатьев. л. стр. 17.

г. скончался Андрей Владиміровичь; тогда Переяславльское княженіе сдѣлалось опять поводомъ къ несогласіямъ между князьями. Всеволодъ послалъ сказать Вячеславу: «ты владѣешь городами нѣкогда принадлежавшими Кіевской волости, а она вся должна мнѣ принадлежать; ты же ступай въ Переяславль, свою вотчину.» Вячеславъ повиновался, а Всеволодъ въ Туровѣ посадилъ сына своего Святослава. Негодуя на Юрья за то, что онъ далъ сына своего Новогородцамъ, Всеволодъ въ отмщеніе ему, занялъ всѣ города ему принадлежавшіе въ Южной Руси (196); Изяславъ послалъ сказать своей сестрѣ: попроси у мужа брату Святополку Новгородъ. «*Она же тако створи*» — лѣтопись замѣчаетъ. Видно сильно было ея вліяніе на мужа! Помирившись съ шурьями, Всеволодъ разсорился съ братьями (197). Святославъ Ольговичь владѣлъ Новымъ городомъ Сѣверскимъ и Курскомъ; но былъ этимъ недоволенъ. Всеволодъ далъ ему Бѣлгородъ, чтобы не вооружить совершенно противъ себя; другому брату, Игорю, хотѣлось Чернигова и онъ ходилъ осаждать тамъ Владиміра Давидовича. Но особенно вооружилъ противъ себя Всеволодъ своихъ братьевъ, давъ сыну Туровъ; они начали говорить: «волости даетъ сыну, а братьевъ не надѣлилъ ничѣмъ,» и требовали, чтобы онъ уступилъ имъ всю землю Вятичей. Получивъ отказъ, они рѣшились прибѣгнуть къ силѣ и пошли къ Переяславлю ратью на Вячеслава. Всеволодъ послалъ ему на помощь Лазоря Саковскаго съ Печенѣгами; Мстиславичи также поспѣшили на помощь дядѣ: Ростиславъ изъ Смоленска, а Изяславъ изъ Володимера. Игорь, Святославъ и Давидовичи смирились; послѣдніе получили Берестій, Дорогичинъ, Ормину и Вънцжь, Игорь - Городечь (мы видѣли, что тамъ княжилъ Всеволодко Давидовичь, зять Мономаховъ, но онъ

---

(196) Тамъ же, стр. 18. Лаврент. л. стр. 133.

(197) Ипатьев. л. стр. 18—19; Лаврент. л. стр. 133.

умеръ въ 1141 г.), Гюргевъ и Рогачевъ; Святославу—Черторыескъ и Клечьскъ (или Клецкъ; въ 1128 г. здѣсь княжилъ Вячеславъ, сынъ Ярославца Святополковича, Князя Володимерскаго). Вячеславъ, согласившись со Всеволодомъ, далъ Переяславль племяннику Изяславу, а самъ удалился въ Туровъ: Всеволодъ же отдалъ сыну своему Святославу Володимеръ (198); этимъ распоряженіемъ онъ вооружилъ противъ себя Владимірка Галицкаго. Мы видѣли, что при Мстиславѣ Владиміровичѣ волость Ростиславичей была раздѣлена между двумя Володаревичами и двумя Васильковичами. Въ 1140 г. оставались въ живыхъ только Владимірко Володаревичь и Иванъ Васильковичь (199). Первый подъ этимъ годомъ называется въ лѣтописи *Галицкимъ* (имя *Галичанъ* упоминается впервое подъ 1139 г.), но имя г. Галича встрѣчается только подъ слѣдующимъ годомъ. Когда умерли Ростиславъ Володаревичь и Григорій Васильковичь не извѣстно; послѣ перваго остался сынъ Иванъ. Въ 1141 году умеръ бездѣтнымъ Иванъ Васильковичь и Владимірко соединилъ подъ своею властью Перемышльское и Теребовльское княжества, избравъ столицею Галичь (200). Пока Изяславъ Мстиславичь княжилъ въ Володимери, Владимірко былъ постоянно на сторонѣ Всеволода, хотя этотъ послѣдній дружился съ Ляхами, естественными врагами Владимірка. Всеволодъ былъ въ родственныхъ связяхъ съ Ляшскими князьями: одна его дочь была выдана въ 1141 г. за Владислава, а въ 1143 другая, именемъ Звениславa, за брата его Болеслава. Въ 1141 г. Всеволодъ послалъ сына своего Святослава, уже княжившаго въ Володимери, съ Владиміромъ Галицкимъ на помочь зятю своему Володиславу противъ меньшихъ его братьевъ — Болеславичей; всѣ они сошлись

---

(198) Ипатьев. л. стр. 19.
(199) Тамъ же, стр. 18.
(200) Тамъ же, стр. 17.

у Черпечьска и, опустошивъ страну, возвратились, забравъ болѣе въ плѣнъ безоружныхъ Ляховъ, чѣмъ ратныхъ (201). Доброе согласіе между Всеволодомъ и Владимiркомъ продолжалось недолго. «Въ 1144 г. — говоритъ лѣтопись (202), разсорились Всеволодъ съ Володимеркомъ за то, что сынъ перваго сѣлъ въ Володимери и почали искать винъ одинъ на другаго.» Всеволодъ пошелъ войною на *многоглаголиваго* Володимерка: въ войскѣ Всеволода находились: Игорь, Святославъ, Володимеръ Давидовичь, Вячеславъ Володимеровичь, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи, Святославъ Всеволодичь, Борисъ и Глѣбъ (сыновья Всеволодка Давидовича Городеньскаго), Ростиславъ Глѣбовичь и Володиславъ, Ляшской Князь; Всеволодъ послалъ Изяслава Давидовича привести вспомогательныхъ Половцевъ на Володимерка; любопытно знать чего отъ него требовалъ Всеволодъ? Ни волостей и ничего инаго кромѣ признанія своего старѣйшинства; крутой и гордый характеръ Володимерка менѣе всего могъ согласиться на это. Послушаемъ что говоритъ лѣтопись: «и волею нудили его (Князья) *пріѣхати къ Всеволоду поклониться ему, оному же того не хотящю ни слышати ниже* (ни) *видѣти.*» Володимерко призвалъ на помощь Венгровъ; къ нему пришелъ съ войскомъ Банъ, уй дядя по матери Короля Венгерскаго (Белы II Слѣпаго 1131—1141 г.) но эти Венгры—по выраженію лѣтописи — «*быша ему не на кую же пользу*» т. е. не принесли ему никакой существенной пользы. Всеволодъ съ Володимеркомъ сошлись у г. Теребовля; ихъ раздѣляла рѣка Серетъ; оба войска шли по противуположнымъ берегамъ въ продолженіи недѣли до Звенигорода; и на Рожни полѣ не могли сразиться, ибо Володимерко сталъ на Голыхъ горахъ; тутъ ко Всеволоду примкнулъ Изяславъ Давидовичь съ Половцами, взяв-

---

(201) Лаврент. л. стр. 135.

(202) Ипатьевская л. стр. 19, 20.

шій по дорогѣ два города Ушицу и Микулинъ. Всеволодъ двинулся къ Звенигороду и, спустившись съ горъ, сталъ по одной сторонѣ города; Володимерко расположился по другой сторонѣ города; оба войска отдѣлялись рѣкою Бѣлкою. Всеволодъ, починивъ гати или плотины, перешелъ на другой берегъ, вмѣсто того чтобы сразиться съ Володимеркомъ, занялъ Голыя горы и отрѣзалъ его отъ Галича и Перемышля; болота, находившіяся у подошвы горъ, не позволили Володимерку во время воспрепятствовать этому движенію Всеволода. Видя непріятелей у себя въ тылу, воины Володимерка упали духомъ и говорили между собою: «мы здѣсь стоимъ, а тамъ враги овладѣютъ нашими семействами.» Владимірко, видя себя побѣжденнымъ въ слѣдствіе одного искуснаго маневра Всеволода, смирился и послалъ сказать Игорю: «коли помиришь меня съ братомъ, то, по его смерти, я помогу тебѣ овладѣть Кіевомъ. Игорь повѣрилъ; онъ началъ просить усердно Всеволода за Владимірка и между прочимъ говорилъ: «вижу я, не хочешь ты мнѣ добра; зачѣмъ обѣщалъ ты мнѣ Кіевъ, а не стараешься пріобрѣтать мнѣ друзей и союзниковъ?» Всеволодъ послушалъ Игоря; въ тотъ же день къ вечеру заключилъ миръ. Володимерко выѣхалъ и поклонился Всеволоду; тотъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ другими князьями и получилъ отъ него въ уплату за военныя издержки 1400 гривенъ серебра; лѣтопись иронически говоритъ о поведеніи Володимерка: «*переди много глаголалъ, а послѣди много заплатилъ.*» Всеволодъ привѣтствовалъ его, помирился съ нимъ и сказалъ ему Евангельскими словами: «*се цѣлъ еси, къ тому не согрѣшай.*» Володимерко получилъ обратно Ушицу и Микулинъ, а Всеволодъ отправился въ Кіевъ раздѣливъ, полученныя отъ Володимерка, деньги между Князьями, сопровождавшими его въ семъ походѣ (203). Мы остановились на этомъ по-

---

(203) Онъ описанъ въ Лаврент. л. стр. 135—136, и въ Ипатьев. стр. 20.

ходѣ со всѣми его подробностями, потому что изъ него видно слѣдующее: 1. Володимерко находится въ союзѣ съ Венграми; мы ниже увидимъ, что онъ называлъ себя другомъ Белы Слѣпаго и хвалился передъ его сыномъ — Гейзою — услугами ему оказанными; въ послѣдствіи отношенія Володимерка къ Венгріи измѣнились и мѣсто пріязни заступила вражда; 2. Могущество Галицкой Руси было уже такъ велико, что Володимерко могъ дѣйствительно своимъ войскомъ утвердить Игоря Ольговича на Кіевскомъ княженіи; главною причиною этого могущества было единство Галицкой Руси, противуставленное дробленію Кіевской, гдѣ каждый сколько нибудь значительный городъ сдѣлался стольнымъ особеннаго княженія. Володимерко же хотѣлъ быть единодержавнымъ въ своей волости; потому съ одной стороны политика его клонилась къ тому, чтобы исключить своихъ родичей отъ малѣйшей части Галицкой Руси, а съ другой чтобы держать въ раздѣленіи и усобицахъ Князей Кіевскихъ; если въ послѣдней возникалъ Князь сильный умомъ, характеромъ и, особенно, обширными владѣніями, то Володимерко былъ ему непримиримымъ врагомъ; отсюда его долговременная вражда съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Изъ потомства Ростиславичей оставались только Володимерко и Иванъ Ростиславичь: по удаленіи Всеволода, мы находимъ послѣдняго въ Звенигородѣ Княземъ и такъ какъ лѣтопись именно говоритъ, что Володимерко княжилъ въ обоихъ волостяхъ: Перемышльской и Теребовльской, то вѣроятно Иванъ воспользовался смутнымъ положеніемъ дѣлъ во время войны Володимерка со Всеволодомъ и утвердился въ Звенигородѣ. Галичане, воспользовавшись отсутствіемъ Володимерка, отправившагося въ Тысмяницу на охоту, призвали къ себѣ Ивана. Володимерко, узнавъ о томъ, осадилъ съ дружиною Галичь, который упорно защищался три недѣли; однажды, во время вылазки, Ивана непріятели отрѣзали отъ города; не будучи въ состояніи войти въ Галичь, Иванъ Ростиславичь бѣжалъ къ Ду-

наю, а оттуда *полемъ* или степью ко Всеволоду въ Кіевъ. Галичь еще цѣлую недѣлю отбивался отъ Володимерка, наконецъ сдался; тогда Володимеръ «*вшедъ въ Галичь, многы люди изсѣче, а иныя показни казнью злою* (204).» По возвращеніи съ Галицкаго похода, Всеволодъ собралъ Князей и сказалъ имъ: «Володимеръ (Мономахъ) умирая оставилъ Кіевъ сыну своему Мстиславу, Мстиславъ отдалъ его брату Ярополку, а я по своемъ животѣ отдаю Кіевъ брату Игорю.» Князья ему не противорѣчили и цѣловали крестъ, что не будутъ искать Кіева подъ Игоремъ (205). Въ 1146 г. умеръ Всеволодъ Ольговичь; кончина его послужила сигналомъ продолжительныхъ усобицъ (206). Вся Русь раздѣлилась на два враждебные стана: съ одной стороны были: Изяславъ, княжившій въ Переяславлѣ и Володимерѣ; братъ его Ростиславъ, княжившій въ Смоленскѣ и чрезъ сыновей правившій Великимъ Новымгородомъ и Рязанскіе Князья, признавшіе старѣйшинство Ростислава (207). Сторону Изяслава Мстиславича держатъ еще: Венгры и Черные клобуки. Венгерскій Король Гейза былъ супругомъ Ефросиньи, сестры Изяслава; а Володимеръ, братъ Изяслава, былъ женатъ на дочери Бана. Отношенія Изяслава къ Венгерскому Королю были самыя родственныя и дружественныя; во взаимныхъ сношеніяхъ Изяславъ Короля называлъ *сыномъ*, а Король Изяслава *братомъ*. Венгерскій Король охотно помогалъ своему зятю войскомъ; такъ напр. Король говоритъ Володимеру Мстиславичу, отпущая его въ Русь: «отцу моему, а твоему «брату поклонись Изяславу и скажи ему отъ меня слѣду-

---

(204) Ипатьев. лѣтопись, стр. 20.

(205) Ипатьев. л. стр. 21.

(206) Княженіе Изяслава Мстиславича описано съ особенною подробностію и полнотою въ Ипатьевской лѣтописи, стр. 22—74. Въ Лаврентьевской стр. 146—146, содержатся только отрывочныя извѣстія.

« ющее: Греческій царь возстаетъ на меня ратью и ны-
« нѣшнею зимою и весною мнѣ нельзя самому сѣсть на
« коня и идти тебѣ на помощь, но какъ бы то ни было,
« отецъ мой, наши щиты не разлучны; хотя мнѣ самому
« и нельзя, а помощи коли хочешь десять ли тысячь, бо-
« лѣе ли, я тебѣ охотно пошлю, а если Богъ дастъ до-
« жить лѣта, то я весь въ твоей волѣ и тогда мы отмстимъ,
« какъ Богъ дастъ, нашу общую обиду (207).» Не менѣе
признателенъ и Изяславъ къ Королю; въ 1151 г., овла-
дѣвъ Кіевомъ съ помощью вспомогательной рати Венгровъ,
Изяславъ отправилъ ихъ во свояси, а въ слѣдъ за ними
отрядилъ сына своего Мстислава къ Королю съ слѣдую-
щими рѣчами (208): « ты мнѣ оказалъ такую услугу, ка-
« кую только можетъ оказать родной братъ брату своему
« или сынъ отцу, подавъ мнѣ помощь; за то, братъ мой,
« я тебѣ скажу; намъ дай Богъ нераздѣльнымъ быть съ
« тобою ни въ чемъ; если гдѣ твоя обида, а намъ дай
« Богъ тамъ и самимъ быть за твою обиду или же братья-
« ми своими, или сыновьями своими и полками сво-
« ими; намъ тебѣ нѣчемъ воздать за такое одолженіе
« развѣ главою своею; такъ ты съ нами хорошо посту-
« пилъ.» Венгры являются по словамъ нашей лѣтописи въ
видѣ несовсѣмъ похвальномъ; они храбры, но вмѣстѣ не-
воздержны и тщеславны, хвастливы до крайности. Мсти-
славъ Изяславичь повелъ на помощь отцу 10,000 Венгровъ
и остановился съ ними у Сапогыня, подлѣ Дорогобужа.
Князь этого города, Володимеръ Андреевичь, выслалъ имъ
много напитковъ. « Мстиславъ пировалъ съ Уграми и по-
вѣдалъ имъ: идетъ Володимеръ Галичьскій за нами. Угры
же пьяные величались и говорили: «пусть пріидетъ, мы

---

(207) Ипатьев. лѣтопись, стр. 53.
(208) Тамъ же, стр. 57—58.

съ нимъ будемъ биться. Мстиславъ на ту ночь разставилъ сторожей, а самъ легъ спать; Угры послѣдовали его примѣру; въ полночь прибѣжали ко Мстиславу сторожа говоря: Володимеръ приближается. Мстиславъ съ дружиною своею сѣлъ на коней и началъ будить Угровъ, а тѣ съ пьяна спали какъ мертвые; на разсвѣтѣ ударилъ на нихъ Володимеръ Галичьскій; немного Угровъ онъ взялъ въ плѣнъ, почти всѣ они были побиты, а Мстиславъ ушелъ въ Луческъ съ дружиною своею (209).» Черные Клобуки играютъ важную роль въ Княженіе Изяслава Мстиславича. По смерти Всеволода Ольговича въ Кіевѣ сѣлъ братъ его Игорь; Кіевляне его не любили и послали въ Переяславль сказать Изяславу: «пойди, Князь, къ намъ, мы хотимъ тебѣ повиноваться (210).» Изяславъ, собравъ воиновъ и взявъ благословеніе отъ Переяславскаго Епископа Евфимія, перешелъ Днѣпръ у Заруба: тутъ прислали къ нему Черные Клобуки и все Поросье и объявили ему: «ты нашъ князь, а Ольговичей не хотимъ.» Изяславъ самъ сознаетъ могущество Черныхъ Клобуковъ; на пути отъ Володимера къ Кіеву, преслѣдуемый Володимеркомъ Галицкимъ, онъ говоритъ дружинѣ: «поѣдемъ въ землю Черныхъ Клобуковъ; когда намъ удастся это и мы съ ними соединимся, то, надѣясь на Бога, не побоимся ни Юрія, ни Володиміра (211).» Изяславъ пользовался большимъ благорасположеніемъ Черныхъ Клобуковъ; когда онъ умеръ, то говоритъ лѣтописецъ (212) «возрыдала по немъ вся Руская земля и всѣ Черныи Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ, особенно же какъ по отцѣ.» Но тѣже Черные Клобуки не обинуясь говорятъ (213) Изяславу: «Князь!

---

(209) Ипатьев. л. стр. 65.
(210) Тамъ же, стр. 23.
(211) Тамъ же, стр, 55.
(212) Тамъ же, сгр. 74.
(223) Тамъ же, стр. 58.

сила его (Володимерка) велика, а у тебя мало дружины, смотри какъ бы онъ не перешелъ черезъ рѣку и не ударилъ на насъ, не погуби насъ, ни самъ не погибни; ты нашъ князь, если будешь силенъ, и мы тогда твои, а нынѣ время для тебя неблагопріятное, поѣди прочь.» Черные Клобуки есть названіе общее для Печенѣговъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Торковъ, жившихъ по берегамъ Роси, отчего они еще называются *Поршанами*. Это были обрусѣвшіе Половцы; сначала они жили въ вежахъ, потомъ на полѣ выстроили себѣ укрѣпленные городки и, выходя на войну, затворяли въ нихъ свои семейства. Въ послѣдствіи въ землѣ Черныхъ Клобуковъ явились города: *Торческъ*, Корсунь, Богуславль, Черкасы и др. Въ Торческѣ княжилъ сначала Всеволодъ Юрьевичь съ братомъ Михалкомъ, а потомъ Ростиславъ Рюриковичь, зять Всеволода. Слѣдующее мѣсто лѣтописи (214), относящееся къ Княженію Изяслава Мстиславича, можетъ дать болѣе полное понятіе о Черныхъ Клобукахъ: Вячеславъ и Мстиславичи хотѣли немедленно дать битву Юрію, Черные Клобуки совѣтовали подождать и говорили Князьямъ: «останьтесь въ Кіевѣ, приставьте къ намъ, брата вашего, Володимера (Мстиславича) и мы поѣдемъ къ своимъ вежамъ; забравъ же съ собою вежи, семейства, стада и все наше имущество, пріѣдемъ въ Кіевъ и либо защитимъ честь вашу, либо головы свои за васъ тутъ сложимъ.» Князья согласились съ мнѣніемъ Черныхъ Клобуковъ, и отправили брата своего Володимера за вежами съ Коуями, Торками, Берендѣями и Печенѣгами.... И Володимеръ въ то время пришелъ со всѣми Черными Клобуками, и съ вежами, и со стадами, и со скотами ихъ; число Черныхъ Клобуковъ было велико, но и вредъ, ими причиненный, немаловаженъ; они ограбили монастыри, пожгли

---

(214) Ипатьев. л. стр. 60.
(215) Лаврент. л. стран. 67.

села, потравили огороды и проч. Отсюда видно, что союзъ Черныхъ Клобуковъ съ ихъ противуобщественными привычками не былъ безъ вреда для юныхъ Южно-Русскихъ Государствъ. Черные Клобуки были съ другой стороны очень полезны нашимъ Князьямъ въ войнахъ съ Половцами, знакомые и съ ихъ привычками и нравами и съ образомъ веденія войны. Князь Юрій Володимеровичь однажды приказалъ Чернымъ Клобукамъ выдать ему, захваченныхъ ими въ плѣнъ, Половцевъ. Черные Клобуки на отрѣзъ отказались, говоря: «мы умираемъ за Русскую землю и головы свои кладемъ за твою честь.» Черные Клобуки иногда роднились съ Половцами и тогда происходили слѣдующіе случаи: Князь говоритъ имъ: «поѣдемъ на Половцевъ, что за Днѣпромъ,» и получаетъ въ отвѣтъ: «нельзя, то наши сваты» (216). Противъ Изяслава Мстиславича были Ольговичи, дядя его Юрій Владиміровичь, Галицкій Князь Володимерко и Полоцкіе Князья, назвавшіе Святослава Ольговича себѣ отцемъ. Если на сторонѣ Изяслава были Черные Клобуки, то за Ольговичей и Юрія были *дикіе* Половцы. Сколько въ Южной Руси любили храбраго, пылкаго Изяслава, столько чувствовали отвращенія отъ Юрія. Кіевляне говорятъ Изяславу и брату его Ростиславу: «вы знаете, что намъ съ вашимъ дядею не ужиться, гдѣ увидимъ ваши знамена, тамъ и сами будемъ» (217). Эта ненависть къ Юрію сильнѣе всего сказалась по его кончинѣ (218): «и много зла створилось въ тотъ день; граждане Кіевскіе разграбили дворъ его Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ, что онъ самъ прозвалъ *раемъ* и третій дворъ Василька Юрьевича. Избивали Суздальцевъ по городамъ и по селамъ и имущества ихъ грабили.» Впро-

---

(216) Ипатьев. л. стр. 141.
(217) Тамъ же, стр. 44.
(218) Тамъ же, стр. 81.

чемъ народъ чтилъ въ Юрьи Мономахову кровь; энергически выразилъ онъ къ ней привязанность и презрѣніе къ Ольговичамъ словами: (219) «Князь ты на насъ не гнѣвайся, не можемъ на Володимерово племя поднять руки; а на Ольговичей готовы идти хотя и съ дѣтьми.» Это презрѣніе скоро перешло въ совершенную ненависть. Кіевляне, идучи на убійство несчастнаго Игоря Ольговича, говорятъ (220) Володимеру Мстиславичу старавшемуся удержать ихъ отъ преступленія: «мы вѣдаемъ, что не кончить добромъ съ тѣмъ племенемъ (Ольговичей) ни вамъ, ни намъ коли любо.» Не любимый народомъ Южной Руси — Юрій Володимеровичь не уживался и съ ея Князьями. Изяславъ Мстиславичь говоритъ (221) Ростиславу Юрьевичу: «всѣхъ насъ старѣе отецъ твой, *но съ нами не умѣетъ жить*, а мнѣ дай Богъ васъ братьевъ моихъ всѣхъ и весь родъ свой имѣть въ правду, какъ свою душу.» Столь довѣрчивый, Изяславъ скоро потомъ этого же самаго Ростислава съ бесчестіемъ прогналъ къ отцу. Совершенная противуположность видна въ характерѣ Юрія; медлительный, нерѣшительный, осторожный въ высшей степени, онъ вселялъ недовѣрчивость къ себѣ въ самыхъ лучшихъ своихъ друзьяхъ. Изяславъ Мстиславичь и Давидовичи прислали къ Святославу Ольговичу узнать, за нихъ ли онъ будетъ стоять или за Юрья. Святославъ отправилъ къ нему посла спросить: «въ правду ли идешь? если такъ, то ты мнѣ объяви, «дабы не погубить волости моей, и не подвергнуть меня «отвѣту.» Потомъ Святославъ, не получая никакого извѣстія отъ Юрія, послалъ вторично спросить его: «въ правду ли идешь на Изяслава (222)?» Замѣчателенъ отвѣтъ Юрія, исполненный чувствомъ оскорбленнаго достоинства, вы-

---

(219) Ипатьев. л. стр. 31.
(220) Тамъ же, стр. 33.
(221) Тамъ же, стр. 39.
(222) Тамъ же, стр. 41.

ведшимъ его изъ бездѣйствія и придавшимъ энергію: «какъ же мнѣ не въ правду идти? Племянникъ мой, Изяславъ, пришедши на меня, волость мою опустошилъ и пожегъ, а сверхъ того и сына моего выгналъ изъ Русской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на меня возложилъ; а я либо соромъ сложу, и за землю свою отмщу, либо честь свою защищу, либо голову свою сложу (223).» Въ эту минуту Юрій былъ истинно Южно-Русскимъ княземъ, но необходимо было Изяславу слишкомъ ужъ сильно оскорбить его самолюбіе, чтобы вывести его изъ медлительности. Всего болѣе боится Юрій рѣшительныхъ сраженій; къ нимъ его должно было вынуждать; обыкновенно же онъ надѣется устрашить Изяслава числомъ войска; цѣлой мѣсяцъ напр. Юрій стоялъ у Чернигова, «*ожидая отъ Изяслава покорности*,» такъ мало зналъ онъ Изяслава! Узнавъ о приближеніи Юрія, Изяславъ говоритъ Кіевлянамъ (224): «пріиди онъ ко мнѣ одинъ съ дѣтьми, то какая бы ему волость ни понравилась, ту я бы ему и отдалъ; но такъ какъ онъ привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то я хочу сразиться.» Кіевляне сказали Князю: «мирись, князь, мы не пойдемъ.» Требованія Юрья умѣренны; онъ говоритъ Изяславу: «дай мнѣ Переяславль, я въ немъ посажу сына, а ты себѣ царствуй въ Кіевѣ.» Изяславъ на все отвѣчалъ: «я добылъ съ опасностью жизни Кіевъ и Переяславль (225).» Любопытна роль, какую играетъ Володимерко Галицкій въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юрьемъ; онъ врагъ перваго потому, что Изяславъ—Князь Володимерскій. Володимерко былъ въ родствѣ съ Юрьемъ, дочь котораго была за сыномъ его — Ярославомъ, но не родственныя связи дѣйствовали на Володимер-

---

(223) Ипатьев. л. стр. 42.

(224) Тамъ же, стр. 43.

(225) Тамъ же, стр. 43.

ка, а преимущественно желаніе пріобрѣсть господствующее вліяніе на судьбу Южной Руси; это ему удалось вполнѣ: для этого онъ, то навязывается въ миротворцы Князьямъ (226), то кстати является съ многочисленною ратью, чтобы мечемъ разрубить Гордіевъ узелъ Княжескихъ распрей. Въ 1150 г. Володимерко выгналъ Изяслава изъ Кіева одною многочисленностію своего войска; при этомъ случаѣ обозначился въ высшей степени осторожный характеръ Володимерка; видя собственными глазами бѣгство Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, онъ еще говоритъ: *«это хитрость; вѣрно тутъ* гдѣ нибудь въ горахъ находится *Изяславъ съ полками своими* (227).» Володимерко, хотя и неохотно, отдаетъ справедливость мужеству и ловкости Изяслава и недоволенъ нерѣшительностью Юрья; Володимерко говорилъ Андрею Юрьевичу и Володимеру Андреевичу: «что это за княженіе свата моего, что рать на него изъ Володимера идетъ, а онъ того и не вѣдаетъ? ты сынъ его сидишь въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлѣгородѣ и какъ вамъ было того не устеречь? и сказалъ съ гнѣвомъ къ Андрею Юрьевичу: если такъ княжите съ своимъ отцемъ, такъ управляйте сами, а я немогу пойти на Изяслава одинъ; Изяславъ хотѣлъ вчера со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачивался, ловя биться со мною, а нынѣ когда онъ въѣхалъ во всю Русскую землю, я не могу одинъ на него поѣхать—и сказавъ то, возвратился въ Галичь (228).» Володимерко пользовался худою славою въ Южной Руси; его не любили и боялись: *«Кіевляне, же опасаясь Володимера Галицкаго, ввели въ Кіевъ Князя Юрія* (229).» И не безъ основанія была эта всеобщая нелюбовь ко Володимерку, потому что этотъ любостяжательный Князь

(226) Ипатьев. л. стр. 47.
(227) Тамъ же, стр. 51.
(228) Тамъ же, стр. 56.
(229) Тамъ же, стр. 52.

вездѣ умѣлъ извлечь свою выгоду, такъ напр. идя по Русской землѣ онъ говорилъ жителямъ г. Мичьска: «дайте мнѣ серебра сколько я у васъ потребую; если же нѣтъ, то я возьму васъ на щитъ (т. е. городъ разграблю, а жителей уведу въ полонъ). Они же не имѣли ему дать, сколько онъ отъ нихъ хотѣлъ, и вынимая серебряныя серги изъ ушей и ожерелья или гривны съ шеи, сливали серебро и отдавали Володимеру. Володимеръ же, взявъ серебро, пошелъ; такъ же точно онъ бралъ серебро по всѣмъ городамъ, до своей земли» (230). Другъ и союзникъ Юрья, Володимерко не хотѣлъ чтобы онъ очень усилился; цѣль его была ссорить Южно-Русскихъ Князей и въ мутной водѣ ловить рыбу. И такъ когда Юрій, занявъ Кіевъ, намѣревался отнять у Изяслава Володимерьское Княженіе, Володимерко не хотѣлъ допустить до рѣшительной битвы между враждующими сторонами, потому что рѣшительное торжество той или другой изъ нихъ равно было бы ему непріятно; ему хотѣлось ослабить обѣ и усилиться на счетъ ихъ. Поведеніе Володимера въ этомъ случаѣ оправдываетъ какъ нельзя болѣе названіе *«многоглаголиваго;»* и въ то время говоритъ лѣтопись (231) «Володимеръ двинулся изъ Галича съ полками своими и пришедъ сталъ на Полоной межь Володимеромъ и Лученскомъ и такимъ образомъ раздѣлилъ обѣ враждующія стороны. Добрый Князь Володимеръ, братолюбіемъ свѣтяся, миролюбіемъ величаяся, не желалъ никому зла, для того сталъ межь ими, что хотѣлъ уладить ихъ между собою: такимъ образомъ нельзя было Изяславу пойдти на Вячеслава и на Юрія чтобы дать имъ битву.... Князь же Галицкой Володимеръ безпрестанно ссылался съ Вячеславомъ, съ Юріемъ и съ Изяславомъ, ладя ихъ.» Тутъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Володимерка

---

(230) Ипатьев. л. стр. 56.
(231) Тамъ же, стр. 47—48.

слова примиренія, дышащія истиннымъ чувствомъ и Христіанскою нравственностью; къ сожалѣнію все это было притворство. Волынь, во время борьбы Изяслава со Мстиславомъ раздѣлилась еще на нѣсколько частей: особые Княжескіе столы возникли въ городахъ: Туровѣ, Бѣлгородѣ, Пересопницѣ, Дорогобужи, Луческѣ, Котелничѣ (къ этой волости принадлежали еще города Божьскій, Межибожье и иные два города) (232). При такомъ дробленіи Володимерко успѣлъ мало по малу присвоить себѣ нѣсколько Русскихъ городовъ и расширить свою волость насчетъ Волыни; онъ занялъ города: Прилуку, Бужескъ, Тихомль, Выгошевъ, Шюмескъ, Гнойницы и др. (233) Володимерко болѣе всего опасался единства и согласія между собою Русскихъ Князей; худо пришлось ему, когда Изяславъ помирился съ Вячеславомъ, выгналъ Юрія послѣ сраженія на р. Рутѣ изъ Южной Руси, смирилъ Ольговичей и, заодно съ Венграми, мстившими Галицкому Князю за избіеніе ихъ соотечественниковъ у Сапогыня, пошелъ на Володимерка (234). Опасность для послѣдняго была велика; Изяславъ искалъ совершенной его гибели и раздѣленія владѣній. Разбитый подъ Перемышлемъ соединенными силами Венгерскими и Русскими, Володимерко, осажденный въ Перемышлѣ, прикинулся больнымъ, раненнымъ смертельно, богато одарилъ всѣхъ окружавшихъ Короля, послалъ къ нему съ словами униженія и просилъ о помилованіи, напоминая ему заслуги, оказанные имъ отцу его въ походѣ на Ляховъ, и умоляя не выдавать Изяславу. Хитрый Володимерко дѣйствовалъ искусно; онъ старался во чтобы то ни стало отвлечь Короля отъ Изяслава и потому не щадилъ для перваго обѣщаній, вручалъ ему по своей смерти, ко-

---

(232) Ипатьев. л. стр. 39.
(233) Тамъ же, стр. 69.
(234) Тамъ же, стр. 66—69.

торую онъ выставлялъ неминуемою, сына своего и весь Галичь и успѣлъ наконецъ достигнуть цѣли. Надѣясь по смерти Володимерка имѣть въ сынѣ его Ярославѣ своего вассала, Король не чувствовалъ болѣе охоты завоевать Галичь для Изяслава, который въ такомъ случаѣ сталъ бы слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ для Венгріи. Изяславъ, лучше Короля знавшій свойства Володимерка, съ большою неохотою согласился на миръ съ нимъ, подъ условіемъ возвратить всѣ занятые имъ Русскіе города. Володимерко цѣловалъ крестъ въ исполненіи сего мира; еще Изяславъ не успѣлъ воротиться въ Кіевъ, какъ Володимерко нарушилъ свое слово и, услышавъ, что Юрій, сватъ его, хочетъ идти въ Русь, пошелъ къ Кіеву изъ Галича, но возвратился опять туда, когда Изяславъ выступилъ къ нему на встрѣчу (235). Когда Изяславъ прислалъ въ Галичь своего придворнаго, Петра Бориславича, въ послѣдній разъ требовать возвращенія городовъ и, въ случаѣ отказа, возвратить Галицкому князю грамоты крестныя; непреклонный Володимерко отвѣчалъ послу словами неумолимой мести: «скажи Изяславу, «ты засталъ меня въ расплохъ и привелъ на меня Коро-«ля; знай же, что или голову сложу или отмщу за себя (236).» Скоропостижная смерть сразила Володимерка; это былъ мужъ выше своего времени; онъ презрѣлъ всѣ родовыя отношенія и стремился къ усиленію собственнаго могущества; владѣя сильнымъ даромъ слова, умомъ гибкимъ и находчивымъ, Володимерко съ необыкновеннымъ умѣніемъ велъ себя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, его окружавшихъ, и достигъ высокой степени силы: онъ могъ располагать столомъ Кіевскимъ, могъ бы самъ сѣсть на немъ, но не хотѣлъ того, нелюбя безпокойнаго характера жителей Южной Руси, гдѣ Князья были только вож-

---

(235) Ипатьев. л. стр. 69.
(236) Тамъ же, стр. 72.

дями дружины, и мирными судьями. Володимерко же хотѣлъ быть Государемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Сынъ его—Ярославъ наслѣдовалъ политику отца; ни шага земли своей волости не хотѣлъ онъ возвратить Изяславу и думалъ удовольствовать его словами притворной покорности. При Володимеркѣ Галичь наслаждался постоянно глубокимъ внутреннимъ спокойствіемъ; крамолы боярскіе еще не обнаружились. Володимерка любили бояре, они говорили его сыну, Ярославу, угрожаемому нападеніемъ Изяслава (237): «ты молодъ, удались въ сторону и оттуда смотри на бой; «мы помнимъ какъ *отецъ твой кормилъ и любилъ насъ*, а «хотимъ *за отца* твоего честь и за твою головы своя положить; ты вѣдь у насъ Князь одинъ, если съ тобою что «случится, то что намъ дѣлать?» Кровопролитная битва у Теребовля, въ которой побѣда осталась нерѣшенною, отбила у Изяслава охоту домогаться завоеванія Галича; онъ возвратился домой безъ успѣха, оставивъ жителей Галицкой земли въ великомъ горѣ, а особенно родственниковъ многочисленныхъ плѣнниковъ избитыхъ имъ безжалостно на полѣ сраженія (238). Ольговичи держались стороны Юрія; Святославъ Ольговичь былъ непримиримымъ врагомъ Изяслава Мстиславича, котораго онъ винилъ въ убіеніи брата своего—Игоря. Сынъ Всеволода Ольговича Святославъ, по отцу племянникъ Святослава Ольговича, а по матери Изяслава Мстиславича держался то той, то другой стороны. Давыдовичи, хотя и согласились было со Святославомъ на убіеніе Изяслава, но постоянно въ послѣдствіи были на сторонѣ Изяслава; Володимеръ Давидовичь убитъ въ сраженіи при р. Рутѣ, а братъ его Изяславъ при помощи Мстиславичей получилъ Черниговъ, служившій въ послѣдствіи яблокомъ раздора между нимъ и Святославомъ. Жал-

---

(237) Ипатьев. л. стр. 73.
(238) Тамъ же, стр. 74.

ка роль Вячеслава Володимеровича; онъ служилъ игралищемъ той и другой стороны, пока наконецъ Изяславъ не помирился съ нимъ и не сталъ княжить отъ его имени въ Кіевѣ. Вячеславъ былъ добраго и кроткаго характера; его и любили, но не уважали; лѣтопись говоритъ (239): «Князь Вячеславъ былъ незлобивъ сердцемъ,» а въ другомъ мѣстѣ: «Кіевляне же сказали Изяславу (240): ты нашь Князь, хотя Вячеславъ и сидитъ нынѣ въ Кіевѣ, но мы его не хотимъ;» бояре Юрьевы говорили ему (241): «не давай Кіева Вячеславу; онъ его не удержитъ и Кіевъ не достанется ни тебѣ ни ему.» Вячеславъ разсказываетъ намъ самъ поведеніе съ нимъ Юрія и Изяслава; онъ велитъ предъ сраженіемъ при р. Рутѣ послу своему сказать отъ его имени Юрью слѣдующее (242): «братъ! я тебѣ и Изяславу, обоимъ вамъ, постоянно говорилъ, не проливайте крови христіанской, не губите Русской земли; воздерживая васъ отъ кровопролитія я незаботился о себѣ, что вы меня переобидили, и дважды безчестье на меня положили; а я самъ полки имѣю, и силу имѣю и Богъ мнѣ далъ ее; но я Русскія ради земли и христьянъ ради, того всего не помянулъ, да и еще то вамъ объявилъ, что Изяславъ отправляясь сражаться съ Игоремъ, такъ молвилъ: я Кіева не себѣ ищу, но вотъ отецъ мой Вячеславъ братъ старшій, тому я его ищу—такъ онъ говорилъ собираясь въ походъ, а когда Богъ ему помогъ, то онъ не только Кіевъ себѣ присвоилъ, но и Туровъ и Пинескъ у меня отнялъ; тѣмъ ты Изяславъ меня пріобидѣлъ; а ты, братъ Юрій, приближаясь къ Переяславлю и готовясь съ Изяславомъ биться, такъ же говорилъ: я Кіева не себѣ ищу; вотъ у меня братъ

---

(239) Ипатьев. л. стр. 48.
(240) Тамъ же, стр. 49.
(241) Тамъ же, стр. 48.
(242) Тамъ же, стр. 60—61.

старшій Вячеславъ, онъ мнѣ вмѣсто отца, тому его ищу; а когда Богъ тебѣ помогъ, то ты Кіевъ оставилъ за собою и сверхъ того еще Пересопницу и Дорогобужь у меня отнялъ, такимъ образомъ ты обидѣвъ меня, далъ мнѣ одинъ Вышегородъ; я же того всего не правилъ, Рускія ради земли и христіянъ ради, да и я васъ воздерживалъ отъ междуусобій, а вы меня не слушали и, не исполнивъ данного вами слова, согрѣшили не противъ меня одного, но и противъ Бога; теперь я тебѣ объявляю: не могу я поклониться младшему брату; Изяславъ, хотя и дважды отступилъ отъ слова своего, но нынѣ, добывъ Кіева, поклонился мнѣ и честь на мнѣ положилъ, и въ Кіевѣ меня посадилъ, и отцемъ меня назвалъ, а я его своимъ сыномъ; если ты скажешь: младшему не поклонюсь, то знай, братъ, что я тебя старѣе не мало, но много, я былъ уже бородатъ, когда ты только что ты родился; если же ты хочешь оспаривать оружіемъ мое старѣйшиньство, какъ ты уже началъ, то пусть Богъ насъ разсудитъ.»—Сколько Изяславу Мстиславичу оказали важныя услуги Черные Клобуки, столько Юрію и Ольговичамъ были полезны *дикіе* Половцы. Самъ Юрій женатъ былъ на Половецкой Княжнѣ (243), и у Святослава Ольговича были родственники въ землѣ Половецкой (пришли къ нему говоритъ лѣтопись послы изъ Половецкой земли отъ *дядей его*) (244). Отсюда тѣсная связь того и другаго съ Половцами, которые учавствовали во всѣхъ ихъ походахъ; удаленіе Половцевъ лишало Юрья возможности дѣйствовать. Въ 1152 г. Юрій пошелъ въ Южную Русь на Изяслава, соединился со Всеволодомъ Ольговичемъ; къ нимъ пришла вся Половецкая земля. Соединенными силами Князья осадили Черниговъ, гдѣ заперся Изяславъ Давидовичь. Изяславъ Мстиславичь

(243) Лаврентьев. л. стр. 120.
(244) Ипатьев. л. стр. 30.

поспѣшилъ ему на помощь; испугавшись многочисленности его войска, « Половцы *начали уходить во свояси ; Князья же, видя что Половцы идутъ прочь, пошли отъ Чернигова, отступили за Свинь, а потомъ за Сновъ* (245).» Юрій удалился въ Суздаль, предоставивъ Святослава Ольговича мести Изяслава. Это было послѣднее покушеніе Юрья на Южную Русь при жизни Изяслава; въ 1154 г. Изяславъ скончался.

(245) Ипатьев. л. стр. 70.

ГЛАВА IV.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ДО СМЕРТИ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА ГАЛИЦКАГО (*).

Услыхавъ о кончинѣ Изяслава Мстиславича, Изяславъ Давидовичь поспѣшилъ къ Кіеву, но Вячеславъ не впустилъ его туда, а призвалъ къ себѣ Святослава Всеволодича. Тогда Святославъ Ольговичь и Изяславъ Давидовичь послали въ Суждаль за Юрьемъ (246). Когда Ростиславъ пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Смоленьска, то Вячеславъ и Кіевляне посадили его здѣсь княземъ; Святославу Всеволодовичу Ростиславъ далъ города Туровъ и Пинескъ. Юрій, собираясь идти въ походъ въ Южную Русь, велѣлъ сыну Глѣбу идти къ Половцамъ и съ ними приступить къ Переяславлю, гдѣ княжилъ Мстиславъ Изяславичь; Ростиславъ отправилъ на помощь послѣднему сына Святослава съ дружиною. Глѣбъ отступилъ съ Половцами и пошелъ на помощь Изяславу Давидовичу, котораго Ростиславъ рѣшился прежде прибытія Юрія или выгнать или смирить. Скоропостижная смерть Вячеслава отняла у Ростислава право княжить его именемъ

(*) Источники и пособія тѣже что и для предъидущей главы.

(246) Ипатьев. л. стр. 74—75; Лаврент. л. стр. 147.

въ Кіевѣ; тѣмъ не менѣе Ростиславъ пошелъ на Изяслава и, устрашившись множества Половцовъ, приведенныхъ ему на помощь Глѣбомъ, началъ ссылаться съ Изяславомъ Давидовичемъ, уступая ему Кіевъ и Переяславль; узнавъ о томъ, Мстиславъ сказалъ: «такъ пусть же не будетъ ни ему Кіева, ни мнѣ Переяславля» и удалился въ Луцкъ; Ростиславъ бѣжалъ въ Смоленскъ; войско того и другаго осталось на жертву Половцамъ. Тяжко — говоритъ лѣтопись — было тогда Кіевлянамъ, не осталось у нихъ Князя; они послали Демьяна, Каневскаго Епископа, къ Изяславу, прося его быть ихъ княземъ, «*да не возьмутъ насъ Половцы*» (247). Изяславъ вошелъ въ Кіевъ, а въ Переяславлѣ посадилъ Глѣба Юрьевича; между тѣмъ Юрій двинулся въ Русь, примирился съ Ростиславомъ Смоленскимъ и требовалъ, чтобы Изяславъ оставилъ Кіевъ. Самъ призвавъ Юрія, Изяславъ повиновался противъ воли и въ душѣ питалъ скрытую злобу Юрія; сѣвъ на столѣ Кіевскомъ, Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ: Андрея посадилъ въ Вышегородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславли, а Васильку далъ Поросье (248). Чтобы княжить спокойно въ Кіевѣ, Юрью должно было смирить двухъ главныхъ враговъ: Изяслава Черниговскаго и Мстислава Изяславича; противу послѣдняго Юрій послалъ Ярослава Галицкаго и Юрья Ярославича, внука Святополка Изяславича; они выгнали Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ и осадили этотъ городъ, гдѣ находился Ярославъ Изяславичь, а Мстиславъ удалился въ землю Ляховъ; осада Луцка была безуспѣшна. Юрій, при посредствѣ Ростислава Смоленскаго, помирился съ Изяславичами. Изяславъ Давидовичь Черниговскій смирился, видя себя оставленнымъ союзниками, а Юрій тѣмъ охотнѣе принялъ изъявленіе его покорности,

(247) Лаврент. л. стр. 147—148., Ипатьев. л. стр. 75—77.
(248) Ипатьев. л. стр. 77. Лаврент. л. стр. 148.

что не могъ уже надѣяться на своихъ бывшихъ союзниковъ—дикихъ Половцевъ; Юрій женилъ сына Глѣба на дочери Изяслава Давидовича. Между Сѣверскими Князьями возникли въ это время несогласія, и, какъ обыкновенно, за волости: Изяславъ Давидовичь княжилъ въ Черниговѣ, а Святославъ Ольговичь въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ; племянники ихъ: Святославъ Володимеричь и Святославъ Всеволодовичь безпокоили дядей и требовали себѣ владѣній (249). Не менѣе хлопотъ было Володимеру Мстиславичу, зятю Короля Венгерскаго, съ племянникомъ Мстиславомъ Изяславичемъ; неожиданно Мстиславъ Изяславичь нагрянулъ на г. Володимерь, захватилъ семейство дяди, ограбилъ его дружину, отослалъ все это въ Луцкъ, а самъ сѣлъ княжить въ Володимери (250). Володимеръ Мстиславичь бѣжалъ сначала въ Перемышль, потомъ въ Угорскую землю. Юрій не располагалъ оставить Мстислава на Володимерскомъ столѣ и хотѣлъ посадить на немъ Володимера Андрѣевича, отецъ котораго Андрей, сынъ Мономаховъ, княжилъ сначала въ Володимери, а потомъ въ Переяславлѣ. Юрій съ Ярославомъ Галицкимъ осадили Мстислава въ Володимери; въ войскѣ Юрья не было ни Святослава Ольговича, ни Изяслава Давидовича; послушавъ совѣта Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ съ собою въ походъ ни того ни другаго, подозрѣвая ихъ желаніе утвердиться въ Волынской землѣ. Подъ стѣнами Володимера къ Юрію пришелъ Володимеръ Мстиславичь; такимъ образомъ въ станѣ Юрія находились разомъ *три* претендента на Володимерское княженіе (два Володимера, одинъ Андрѣевичь, другой—Мстиславичь и, сынъ Ярославца, Юрій), *четвертый* —Мстиславъ былъ заключенъ въ Володимери, и онъ отси-

---

(249) Ипатьев. л. стр. 70.

(250) Ипатьев. л. стр. 79.

дѣлся тамъ, а союзники отступили безъ успѣха (251). Володимеру Андреевичу Юрій далъ Дорогобужъ, Пересопницу и Погорынскіе города, а Юрью Ярославичу — Пинскъ. Изяславъ Давидовичь помирился съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ и сговорился съ ними за одно идти на Юрія; Мстиславъ пошелъ изъ Володимеря къ Кіеву, а Изяславъ съ Романомъ Ростиславичемъ готовился выступить туда же изъ Чернигова (252); вдругъ Кіевляне присылаютъ ему сказать, что Юрій умеръ и призываютъ его къ себѣ на княженіе (253). Изяславъ 19 Мая 1158 г. въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ, племянника, Святослава Володимерича; но Святославъ Ольговичь со Святославомъ Всеволодовичемъ пришелъ къ городу. Изяславъ съ полками и съ Мстиславомъ Изяславичемъ поспѣшилъ изъ Кіева; онъ предоставилъ Ольговичу Черниговъ съ нѣсколькими городами, а остальную часть области удержалъ за собою. Князья уступили Всеволодичу — Новгородъ Сѣверской. Володимеръ Мстиславичь не имѣлъ волости; Изяславъ искалъ для него Турова, гдѣ тогда княжилъ Юрій Ярославичь; въ войскѣ Изяслава находились, кромѣ претендента, Ярославъ Луцкій, Ярополкъ Андреевичь, Рюрикъ Ростиславичь и Галицкая вспомогательная дружина, союзники безъ успѣха осаждали Туровъ въ продолженіи 10 недѣль (254). Изяславъ Давидовичь нашелъ себѣ скоро опаснаго врага въ Ярославѣ Галицкомъ; мы видѣли, что у Ростислава Володаревича остался сынъ Иванъ; онъ, гонимый дядею Володимеркомъ, бѣжалъ къ Всеволоду Ольговичу; по смерти его состоялъ сначала въ службѣ брата его Святослава, потомъ Ростислава Смолен-

---

(251) Лавр. л. стр. 148.
(252) Ипатьев. л. стр. 81.
(253) Ипатьев. л. стр. 81.
(254) Тамъ же, стр. 82.

скаго (255); въ 1157 г. мы находимъ его въ станѣ Юрья Володимерича, Ярославъ Галицкій, зять послѣдняго, былъ ему вѣрнымъ союзникомъ вовсе не по родственной связи, а потому, что у Юрія было въ рукахъ вѣрное средство ему повредить, возвративъ свободу Ивану Ростиславичу. Задушевнымъ желаніемъ Ярослава было освободиться отъ этого соперника; ему удалось было склонить Юрья на выдачу несчастнаго, но духовенство представило съ такою силою всю низость подобнаго поступка, что успѣло ему воспрепятствовать (256). Люди, присланные Ярославомъ за Иваномъ Ростиславичемъ, возвратились безъ успѣха и Юрій отправилъ его назадъ въ Суздаль. Изяславъ же Давидовичь захватилъ его въ свои руки (257); держа въ своей власти Ивана, Изяславъ могъ располагать по произволу силами Ярослава и нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство наиболѣе содѣйствовало къ утвержденію Изяслава на Кіевскомъ столѣ; только доброе согласіе его съ Ярославомъ Галицкимъ продлилось недолго; Ярославъ домогался выдачи Ивана Ростиславича и дѣйствовалъ такъ искусно, что умѣлъ заинтерессовать въ свою пользу не только всѣхъ Русскихъ Князей, но и Ляшскаго и Венгерскаго Короля. Послы ихъ и Ярославли явились въ Кіевъ и требовали выдачи Ивана Ростиславича. Какъ же поступилъ Изяславъ Давидовичь? «*Изяславъ переспорилъ ихъ всѣхъ и, отвѣтъ имъ давъ, отпустилъ ихъ* (258).» Разгнѣвать отказомъ Ярослава Галицкаго стоило не только княженія Изяславу Кіевскому, но и жизни. Иванъ Ростиславичь бѣжалъ отъ Изяслава въ землю Половецкую и съ Половцами сталъ въ Подунайскихъ городахъ, захватилъ 2 корабля со множествомъ товаровъ и вредилъ Галицкимъ рыболовамъ; сюда

---

(255) Ипатьев. л. стр. 28.
(256) Тамъ же, стр. 80—81.
(257) Тамъ же, стр. 81.
(258) Тамъ же, стр. 83.

пришло къ нему много Половцевъ и 6000 Берладниковъ; съ ними Иванъ взялъ Кучелмину, гдѣ жители приняли его съ радостію и пошелъ къ Ушицѣ, куда Ярославъ успѣлъ уже ввести *засаду* (гарнизонъ): поселяне или *смерды* такъ любили Ивана и такъ ненавидѣли Ярослава, что бѣжали къ первому толпами; Половцы уже готовы были взять городъ, но Иванъ, щадя жителей, воспрепятствовалъ имъ и былъ за то оставленъ Половцами, которые оказывали помощь всякому, но подъ условіемъ грабить безнаказанно. *Изяславъ Давидовичь послалъ по Ивана и привелъ его въ Кіевъ* (259). Ярославъ Галицкій со всѣми Волынскими князьями, находившимися почти въ его власти, готовился идти туда же на Изяслава, тѣмъ болѣе, что тотъ не въ большемъ согласіи жилъ съ Святославомъ Ольговичемъ, негодовавшимъ на него за то, что Изяславъ уступилъ ему не всю Черниговскую область, а часть ея удержалъ за собою. Изяславъ склонилъ было на свою сторону Святослава Ольговича, уступивъ ему еще два города; но когда Изяславъ располагалъ самъ идти на Галичь и предупредить замыслы Ярослава, то Святославъ Ольговичь отказался принять участіе въ походѣ и благоразумно рѣшился не держаться ни одной изъ враждующихъ сторонъ. Изяславъ съ помощью Половцевъ, которыхъ пришло къ нему болѣе 20,000, надѣялся безъ труда занять Галичь; жители этого города увѣрили Ивана Ростиславича, что стоитъ ему только явиться въ ихъ области, и они всѣ примутъ его сторону; но измѣна Черныхъ Клобуковъ въ рѣшительную минуту дала иной оборотъ дѣлу. Изяславъ, покореніемъ Галича въ мысляхъ считавшій себя сильнѣйшимъ Русскимъ Княземъ и грозившій Святославу Ольговичу такъ: «да будетъ тебѣ извѣстно, братъ, что если мнѣ Богъ дастъ успѣю овладѣть Галичемъ, то тогда не жалуйся на меня, когда начнешь попользыва-

---

(259) Ипатьев. л. стр. 84.

ти изъ Чернигова къ Новугороду (260),» лишился всего и не зналъ гдѣ приклонить голову; съ шайками Половцевъ онъ старался вредить своимъ врагамъ, особенно Святославу Ольговичу, показалъ необыкновенныя мужество и постоянство, усиливаясь снова овладѣть Кіевомъ. Князья просили его успокоиться и отказаться отъ Кіева; что же отвѣчаетъ имъ Изяславъ? «Братья моя воротившися пойдутъ каждый «въ волость свою, а мнѣ куда воротиться? въ Половецкую «землю не могу идти, и въ Вырн не могу голодомъ мерети, «а лучше хочу здѣсь окончить свою жизнь (261).» Глубокое горе слышится въ этихъ словахъ и вмѣстѣ осужденіе тому времени, когда Князья непремѣнно должны были быть начальниками дружины, когда обязанность защищать отечество отъ враговъ внѣшнихъ обратилась въ молодечество, въ наѣздничество, когда Князья не стыдились ни клятвопреступленій, ни союза съ Половцами, чтобы добыть себѣ волость; Князь безъ волости и дружины по понятіямъ того времени не былъ Княземъ; всѣ отношенія многочисленныхъ Князей, едва уже помнившихъ свое общее происхожденіе, основывались на томъ, что одни хотѣли удержать за собою захваченныя ими право ли, криво ли волости, а другіе домогались добыть себѣ ихъ; явился особый терминъ, свойственный только тому времени и его понятіямъ; *волоститься* значило тягаться о волостяхъ. Князь Кіевскій, старѣйшина Княжескаго роду, на которомъ лежала обязанность надѣлять родичей волостьми, дошелъ до того, что ему надѣлять стало нечѣмъ; не Князь Кіевскій сажалъ уже по городамъ родичей, но могущественные родичи сажали на Кіевскій столъ не рѣдко младшаго изъ среды себя съ тѣмъ, чтобы онъ заранѣе оставилъ за ними спокойное обладаніе ихъ прежними волостями, или надѣ-

---

(260) Ипатьев. лѣтопись, стр. 84.
(261) Тамъ же, стр. 90.

лилъ ихъ новыми, отнятыми у другихъ (262); надѣливъ однихъ родичей, старѣйшина рода вооружалъ противъ себя другихъ, считавшихъ себя обиженными; тѣ въ свою очередь выставляли своего Великаго Князя, который былъ имъ всѣмъ обязанъ и отъ нихъ вполнѣ зависѣлъ; оттого явилось разомъ нѣсколько Великихъ Князей. Сколько благородныхъ силъ безъ пользы пропадало въ этомъ омутѣ смятеній за волости! Сколько энергіи было истощено на жалкія усилія овладѣть ничтожнымъ городишкомъ! Сколько злодѣяній тайно и явно совершенныхъ въ этой борьбѣ, гдѣ Князь видѣлъ въ Князѣ не родича, но соперника! Зло часъ отъ часу становилось ощутительнѣе; при патріархальномъ еще состояніи тогдашняго Русскаго общества всѣ отношенія основывались не на письменномъ правѣ, но на обычаѣ, на силѣ привычки, на уваженіи къ старинѣ. Уваженіе къ старѣйшинѣ рода обуздывало волю младшихъ Князей, но когда однажды это уваженіе было утрачено, когда оно замѣнилось презрѣніемъ, всякой порядокъ въ обществѣ разстроивался; старые обычаи не имѣли уже силы, новыя отношенія еще не развились; открылось господство произвола, меча, силы физической. Къ исходу XII вѣка Южная Русь была ничѣмъ не лучше Половцевъ, между которыми, мимоходомъ замѣтить, въ это время начало утверждаться Христіанство. Князья идутъ въ землю Половецкую не за славою, а для добычи! Они подозрѣваютъ Мстислава Изяславича въ утайкѣ части добычи и этого ничтожнаго обстоятельства было достаточно, чтобы вооружить всѣхъ противъ Мстислава и лишить его Кіева, а Мстиславъ вполнѣ заслуживалъ этого своими насильственными поступками.

---

(262) На такихъ условіяхъ Мстиславъ Изяславичь и другіе младшіе Князья, по изгнаніи изъ Кіева Изяслава Давидовича, посадили тамъ Ростислава Мстиславича.

Послушаемъ лѣтописца: (263) «Володимеръ Мстиславичь пустилъ мать свою, вдову Мстислава, въ Угорскую землю, къ Королю, зятю своему, Король же далъ много имѣнія тещи своей.... Мстиславъ Изяславичь поѣхалъ «*изъѣздомъ*» на дядю своего на Володимера къ Володимерю, взялъ жену и мать его и, посадивъ ихъ па возы, отправилъ ихъ въ Луческъ, дядя его Володимеръ убѣжалъ въ Перемышль; Мстиславъ дружину его ограбилъ и весь обозъ, и все имѣніе, которое принесла изъ Угорской земли вдова Мстислава, отнялъ.» Послушаемъ еще (264) исповѣдь Князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря, плѣненнаго Половцами, исповѣдь, которую лѣтописецъ думалъ ему отнести въ похвалу: «помянулъ я грѣхи мои предъ Господомъ Богомъ моимъ, и то, что я много убійства, кровопролитья сотворилъ въ землѣ Христіанской, ибо я не пощадилъ Христіанъ, но взялъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда не мало зла потерпѣли невинные Христіане; отцы были разлучаемы отъ дѣтей своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ мужей своихъ, и дочери отъ матерей своихъ, и подруга отъ подруги своей и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею; живые мертвымъ завидуютъ, а мертвые радовалися, что какъ мученики святые огнемъ отъ грѣховъ жизни сея очищеніе получили, старцы были умерщвляемы, юноши же лютыя и немилостивыя раны получили; мужи пресѣкаемы и разсѣкаемы бываютъ, жены же оскверняемы.» Могли ли Татаре и язычникъ Батый поступить чѣмъ либо хуже несчастнаго Игоря? Вотъ еще описаніе взятія Кіева Мстиславомъ Андреевичемъ (265): «Взятъ былъ Кіевъ мѣсяца Марта въ 8 день, и грабили въ

(263) Ипатьев. л. стр. 79.
(264) Тамъ же, стр. 131.
(265) Тамъ же, стр. 100.

продолженіи 2 дней весь градъ, Подолье и Гору и монастыри, и Софью, и Десятинную церковь Богородицы: и не было помилованія никому же ни откуда; церкви пылали, жители одни были убиваемы, другіе взяты въ плѣнъ, жены ведомы были въ плѣнъ, разлучаемы насильно отъ мужей своихъ, младенцы рыдали не видя матерей своихъ; и взяли имѣнья множество и церькви ограбили, обобрали иконы и книги и ризы, и колокола вынесли всѣ—Смолняне и Суждалцы и Черниговцы и Олгова дружина и вся святыня взята была; зажженъ былъ и монастырь Печерьскій отъ поганыхъ.... И было тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стенаніе и туга и скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя.» Конечно человѣкъ всегда одинъ и тотъ же и иногда видимое благоустройство прикрываетъ внутренній безпорядокъ; но въ Южной Руси зло перешло мѣру и разрушило самыя общественныя связи; невоздѣланныя поля, города сожженные Половцами и Князьями, наглая дружина, угнѣтенные смерды (поселяне) — вотъ характеръ Южной Руси въ концѣ XII вѣка. Были люди, но ни общества, ни Государства не было: нужна была внѣшняя сила, чтобы создать то и другое. Чтобы дать вѣрное понятіе о состояніи Руси того времени приведемъ опять буквально слова лѣтописца (266): «въ лѣто 6711 (1203), мѣсяца Генваря во 2 день взятъ былъ Кіевъ Рюрикомъ (Ростиславичемъ) и Ольговичами и всею Половецькою землею. И великое зло постигло Русскую землю, зло какого еще не бывало надъ Кіевомъ отъ крещенья, напасти были и взятья, но все было не такое зло, какое случилось нынѣ, не только непріятели Подолье взяли и сожгли, но и Гору взяли и пожгли и Митрополичью церковь святой Софьи разграбили и Десятинную церковь Святой Богородицы

---

(266) Лаврент. л. стр. 176.

разграбили и монастыри всѣ, и иконы ободрали, а иныя унесли съ собою и кресты честные и сосуды священные, и книги, и одежды древнихъ блаженныхъ князей — то все положили себѣ въ полонъ.» Конечно и Монголы, кажется, ничего не могли сдѣлать ужаснѣе: послѣ этого не вѣроятно, чтобы въ 1240 г. Кіевъ могъ прельщать глаза даже и Татаръ! Предсказаніе, вложенное лѣтописцемъ въ уста умирающему Ярославу, сбывалось: «если будете другъ «друга ненавидѣть, жить въ распряхъ и междуусобіяхъ, то «погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ (267).» Читая въ лѣтописи одно описаніе внутреннихъ несогласій Князей, ихъ усобицъ за волости, походовъ на Половцевъ и набѣговъ Половецкихъ, невольно возникаетъ въ головѣ вопросъ, неужели только этими признаками сказывалась вся общественная дѣятельность, вся умственная жизнь Руси? Истина заключается въ томъ, что лѣтопись по внутреннему содержанію своему не представляетъ ничего кромѣ кровопролитныхъ усобицъ. Дѣйствительно жизнь Южной Руси представляла *только* вышеупомянутыя явленія. Человѣкъ уже такъ устроенъ, что, безъ вліянія Божественной благодати, его добродѣтели легко переходятъ въ крайности и слѣд. въ злѣйшіе пороки: вѣра обрядная въ суевѣріе, мужество въ наглость и дерзость и т. д. Только истинная, ясно сознанная, вѣра можетъ давать, постоянно вѣрное истинѣ, направленіе нашимъ склонностямъ. Русь всегда была болѣе склонна къ жизни дѣйствительной, чѣмъ къ отвлеченной жизни умственной: эта потребность дѣятельности, это стремленіе развить всѣ свои силы было полезно, пока обращено было на внѣшнихъ ея враговъ, но по мѣрѣ ихъ покорности этотъ избытокъ силъ, который въ то время не могъ принять ни промышленнаго, ни умственнаго на-

(267) Лаврент. л. стр. 69.

правленія, произвелъ внутреннее броженіе, послѣдствія котораго мы видѣли выше. Торговая дѣятельность была весьма значительна при первыхъ Князьяхъ Руси; Кіевъ частью своего политическаго значенія обязанъ былъ выгодной торговлѣ съ Греціею; въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками находимъ нѣкоторыя распоряженія касательно этой торговли (268). Новгородъ еще за долго до заведенія Нѣмецкихъ поселеній въ нынѣшней Ливоніи велъ значительную торговлю съ Даніею (269) и другими заБалтійскими странами; потому Русь изобиловала произведеніями чужихъ земель; о нихъ упоминается въ лѣтописи по случаю даровъ одного Князя другому, напр. (270): Изяславъ далъ дары Ростиславу, что идутъ отъ Русскихъ земель и отъ всѣхъ царьскихъ (т. е. Греческихъ) земель, а Ростиславъ далъ дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель и отъ Варяговъ. Въ другомъ мѣстѣ (271) именно исчисляется, въ чемъ состояли эти дары: «тогда же Ростиславъ позвалъ Святослава къ себѣ на обѣдъ; князья дарили другъ друга: Ростиславъ одарилъ Святослава собольми, и горностайми, и черными кунами, и песцами и бѣлыми волками и рыбьими зубами; а на другой день позвалъ Святославъ Ростислава къ себѣ на обѣдъ и тутъ они были веселы болѣе чѣмъ наканунѣ; Святославъ далъ Ростиславу пардуса и двухъ коней борзыхъ съ коваными сѣдлами.» Главный торгъ Руси, мы уже видѣли, былъ съ Греціею, но и онъ много терпѣлъ отъ хищническихъ наклонностей младшихъ Князей: «въ тоже лѣто (1084) Давидъ захватилъ Греческихъ купцевъ въ Олешьи и отнялъ у нихъ имѣнье (272).

---

(268) Лаврент. л. стр. 13 и 21.
(270) Новогород. первая лѣтоп. стр. 6.
(270) Ипатьевская л. стр. 39.
(271) Тамъ же, стр. 86.
(272) Лаврент. л. стр. 88.

Иванъ же (Берладникъ) тогда (1159) овладѣлъ двумя судами и взялъ въ нихъ много товара (273)....» Но наибольшій вредъ торговлѣ Руси съ Греками причиняли Половцы; они обыкновенно ждали купцевъ у пороговъ и тутъ ихъ грабили (274): «Половцы увѣдавъ то, что князья (1167) не въ любви другъ съ другомъ живутъ, пошедши къ порогамъ начали вредить купцамъ торгующимъ съ Греціею и послалъ Ростиславъ Володислава Ляха съ воинами и тотъ проводилъ Греческихъ купцевъ. Въ лѣто 1179-ое вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу благую мысль о Русской землѣ, ибо онъ хотѣлъ ей добра всѣмъ сердцемъ; созвавъ Князей, онъ началъ совѣтоваться съ ними, и говорилъ имъ такъ: братья! пожалѣйте о Русской землѣ, а о своей вотчинѣ и дѣдинѣ, что Половцы влекутъ Христіянъ на всякое лѣто въ свои вѣжи, а заключая съ нами клятвенные договоры всегда ихъ нарушаютъ; *вотъ они у насъ уже и Греческій путь отнимаютъ, и Соляной и Залозной....* (275) И началъ молвить Мстиславъ братьи своей: Половцы все таки по прежнему будутъ вредить Гречнику нашему и Залознику; намъ нужно выйдти на встрѣчу Греч. купцамъ. И люба была рѣчь всѣмъ Князьямъ, и сказали Мстиславу братья: «тако буди, *то есть намъ на часть и всѣй Рускѣй земли* (276).» (т. е. пусть такъ и будетъ; отъ Греческой торговли зависятъ выгоды и наши и всей Русской земли). Торговля, какъ изъ этого мѣста видѣть можно, составляла отрасль Княжескаго дохода; Андрей далъ церквѣ Боголюбской *торгъ десятый* (277). Русь вела торговлю и съ Половецкою землею и, что всего удивительнѣе, она

---

(273) Ипатьев. л. стр. 83.
(274) Тамъ же, стр. 93.
(275) Тамъ же, стр. 97.
(276) Тамъ же, стр. 98.
(277) Ипат. л. стр. 82. Лаврент. л. стр. 149.

продолжалась не смотря на военныя дѣйствія: захвативъ Игоря въ плѣнъ и его дружину, Половцы безпрепятственно пропускаютъ купцевъ (278): «тѣмъ путемъ шли купцы; они же (Половцы) говорили имъ: скажите своимъ, чтобы они несли выкупъ за плѣнныхъ, а не то мы пойдемъ къ вамъ за своими плѣнными»; въ другомъ мѣстѣ (279) купцы сказываютъ Русскимъ, гдѣ они найдутъ Половцевъ: «Когда Русскіе полки пошли впередъ, то встрѣтили купцевъ шедшихъ изъ земли Половецкой, и купцы повѣдали Русскимъ, что Половцы стоятъ на Хоролѣ.» О внутренней торговлѣ Руси того времени, знаемъ только, что она была довольно значительна хлѣбомъ и солью. Къ Новогородцамъ хлѣбъ шелъ изъ Ростовской и Суздальской области (280). Дикіе Ятвяги просятъ князя Галицкаго — Даніила Романовича — чтобы онъ пускалъ хлѣбъ въ ихъ область (281). Великій Князь Святополкъ Михаилъ не пренебрегалъ принимать участіе въ торговлѣ солью, которую купцы привозили изъ Галича и Перемышля (282). Повѣствуя о наводненіи 1164 г., лѣтописецъ говоритъ: «вода разлилась изъ Днѣстра и поняла большое пространство земли.... Она потопила человѣкъ болѣе 300, *которые пошли съ солью* изъ Удеча (283).» Въ слѣдствіе торговой дѣятельности деньги не были рѣдкостью въ древней Руси; въ этомъ случаѣ Галичь былъ самою богатою ея областью: Володимерко заплатилъ 1,400 гривенъ Всеволоду Ольговичу (284), а сынъ его Ярославъ 3,000 гривенъ вспомога-

(278) Лаврент. л. стр. 168.
(279) Ипатьев. л. стр. 129.
(280) Новогород. первая лѣтопись, стр. 10. и мн. др.
(281) Ипатьев. л. стр. 207.
(282) Карамзина, И. Г. Р. т. II. стр. 144. (изд. Слепина)
(283) Ипатьев. л. стр. 92.
(284) Ипатьев. л. стр. 20; по Лаврент. л. стр. 136: 1,200 гривенъ.

тельной дружинѣ Ляховъ (285). Впрочемъ встрѣчаются значительныя суммы и при описаніи событій остальной Руси. Глѣбъ Всеславичь, Князь Полоцкій, подарилъ Печерскому монастырю 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; вдова его, дочь Ярополка Изяславича, пожертвовала туда же 100 гривенъ серебра и 50 золота (286). Иванъ Берладникъ, оставляя службу Святослава Ольговича, взялъ съ него 200 гривенъ серебра и 12 золота (287). Половецкіе набѣги и усобицы князей имѣли слѣдствіемъ опустошеніе земель: «весною лишь только поселянинъ начнетъ пахать, Половчинъ, наѣхавъ неожиданно, поразитъ поселянина стрѣлою и уведетъ лошадь и жену его и дѣтей его, а гумно зажжетъ (288)....» Святославъ Ольговичь, жалуясь на Изяслава Давидовича, говоритъ: «я ему охотно уступалъ.... взялъ Черниговъ съ 7 *городами пустыми;* то были: «Моровіескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нихъ жи-«вутъ псари да Половцы (289)....» Князь Переяславскій, Володимеръ Глѣбовичь, просясь у старѣйшихъ Князей, чтобы они позволили ему ѣхать въ переднихъ рядахъ на Половцевъ, говоритъ: «волость моя *опустѣла* отъ набѣговъ Половецкихъ (290)» Южная Русь никогда не была очень многолюдна: Св. Владиміръ въ войнахъ съ Половцами ѣдетъ собирать воиновъ въ *верьхнихъ земляхъ* (291). Ярославъ, сынъ его, населилъ берега Роси плѣнными Ляхами (292); Василько Ростиславичь хотѣлъ поселить въ своей землѣ Дунайскихъ Болгаръ (293); Князья Южной

---

(285) Ипат. л. стр. 108.
(286) Тамъ же, стр. 82.
(287) Тамъ же, стр. 28.
(288) Тамъ же, стр. 1.
(289) Тамъ же, стр. 84.
(290) Тамъ же, стр. 134.
(291) Лаврент. л. стр. 54.
(292) Тамъ же, стр. 65.
(293) Лаврент. л. стр. 113.

Руси въ своихъ походахъ па Ляховъ, выводили изъ ихъ земли много плѣнныхъ (294); но особенно значительную часть народонаселенія Южной Руси составляли Коуи, Торки, Печенѣги и Берендѣи; всѣ они извѣстны подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасъ; они жили преимущественно по берегамъ Роси, но и вокругъ Чернигова жили *Коуи Черниговскіе* (295). Да и отношенія Половцевъ вовсе не были постоянно враждебны къ Руси; не только народной ненависти тутъ не было, но между обоими народами существовали родственные союзы: сынъ Игоря Святославича, захваченнаго Половцами въ смѣломъ набѣгѣ на ихъ землю — Володимеръ женился на приведенной имъ въ Русь, дочери Половецкаго Князя Кончака (296). Половцы охотно переселялись въ Русь, чтобы служить въ дружинахъ нашихъ Князей; Игорь бѣжалъ изъ плѣна съ помощью Половца Лавора, который и самъ сопровождалъ его въ Русь (297). Но вотъ любопытный случай, показывающій, что и Русскіе переселялись въ землю Половецкую: «къ Изяславу пришелъ сильный вспомогательный «отрядъ Половцевъ къ Бѣлугороду; то былъ Башкордъ съ «20 тысячами чел., отчимъ Святослава Володимерича: *ибо «мать послѣдняго бѣжала въ Половецкую землю и вышла «тамъ за мужъ за Башкорда* (298).» Половцы были вспомогательною дружиною нашихъ Князей въ ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ воинахъ: съ Андреемъ Боголюбскимъ они воевали Низовыхъ Болгаръ (299), съ Василькомъ Теребовльскимъ — землю Ляховъ (300), со Всеволодомъ Ольго-

---

(294) Тамъ же, стр. 133.
(295) Ипатьев. л. стр. 130 и др.
(296) Тамъ же, стр. 136.
(297) Тамъ же, стр. 133.
(298) Тамъ же, стр. 85.
(299) Лаврент. л. стр. 155 и 164.
(300) Лаврент. л. стр. 92.

вичемъ — Галичь (301); не было столь отдаленнаго угла Руси, гдѣ они не побывали бы или какъ союзники или какъ враги, но и какъ союзники они были не менѣе опасны и вредны. Олегъ Святославичь съ помощію отряда Половцевъ отнялъ у Владиміра Мономаха Черниговъ (302): «Половцы же начали опустошать окрестности Чернигова; Олегъ въ томъ имъ не препятствовалъ, ибо самъ повелѣлъ имъ воевать.» Съ помощью Половцевъ Глѣбъ Юрьевичь занялъ Переяславль, но они продолжали свирѣпствовать около города: «тутъ много зла надѣлали Половцы около Переяславля; они пожгли всѣ окрестныя села и Летьскую *божницу* Святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба зажгли (303).» Впрочемъ и Князья въ образѣ веденія войны не уступали Половцамъ; мы видѣли уже двукратное взятіе Кіева, гдѣ самая святыня не была пощажена (304); вотъ еще нѣсколько примѣровъ; самъ Владиміръ Мономахъ разсказываетъ въ своемъ *поученіи* (305): «и на ту осень пошли мы съ Черниговцами и съ Половцами, съ Читѣевичами, къ Мѣньску, напали на городъ неожиданно и *не оставили въ немъ ни челядина, ни скотины.*» Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Дружина же Всеволодова начала Князю жаловаться: мы не цѣловать ихъ пріѣхали. И то сказавъ сѣли на коней и взяли городъ, мужчинъ повязали, женъ и дѣтей взяли на щитъ и имущество ихъ все ограбили, а городъ сожгли весь (306).» Не всегда и клятвенное обѣщаніе пощадить осажденныхъ было исполняемо: «жители города Изяславля сдались сказавъ Вячеславу: поклянись намъ Богомъ, что ты насъ не отдашь на щитъ; но при наступленіи вечера воины

---

(301) Тамъ же, стр. 135; Ипатьев. л. стр. 21.
(302) Тамъ же, стр. 96.
(303) Тамъ же, стр. 147.
(304) Тамъ же, стр. 151 и 176.
(305) Тамъ же, стр. 103.
(306) Тамъ же, стр. 163.

взяли городъ приступомъ и едва Князья защитили отъ разграбленія имущество Княгини дочери Мстислава и то силою отъ своихъ собственныхъ воиновъ (307).» Жестокость образа веденія войны простиралась до того, что Князья не рѣдко избивали плѣнныхъ, если число ихъ было довольно велико, чтобы возбудить ихъ опасенія: «Изяславъ захватилъ въ плѣнъ Галичанъ и было у него множество колодниковъ. На ту же ночь Изяславъ почувствовалъ страхъ, ибо число колодниковъ превышало число его дружины; онъ повелѣлъ плѣнныхъ Галичанъ связанныхъ предать смерти; только пощадилъ знатныхъ и взялъ ихъ съ собою и былъ великой плачь по всей земли Галицкой (308).» А въ другомъ мѣстѣ: «Дружина Княжеская встрѣтила отрядъ Половцевъ силою въ 300 чел., и, напавъ на него не ожиданно, большую часть избила, а иныхъ захватила въ плѣнъ. И начали наши спрашивать живыхъ плѣнныхъ: много ли вашихъ назади? Они же отвѣчали: много ихъ, будетъ около 7 тысячь. Наши слыша то подумали: если мы оставимъ этимъ жизнь, то Половцевъ много назади, а насъ мало; если мы начнемъ съ ними биться, то намъ плѣнные будутъ первые враги; сказавъ то наши *избили ихъ всѣхъ не пощадивъ ни одного человѣка* (309).» Половцы, воюя за нашихъ Князей и подъ ихъ начальствомъ, имѣли право грабить непріятельскую область и захватывать жителей ея въ плѣнъ; это служило имъ въ родѣ платы. «Тутъ Половцы захватили бѣгущаго Святослава Всеволодовича; Изяславъ же Давидовичь съ женою своею выручили Святослава отъ Половцевъ и иныхъ людей Русской дружины многихъ выкупили, а другихъ облагодѣтельствовали; если кто изъ плѣнныхъ отъ Половцевъ уходилъ въ городъ,

---

(307) Лаврентьев. л. стр. 131.
(308) Ипатьев. л. стр. 74.
(309) Тамъ же, стр. 104.

то тѣхъ не выдавали (310).» Кромѣ того Половцы получали отъ того Князя, которому служили, дары: « въ тоже время Святославъ отпустилъ воиновъ своихъ въ Половецкую землю, давъ имъ много даровъ (311).» А въ другомъ мѣстѣ: «смирився съ Половцами и подаривъ ихъ поѣхалъ отъ нихъ (Глѣбъ Юрьевичь) (312).» Половцы дѣлились на нѣсколько главныхъ поколѣній; въ нашей лѣтописи встрѣчаются: Токсобичи, Оперлюеве, Читѣевичи, Вобурчевичи, Улашевичи (313). « Послалъ Святославъ къ Рюрику сказать (1192 г.): «вотъ ты помирился съ Половцами съ *Лукоморьскими*, а нынѣ пошлемъ по *Половцевъ по всѣхъ*, по *Бурчевича*, и послалъ Рюрикъ по *Лукоморскихъ Половцевъ*, по Акуша, по Итоглыя, а Святославъ по *Бурчевича*, по *Осалука* и по *Изая*....» Нѣкоторые изъ Половцевъ въ это время были уже крещены; по крайней мѣрѣ между ними встрѣчаются такіе, которые носятъ Христіанскія имена; лѣтопись говоритъ: «и тутъ (1183 г.) взяли наши Кобяка Карлыевича съ двумя его сыновьями.... *Данила* и Съдвака Кулобичскаго (314).» Въ землѣ Половецкой было нѣсколько городовъ: «двинулись Русскіе къ *Сугрову* (315) и пришли они къ городамъ *Осеневу* и *Сугрову* (316).» Половцы были управляемы множествомъ Князей; Владиміръ Мономахъ говоритъ въ *поученіи* (317): «я освободилъ изъ оковъ много знатныхъ Половецкихъ князей, а именно Шаруканов 2 братьевъ, Багубарсовыхъ 3, Овчинъ четырехъ братьевъ, и всѣхъ вообще иныхъ знатныхъ князей до 100 чел.; а

(310) Ипатьев. л. стр. 76.
(311) Тамъ же, стр. 29.
(312) Тамъ же, стр. 103.
(313) Тамъ же, стр. 142.
(314) Тамъ же, стр. 128.
(315) Тамъ же, стр. 2.
(316) Лаврент. л. стр. 128, упоминаетъ о 3 городахъ Половецкихъ: Галинѣ, Чешюевѣ и Сугровѣ.
(317) Лаврент л. стр. 104.

слѣдующихъ Князей Богъ отдалъ въ мою власть живыхъ: Коксуся съ сыномъ, Аклапа, Бурчевича, Таревьского Князя, Азгулуя и иныхъ молодыхъ *кметій* (т. е. помѣщиковъ)—15; захвативъ ихъ живыми, я ихъ предалъ смерти и тѣлами ихъ наполнилъ рѣчку Славлію; въ разное время избито около 200 въ то время знатнѣйшихъ.» Въ другомъ мѣстѣ: «и убили тутъ (1103 г.) въ сраженіи 20 князей Половецкихъ: Урусобу, Кчія, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочихъ князей ихъ, а Белдюзя захватили живаго (318)» Половцы изобиловали скотомъ, лошадьми, верблюдами, но имѣли и золото и серебро: «и началъ Белдюзь давать за себя въ выкупъ много *золота*, и *серебра*, и *коней* и *скота* (319); «тогда *скота* нашимъ досталось въ избыткѣ и *овецъ*, и *коней* и *верблюдовъ* и *вежи* или кибитки со всѣмъ ихъ имуществомъ и рабами.» Котянъ съ Князьями Половецкими пришелъ въ Галичь съ поклономъ къ князю Мстиславу, своему зятю и ко всѣмъ Князьямъ Русскимъ и дары принесъ многіе: *коней*, *верблюдовъ*, и *буйволовъ* и *невольницъ* (321).» Когда Половцы приходили войною на землю Русскую, то они поступали такъ, какъ хищники Горцы на Линіи: угоняли скотъ, уносили съ собою все что могли, прочее жгли, а жителей уводили въ полонъ; Половцы убивали только тѣхъ, кто сопротивлялся; безъ нужды же они не убивали, потому что плѣнникъ для нихъ былъ добычею: они брали за него выкупъ или мѣнялись за своихъ соотечественниковъ. О состояніи гражданственности Половцевъ лѣтопись сообщаетъ любопытныя извѣстія по случаю пораженія ими Игоря Святославича (322): на полѣ битвы его захватилъ

---

(318) Лаврент. л. стр. 119.
(319) Тамъ же, стр. 119.
(320) Ипатьевская лѣтопись, стр. 2, 98, 99, 150 и мн. др.
(321) Троицкая лѣтопись, стр. 217.
(322) Ипатьев. л. стр. 121—133.

въ плѣнъ Половчинъ Чилбукъ изъ племени *Тарголове;* Кончакъ, сватъ Игоря, немедленно поручился по немъ и взялъ его къ себѣ въ домъ, потому что Игорь былъ раненъ. Игоря Половцы содержали пристойно, сообразно его достоинству: «Половцы—говоритъ лѣтопись—какъ бы стыдились имѣя въ плѣну столь знатнаго человѣка и не дѣлали ему никакого вреда, но приставили къ нему 15 сторожей изъ сыновей своихъ, да дѣтей знатныхъ людей пять, и всего 20 человѣкъ; воли его не стѣсняли; гдѣ хотѣлъ, тамъ онъ и ѣздилъ и ястребомъ ловилъ птицъ, а своихъ слугъ съ нимъ ѣздило 5 или 6 человѣкъ; сторожа же тѣ слушались Игоря, и чествли его и, куда бы онъ ни посылалъ кого изъ нихъ, безъ противорѣчія творили повелѣнное имъ. Игорь и попа было привелъ изъ Руси къ себѣ со святою службою, который и находился при немъ (323).» Князья не рѣдко ссылались съ Половцами: Юрій послалъ къ нимъ сына своего Глѣба, чтобы вести ихъ къ Переяславлю; вотъ и другой примѣръ: «Ярославъ же послалъ къ нимъ своего придворнаго: Ольстина Олексича.... Князь же Ярославъ Черниговскій не пошелъ со Святославомъ на землю Половецкую, и говорилъ въ свое оправданіе такъ: я послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, и не могу на своего мужа идти войною (324).» Въ послѣдствіи Половцы заключали съ сосѣдними Русскими Князьями мирные договоры или *ряды;* вотъ любопытный случай (325): «Когда Глѣбъ Юрьевичь началъ княжить въ Кіевѣ, въ первое лѣто пришло множество Половцевъ, раздѣлившися на двое; одни пошли къ Переяславлю и остановились у Песочна, а другіе пошли по той сторонѣ Днѣпра къ Кіеву, остановились у Корсуня и прислали тѣ и другіе къ Глѣбу

---

(323) Ипатьев. л. стр. 133.
(324) Тамъ же, стр. 124.
(325) Тамъ же, стр. 103.

сказать: «Богъ и Князь Андрей посадили тебя на отчинѣ твоей и на дѣдинѣ въ Кіевѣ; мы хотимъ заключить съ тобою мирный договоръ, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ клятвами, да и мы не будемъ бояться васъ, ни вы насъ.» Обыкновенно Половцы ѣздили на встрѣчу нашимъ князьямъ для переговоровъ, но разъ они вздумали требовать, чтобы князья ѣхали въ ихъ землю: «Бурчевичи пріѣхали по той сторонѣ Днѣпра, насупротивъ Канева и не ѣхали на эту сторону, но говорили Святославу и Рюрику: если вамъ любо, ѣдите къ намъ на сію сторону; Князья же сдумавши сказали имъ: ни дѣды наши, ни отцы наши не ѣздили на встрѣчу вамъ; если вамъ угодно—пріѣзжайте къ намъ, а если нѣтъ, то ваша воля. И Бурчевичи — не поѣхали (326)....» Лукоморскіе Половцы кочевали по берегамъ Азовскаго моря, возлѣ устьевъ Дона; одно изъ главныхъ становищъ ихъ, гдѣ они держали и плѣннаго Игоря, находилось въ нынѣшней Харьковской Губерніи на берегахъ р. Тора (327), отсюда ихъ вежи тянулись и за рѣку Осколъ (328). Сильно тѣснимые Русскими Князьями, они удалялись за Донъ въ степи Кавказской Губерніи и, по минованіи неблагопріятнаго для нихъ времени, возвращались оттуда; лѣтопись говоритъ (329): «Мономахъ погубилъ поганыхъ Измаильтянъ называемыхъ Половцами, изгналъ Отрока во Обезы, за желѣзныя врата; *Серчанъ же остался у Дону*, и ожилъ рыбою (это значитъ вѣроятно, что онъ кормился рыбною ловлею); тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, занявъ всю землю Половецкую и изгнавъ окаянныхъ Агарянъ. По смерти же Володимеровой у Серьчана оставался одинъ *гудецъ* (или пѣвецъ)

---

(326) Ипатьев. л. стр. 142.
(327) Тамъ же, стр. 133.
(328) Тамъ же, стр. 130.
(329) Тамъ же, стр. 155.

и Серчанъ послалъ его во Обезы къ Ореви сказать: Володимеръ скончался, воротись братъ, пойди въ землю свою: передавъ ему мои рѣчи, спой ему пѣсни Половецкія; если же онъ не захочетъ, дай ему понюхать зелья, именемъ *евшанъ*. Оревъ сначала не хотѣлъ возвратиться, ни послушать Серчана и тогда посланный далъ ему зелье; Оревъ же понюхавъ его заплакалъ и сказалъ: *лучше на своей землѣ костьми лечь, нежели на чюжѣ славнымъ быть.* И пришелъ Оревъ въ свою землю; отъ него родился Кончакъ, который опустошилъ берега Сулы, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечахъ.» Здѣсь, за исключеніемъ обстоятельствъ вымышленныхъ, разсказывается обыкновенная исторія, повторявшаяся нѣсколько разъ; лѣтопись наша приписываетъ изгнаніе Половцевъ за Донъ, Волгу и Яикъ не только Володиміру Мономаху, но и сыну его Мстиславу (330), и внуку Всеволоду Юрьевичу (331); тѣмъ не менѣе, послѣ всякаго изгнанія, Половцы возвращаются еще съ новыми силами, еще грознѣе прежняго. Русскіе Князья, ведя переговоры между собою, отправляли другъ къ другу пословъ; эти послы были нерѣдко священники: «это не ложь, а правда—говорятъ бояре (332), что Романъ Ростиславичь посылаетъ изъ Смоленьска своего попа къ Изяславу съ такими рѣчами....»; но чаще люди свѣтскіе; Святославъ Ольговичь оставилъ у Давидовичей посломъ Коснятка (333); Изяславъ Мстиславичь послалъ къ Володимерку Галицкому мужа своего Петра Бориславича; послы были на содержаніи тѣхъ, къ кому были посыланы и лѣтопись упоминаетъ какъ о нарушеніи народнаго права о томъ, что: «не дали Петру Бориславичу ни повоза, ни корма; и Петръ долженъ

---

(330) Ипатьев. л. стр. 15.
(331) Лаврент. л. стр. 167.
(332) Ипатьев. л. стр. 89.
(333) Тамъ же, стр. 25.

былъ поѣхать на своихъ коняхъ (334).» Впрочемъ пословъ не рѣдко задерживали, что совершенно противно нынѣшнему образу мыслей объ этомъ предметѣ; такъ Всеволодъ Юрьевичь задержалъ посла Святослава Всеволодовича, присланнаго къ нему съ предложеніемъ дать битву (335). Всеволодъ Ольговичь задержалъ въ Кіевѣ пословъ Новогородскихъ, пришедшихъ просить себѣ княземъ сына его (336).

Возвратимся теперь къ разсказу событій, послѣдовавшихъ за изгнаніемъ Изяслава Давидовича изъ Кіева. Онъ бѣжалъ въ Гомель, дождался здѣсь своей жены, и занялъ область Вятичей, мстя Святославу за то, что тотъ не оказалъ ему помощи. Мстиславъ Изяславичь, Володимеръ Мстиславичь и Ярославъ Галицкой взяли Кіевъ и посадили въ немъ Ростислава Смоленскаго; Мстиславъ Изяславичь захватилъ большое имущество Изяслава Давидовича и его дружины, много золота, серебра, коней, челяди, скота и все это отправилъ въ Володимеръ. Ростиславъ еще предъявлялъ права на старѣйшинство; онъ хорошо сознавалъ значеніе должности Великаго Князя, давъ такой отвѣтъ посламъ Ярослава, Володимера и Мстислава, приглашавшимъ его на Кіевской столъ: «если вы меня въ правду зовете съ любовію, то я охотно иду въ Кіевъ, но хочу быть тамъ на своей волѣ, и требую, чтобы вы имѣли меня отцемъ себѣ въ правду и во всемъ были бы мнѣ послушны.» Но еще до прибытія въ Кіевъ Ростиславъ встрѣтилъ сопротивленіе своей волѣ; онъ не хотѣлъ видѣть Климента Митрополитомъ на томъ основаніи, что онъ поставленъ безъ согласія Патріарха. Мстиславъ же рѣшительно объявилъ, что и

(334) Ипатьев. л. стр. 72.
(335) Тамъ же, стр. 125.
(336) Новгородская первая л. стр. 10.
(337) Ипатьев. л. стр. 85.

Константину, клявшему память его отца, Изяслава, не быть на митрополіи; наконецъ Князья согласились привести изъ Царягорода иного—третьяго Митрополита, а первыхъ двухъ отставить (338). Изяславъ Давидовичь съ Иваномъ Ростиславичемъ изъ г. Выри безпрестанно дѣлали нападенія на Святослава Ольговича; сторону Изяслава держали: племянникъ его, Святославъ Володимеричь и Андрей, Вел. Князь Ростовскій, тесть послѣдняго; узнавъ, что Святославъ Ольговичь съ Кіевскою и Галичьскою помощью осадилъ Вщижъ, гдѣ княжилъ его зять, Андрей послалъ сына своего Изяслава съ ратью на помощь ему; одного приближенія страшной Ростовской силы достаточно было, чтобы заставить снять осаду; впрочемъ этимъ однимъ и ограничивалась помощь, оказанная Андреемъ Изяславу Давидовичу. Другимъ врагомъ Ростислава былъ Юрій Ярославичь, Князь Туровскій; Изяславичи ходили на него войною, но возвратились безъ успѣха (340). Новогородцы выгнали отъ себя Святослава Ростиславича и приняли къ себѣ княземъ Мстислава Ростиславича, племянника Андрея Ростовскаго. Между тѣмъ Изяславъ Давидовичь привлекъ на свою сторону не только своихъ племянниковъ Всеволодичей, но и Олега Святославича (341). Самъ Святославъ Ольговичь колебался и если не принялъ явно стороны Изяслава, то оставилъ и Ростислава, который заключился въ Вышегородъ. Изяславъ Давидовичь съ Половцами занялъ Кіевъ и осадилъ Вышегородъ. На выручку Ростислава поспѣшили: Мстиславъ изъ Володимера съ своимъ полкомъ и съ Галицкою помощью, Рюрикъ Ростиславичь, Володимеръ Андреевичь и Василько Юрьевичь изъ Торческаго — съ Черными Клобуками. По-

---

(338) Ипатьев. л. стр. 86.
(339) Тамъ же, стр. 87.
(340) Тамъ же, стр. 88.
(341) Тамъ же, стр. 89.

ловцы ужаснулись и обратились въ бѣгство; Изяславъ сдержалъ свое слово и палъ мертвый; по крайней мѣрѣ онъ умеръ Княземъ Кіевскимъ (342). Несчастный Иванъ Ростиславичь потерялъ въ Изяславѣ единственнаго друга и защитника; гонимый Ярославомъ Галицкимъ и, несчитая себя въ безопасности на Руси, Иванъ удалился въ Грецію; лѣтопись въ послѣдній разъ упоминаетъ о немъ такъ: «въ томъ же году (1162 г.) преставился Князь Иванъ Ростиславичь, рекомый Берладникъ, въ Селуни; иные говорили, будто смерть ему приключилась съ отравы (343).» Ростиславъ уже испыталъ, что его старѣйшинство ничего не значило и что младшіе Князья посадили его для собственной пользы на столъ Кіевской; Мстиславъ Изяславичь дѣятельнѣе прочихъ Князей содѣйствовалъ возвышенію Ростислава, но скоро разсорился съ нимъ за г. Торческій; съ гнѣвомъ удалился Мстиславъ въ Володимеръ и оттуда тщетно подговаривалъ, княжившаго въ Пересопницѣ, Володимера Андреевича, идти вмѣстѣ на Ростислава. Князь Кіевскій съ Всеволодичами (Ярославомъ и Святославомъ) и съ Кривьскими Князьями ходилъ къ г. Случеску, гдѣ сидѣлъ Володимеръ Мстиславичь, вывелъ его оттуда и далъ ему Триполь съ иными 4 городами. Ростиславъ вздумалъ было раздавать города и волости по произволу, какъ прежніе Вел. Князья и отдалъ одному сыну своему, Давиду, Торческой, а Мстиславу — Бѣлъгородъ. Мстиславъ Изяславичь, считавшій эти города своими, вознегодовалъ на дядю: Ростиславъ долженъ былъ уступить и отдалъ Мстиславу Бѣлъгородъ и Торческой, а въ замѣнъ Треполя далъ ему Каневъ (344). Мстиславъ былъ тѣмъ болѣе не прочь отъ мира съ своимъ дядею, что Ляхи въ это время опустошали окрестности Червена въ его соб-

---

(342) Ипатьев. л. стр. 90.
(343) Тамъ же, стр. 91.
(344) Тамъ же, стр. 92.

ственной волости. Въ 1164 г. умеръ Святославъ Ольговичь, оставивъ 3 сыновей: Олега, Игоря и Всеволода; узнавъ о смерти дяди, Святославъ Всеволодичь занялъ Черниговскую область; по договору съ нимъ Олегъ Святославичь уступилъ ему Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ Сѣверской. Наслѣдство умершаго въ 1167 г., Святослава Володимерича, княжившаго во Вщижи, подало поводъ къ новымъ несогласіямъ; Святославъ Всеволодичь Черниговскій съ братомъ Ярославомъ присвоили себѣ всю волость покойнаго; Олегъ Святославичь, зять Ростислава, счелъ себя обиженнымъ и началъ войну. Посредничество Ростислава положило ей конецъ и Святославъ долженъ былъ уступить Олегу 4 города (345). Давидъ Ростиславичь, которому не стало волости въ Южной Руси, сѣлъ въ Витебскѣ (346). Ростиславъ могъ располагать только самыми ничтожными волостями и скоро ничего не осталось у него самаго кромѣ Кіева; даже незначительныя мѣста—Васильевъ и Красной—имѣли своего Князя—Романа, внука Вячеслава. Прежнее Володимерское Княженіе раздѣлилось не менѣе какъ на 6 частей: въ *Туровѣ* княжилъ Юрій Ярославичь съ сыновьями Святополкомъ и Иваномъ; въ Володимери — Мстиславъ Изяславичь; въ Пересопницѣ — Володимеръ Андреевичь; въ Бужьскѣ — Ярополкъ Изяславичь; въ Луцкѣ братъ его Ярославъ; въ Городно — Глѣбъ; съ каждымъ годомъ дробленіе волостей увеличивалось и каждое влекло за собою длинный рядъ несогласій, усобицъ, которыя часъ отъ часу болѣе ослабляли Южную Русь. Князья забывали единство общаго рода чтобы удовлетворить своему *властолюбію*. Ростиславъ умеръ въ 1168 году; сыновья его княжили: Романъ въ Смоленскѣ, Свято-

---

(345) Ипатьев. л. стр. 93.
(346) Тамъ же, стр. 94.

славъ въ Новѣгородѣ, Давидъ въ Витебскѣ (347). По смерти Ростислава Князья, Кіевляне и Черные Клобуки позвали на Кіевскій столъ Мстислава Изяславича, а между собою цѣловали крестъ, что взять имъ у него волость по своей волѣ: Володимеру Мстиславичу — Торческій со всѣмъ Поросьемъ; Володимеру Андреевичу — Берестій, а Ярославу Изяславичу — Володимеръ (348). Мстиславъ несогласился подтвердить такое распредѣленіе волостей; съ Ляхами и помощью Ярослава Галицкаго, давшаго ему 5 полковъ, Мстиславъ вошелъ въ Кіевъ. Князья смирились, но только ждали случая, чтобы отомстить Мстиславу; первый Володимеръ Мстиславичь хотѣлъ возмутить Черныхъ Клобуковъ, но безуспѣшно; Мстиславъ предупредилъ его замыслы; Володимеръ бѣжалъ къ Андрею въ Ростовъ, а оттуда въ Рязань (349). Мстиславъ ходилъ на Половцевъ; въ его войскѣ находились: братья его Ярославъ и Ярополкъ (послѣдній умеръ въ дорогѣ), Ростиславичи: Рюрикъ (княжилъ въ городѣ Вручемъ), Давидъ (въ Вышегородѣ) и Мстиславъ; Всеволодичи: Святославъ и Ярославъ, Святославичи: Олегъ и Всеволодъ, Мстиславъ Всеволодковичь, Глѣбъ Юрьевичь (княжилъ въ Переяславцѣ), братъ его Михалко, Святополкъ и Иванъ Юрьевичи Князья Туровскіе и другіе. Походъ на Половцевъ былъ удачный, но Князья возвратились домой недовольные Мстиславомъ, обвиняя его въ утайкѣ части добычи. Ростиславичи первые обнаружили неудовольствіе на Мстислава, котораго они, по навѣту его же людей, подозрѣвали въ умыслѣ захватить ихъ. Володимеръ Андреевичь началъ просить прибавки къ своей волости у Мстислава. «Мстиславъ, говоритъ лѣтопись, понявъ, что Володимеръ Андреевичь *извѣтомъ* проситъ у него волости, от-

(347) Ипатьев. л. стр. 93.
(348) Тамъ же, стр. 96.
(349) Тамъ же, стр. 97.

вѣчалъ ему: братъ Володимеръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ и волость взялъ у меня?» Андрей Юрьевичь Суздальскій не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца послѣдняго—Изяслава; но вражда его достигла высшей степени, когда (въ 1170 г.) Новогородцы взяли себѣ княземъ Романа Мстиславича (350). Андрей отправилъ въ Южную Русь рать подъ начальствомъ своего сына Мстислава; всѣ князья отложились отъ Мстислава Изяславича и перешли на сторону Андрея. Мстиславъ, надѣясь на содѣйствіе Черныхъ Клобуковъ, хотѣлъ сопротивляться, но въ рѣшительную минуту они ему измѣнили. Кіевъ взятъ и разграбленъ. Впрочемъ Мстиславъ не унывалъ, изъ Володимеря, куда онъ бѣжалъ, онъ наказалъ Погоринскаго Князя, Володимера Андреевича жестокимъ опустошеніемъ его волости (351). Володимеръ умеръ, Володимеръ Мстиславичь ждалъ этого и захватилъ наслѣдство покойнаго, но какимъ образомъ? хитростью и обманомъ; до того унизилось достоинство внуковъ Ярослава! Безнаказанно владѣлъ Володимеръ Дорогобужемъ и помирился съ племянникомъ Мстиславомъ, который съ Галицкою помощью, Князьями Гродненскими и Туровскими пошелъ къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Глѣбъ Юрьевичь, и занялъ городъ; Глѣбъ удалился въ Переяславль. Мстиславъ осадилъ Давида въ Вышегородѣ; но Коснятинъ, вождь Галицкой дружины, объявилъ, что Князь его Ярославъ велѣлъ ему возвратиться и пошелъ въ Галичь (352). Оставленный Черными Клобуками, Мстиславъ принужденъ былъ безъ успѣха возвратиться въ свою волость Володимеръ, гдѣ онъ и скончался въ 1172 году, взявъ съ брата, Ярослава Луцкаго клятвен-

(350) Ипатьев. л. стр. 98—99.
(351) Тамъ же, стр. 100.
(352) Тамъ же, стр. 101.

ное обѣщаніе не искать волости подъ его дѣтьми: Романомъ, Святославомъ и Всеволодомъ; лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ погребенъ, въ построенной имъ въ г. Володимери соборной церкви (353). Мстиславъ былъ послѣднимъ независимымъ Кіевскимъ Княземъ; его преемникъ, Глѣбъ Юрьевичь былъ уже посаженъ на Кіевскомъ столѣ Андреемъ Суздальскимъ, который присвоилъ себѣ и по его кончинѣ (1173 г.) право распоряжать имъ. Ростиславичи пригласили было княжить въ Кіевъ Володимера Мстиславича. « Андрею же крайне непріятно было то, что Володимеръ княжилъ въ Кіевѣ и онъ прислалъ къ нему приказаніе идти изъ Кіева, а Роману Ростиславичу велѣлъ идти въ Кіевъ (354).» Володимеръ Мстиславичь княжилъ только 4 мѣсяца и умеръ въ Кіевѣ. Въ томъ же году прислалъ Андрей къ Ростиславичамъ сказать имъ: «вы меня признали своимъ отцемъ, я хочу вамъ добра, и даю Роману, брату вашему, Кіевъ.» Романъ пришелъ изъ Смоленска въ Кіевъ; но доброе согласіе между Ростиславичами и Андреемъ Суздальскимъ было кратковременно; послѣдній требовалъ выдачи нѣкоторыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ имъ въ убійствѣ его брата Глѣба; Ростиславичи отказали. Андрей послалъ сказать Роману; « ты съ братьями не исполняешь моей « воли; такъ ступай же вонъ изъ Кіева, а Давидъ изъ « Вышегорода, а Мстиславъ изъ Бѣлагорода; у васъ вѣдь « есть Смоленскъ, тѣмъ и подѣлитесь.» Романъ спокойно удалился въ Смоленскъ, и Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Михалку, княжившему въ Торческомъ въ землѣ Черныхъ Клобуковъ. Михалко не поѣхалъ самъ въ Кіевъ, а послалъ туда брата Всеволода и племянника Ярополка Ростиславича. Ростиславичи: Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ,

(353) Ипатьев. л. стр. 105.
(354) Тамъ же, стр. 107.

сдумавъ между собою, заняли силою Кіевъ и захватили въ плѣнъ Всеволода и Ярополка. Рюрикъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ. Михалко присталъ къ сторонѣ Ростиславичей и за то получилъ отъ нихъ къ своей волости Переяславль (355). Святославъ Всеволодовичь подвелъ Андрея Суздальскаго на Ростиславичей; Андрей собралъ войско въ 50,000 ч. (тутъ были: Ростовцы, Суздальцы, Володимерцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы) и послалъ его подъ начальствомъ сына своего, Юрія, въ Русь; Романъ Смоленскій послалъ сына своего съ войскомъ; къ Юрью явились Князья Туровскіе, Пинскіе и Городенскіе, Всеволодовичи и Святославичи, Юрьевичи (Михалко и Всеволодъ), Ростиславичи (Мстиславъ и Ярополкъ), Глѣбовичи; князей было болѣе 20; всѣхъ старѣе былъ Святославъ Всеволодичь (356). Ростиславичи не затворились въ Кіевѣ; но удалились каждый въ свой городъ: Рюрикъ въ Бѣлъгородъ, Мстиславъ въ Вышегородъ съ Давидовымъ полкомъ, а Давидъ отправился въ Галичь просить помощи. Соединенными силами союзныя войска осадили Вышегородъ. Мстиславъ храбро отбивался отъ многочисленныхъ враговъ; къ стѣнамъ Вышегорода пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій со всею Волынскою землею; онъ надѣялся получить Кіевъ и старѣйшинство черезъ Ольговичей, но, увидѣвъ свою ошибку, перешелъ на сторону Ростиславичей. Опасаясь измѣны Черныхъ Клобуковъ, союзные Князья разошлись каждый во свояси. Ярославъ занялъ Кіевъ; впрочемъ ему трудно было тутъ удержаться; Святославъ Всеволодичь, не хотѣвшій ему способствовать достать Кіева, тѣмъ не менѣе требовалъ волости и прислалъ сказать Ярославу: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ, то исполни;

---

(355) Ипатьев. л. стр. 108.
(356) Тамъ же, стр. 109.

вспомни нашъ прежній договоръ, ибо ты сказалъ, если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, а если ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣлишь; нынѣ же ты сѣлъ, право ли, криво ли — надѣли же меня.» Ярославъ отвѣчалъ: «на что тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не слѣдуетъ.» Святославъ на это возразилъ: «я ни Угринъ, ни Ляхъ, но всѣ мы одного дѣда внуки и я такое же право имѣю на Кіевъ какъ и ты; если же ты не хочешь исполнить обѣщанія; въ томъ ты воленъ (357).» Святославъ, собравъ войско, неожиданно занялъ Кіевъ: Ярославъ бѣжалъ въ Луцкъ, а Святославъ захватилъ его жену, дѣтей и дружину и возвратился въ Черниговъ; Олегъ Святославичь опустошалъ волость Черниговскую; находясь между двухъ враговъ, Святославъ вынужденъ былъ помириться съ Ярославомъ, который и возвратился въ Кіевъ. Ростиславичи, посадившіе Ярослава на Кіевской столъ, не были имъ довольны: «прислали, говоритъ лѣтопись (358), Ростиславичи съ братіею своею къ Князю Андрею, прося у него Кіева для Романа Ростиславича; Князь Андрей отвѣчалъ: погодите немного, я послалъ къ братьи своей въ Русь; какъ мнѣ вѣсть пріидетъ отъ нихъ, тогда дамъ вамъ отвѣтъ.» Андрей этой вѣсти не дождался; 28 Іюня 1175 г. измѣнники, его окружавшіе, имъ облагодѣтельствованные, посягнули на его жизнь (359). По смерти Андрея Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина съѣхались въ Володимеръ и выбрали Князьями племянниковъ покойнаго: Мстислава и Ярополка (сыновей Ростислава Юрьевича), шуриньевъ Глѣба Рязанскаго. Они находились въ Черниговѣ, у Святослава Всеволодича вмѣстѣ съ дядьями: Михалкомъ и Всеволодомъ Юрьевичами, когда

---

(357) Ипатьев. л. стр. 110.
(358) Тамъ же, стр. 111.
(359) Тамъ же, стр. 112—114; Лаврент. л. стр. 157.

имъ пришла вѣсть объ этомъ избраніи. Племянники не рѣшились обидѣть дядей и сказали: «какъ счастіе, такъ и несчастіе будемъ дѣлить вмѣстѣ, пойдемъ всѣ четверо: Юрьевичей два, Ростиславичей два (360).» Впрочемъ Юрьевичи возвратились въ Южную Русь безъ успѣха, а въ Сѣверной сѣли Ярополкъ на Володимерскомъ, а Мстиславъ на Ростовскомъ столѣ. Въ Черниговскомъ княженіи снова вспыхнула усобица между Святославомъ и Олегомъ; последнему помогали Ростиславичи и Ярославъ Кіевской; война эта не имѣла ни какихъ важныхъ послѣдствій, кромѣ взаимнаго опустошенія волостей. Ярославъ Луцкій не долго княжилъ въ Кіевѣ и вынужденъ былъ его оставить; лѣтопись разсказываетъ это событіе такъ: «Въ тоже время (въ 1175 г.) пришелъ изъ Смоленьска Романъ къ братьи своей на помощь; Ярославъ же, сказавъ: «привели вы брата своего Романа, и даете ему Кіевъ», оставилъ Кіевъ; Ростиславичи послали въ слѣдъ за нимъ, приглашая его назадъ въ Кіевъ, но онъ не послушалъ ихъ и пошелъ въ Луческъ, а Романъ сѣлъ въ Кіевѣ (вторично), на столѣ дѣда своего и отца своего (361).» Въ 1176 г. Юрьевичи (Михалко и Всеволодъ) вышли изъ Чернигова въ Сѣверную Русь; Святославъ Черниговскій отпустилъ имъ въ помощь сына своего Володимера и съ полкомъ; Мстиславъ и Ярополкъ были разбиты Юрьевичами на Белеховѣ полѣ и вошли въ Володимеръ (362). Святославъ отправилъ къ нимъ туда обѣихъ супругъ ихъ съ сыномъ своимъ Олегомъ, который на обратномъ пути началъ ссору и войну съ Глѣбомъ Рязанскимъ. Святославъ Черниговскій искалъ Кіева подъ Ростиславичами; это было для него тѣмъ легче, что между ними были несогласія; Давидъ былъ въ

---

(360) Ипатьев. л. стр. 116.
(361) Тамъ же, стр. 117.
(362) Тамъ же, стр. 118.

ссорѣ съ братьями. Святославъ съ помощью Черныхъ Клобуковъ овладѣлъ Кіевомъ, но вышелъ изъ него, услышавъ о приближеніи Ростиславичей съ войскомъ: «Ростиславичи же, не хотя губить Русскую землю и Христіанскую кровь проливать, по взаимному соглашенію отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ въ Смоленьскъ (363).» Въ Сѣверной Руси — Михалко Юрьевичь одолѣлъ Ростиславичей: Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань. Михалко сѣлъ въ Володимери, а Всеволодъ въ Переяславли. Ростовцы не любили Михалка и призвали къ себѣ опять Мстислава, чтобы идти на него войною; Михалко умеръ въ Городцѣ; Всеволодъ предложилъ Мстиславу Ростовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ его спокойно княжить въ Володимери. Мстиславъ или лучше Ростовцы отвергли эти умѣренныя предложенія; Липицкая битва рѣшила спорное дѣло въ пользу Всеволода; но у него оставались еще враги: Ярополкъ и Глѣбъ Рязанскій, опустошавшіе въ это самое время часть его волости; въ сраженіи на Прусковой горѣ счастіе благопріятствовало Всеволоду; въ его руки попались: Мстиславъ и Глѣбъ съ сыномъ Романомъ; Ярополка выдали Рязанцы (364). Этими счастливыми успѣхами Всеволодъ Юрьевичь утвердился въ Сѣверной Руси т. е. въ волостяхъ Суздальской, Ростовской и Володимерской; Муромская же и Рязанская имѣли своихъ Князей; на Востокъ области Всеволодовы граничили съ землею Низовыхъ или Серебряныхъ Болгаръ, имѣвшихъ города въ землѣ своей; а на Западъ съ волостями Новогородскими, отъ которыхъ они отдѣлялись чертою проведенною нѣсколько на З. отъ Москвы до Бѣлаозера. Владѣя нераздѣльно Сѣверною Русью, Всеволодъ Юрьевичь

---

(363) Ипатьев. л. стр. 119.
(364) Лаврент. л. стр. 161—163.

былъ могущественнѣйшимъ въ многочисленной семьѣ Русскихъ Князей, ведшихъ свое происхожденіе отъ Св. Владиміра, и потому требовалъ отъ нихъ повиновенія. Самъ Святославъ Всеволодичь Черниговскій, считавшій себя старѣйшимъ изъ Русскихъ Князей, долженъ былъ спрашиваться его позволенія; лѣтопись говоритъ: «и послалъ ко Всеволоду въ Суздаль прося у него позволенія идти войною на Рязань; Всеволодъ же не исполнилъ его желанія (365)». Тщетно Святославъ горько упрекалъ Всеволода въ неблагодарности (ибо онъ способствовалъ ему и Михалку достать Володимера): «братъ и сынъ, много тебѣ я сотворилъ добра и не чаялъ такого возмездія отъ тебя (365)»; Всеволодъ поставилъ на своемъ и былъ старѣйшимъ Князeмъ въ Руси, хотя вообще мало заботился о ея Юго-Западной части. Святославъ послалъ ко Всеволоду, Епископа Черниговскаго, Порфирія, ходайствовать объ освобожденіи Глѣба Рязанскаго. Всеволодъ рѣшительно отказалъ, продержалъ у себя Порфирія въ продолженіи 2 лѣтъ, а Глѣбъ умеръ въ неволѣ (367). Въ 1178 году Новогородцы призвали къ себѣ княжить Мстислава Ростиславича. Среди безотрадныхъ явленій грабежа и убійства, наполняющихъ исторію Юго-Западной Руси — Мстиславъ Ростиславичь представляетъ явленіе отрадное, личность благородную; его можно назвать *послѣднимъ* великимъ человѣкомъ Южной Руси; въ тѣсномъ кругу дѣятельности этотъ Князь заслужилъ себѣ незабвенную славу; онъ послѣдній изъ Князей Кіевской Руси, о которомъ лѣтопись говоритъ съ чувствомъ, съ гордостью, съ благодарностью; энергію свою онъ употребилъ не на пріобрѣтеніе волостей, не истратилъ ее безплодно въ войнахъ съ братьею, но всю жизнь боролся со внѣшними врагами

(365) Ипатьев. л. стр. 143.
(366) Тамъ же, стр. 124.
(367) Тамъ же, стр. 119.

Руси: «Мстиславъ, говоритъ лѣтопись (368), отъ юности привыкъ не бояться никого, только Бога единаго блюстися.» Невольное участіе пробуждаютъ въ душѣ эти слова лѣтописца (369): «Благовѣрный Князь Мстиславъ, сынъ Ростислава, былъ росту средняго, лицемъ красивъ; всякою добродѣтелью украшенъ и благонравенъ и любовь имѣлъ ко всѣмъ (тутъ слѣдуетъ общая всѣмъ Князьямъ похвала относительно ихъ уваженія къ духовенству); былъ храбръ на рати, ибо всегда искалъ умереть за Русскую землю и за Христіанъ; когда ему случалось видѣть Христіанъ увлекаемыхъ въ плѣнъ погаными, такъ говорилъ онъ дружинѣ своей: братья! да нисколько не безпокоитъ васъ мысль, что нынѣ мы умремъ за Христіанъ; ибо тѣмъ мы очистимся отъ грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу съ мучениками; если же Богъ дастъ милость свою и останемся мы живы, то славу Богу; мы если нынѣ не умремъ, то умремъ же все таки, и такъ молвя дружинѣ Мстиславъ внушалъ воинамъ своимъ доблесть, и такъ отъ всего сердца бился съ ними за отчину свою. Онъ крайне любилъ свою дружину, и имѣнія своего не щадилъ для нея и не собиралъ ни золота ни серебра, но все отдавалъ дружинѣ своей... И не было той земли на Руси, которая бы его не хотѣла имѣть своимъ Княземъ и не любила, ибо всегда Мстиславъ стремился на великія дѣла... онъ скончался еще въ молодости.» Богу преждевременно угодно было взять къ себѣ эту личность, которой нѣчего было дѣлать при тогдашнемъ состояніи Юго-Западной Руси. И Мстиславъ былъ не чуждъ недостаткамъ своего времени, которые всего примѣтнѣе въ великомъ человѣкѣ. Лѣтопись такъ описываетъ его походъ на Чудь (370): «пошелъ

---

(368) Ипатьев. л. стр. 109.
(369) Тамъ же, стр. 121.
(370) Тамъ же, стр. 120.

Мстиславъ на Чудьскую землю, и, вошедъ въ нее, стоялъ здѣсь долго опустошая всю землю Чуди: и такъ опустошилъ онъ огнемъ и мечемъ всю землю ихъ, а дружина его обогатилась добычею: рабами и скотомъ и возвратилась во свояси, получивъ отъ Бога на поганыхъ побѣду, со *славою и честью великою.*» Чтожъ дѣлать, если по понятіямъ того времени грабить, жечь, убивать въ землѣ непріятельской считалось за честь и за славу! Наши первые Князья дѣйствовали какъ истинные Государи, какъ умные политики: Ярославъ, взявъ Чудскую землю, построилъ въ ней г. Юрьевъ т. е. хотѣлъ утвердиться навсегда въ этой землѣ (371). Сколько бы крови Русской было сбережено, если бы преемники Ярослава окончательно покорили Чюдь, застроили бы землю ея городами, заняли берега Балтійскаго моря и не дозволили бы Нѣмцамъ завести поселенія въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка! Походъ Мстислава былъ набѣгомъ, а не полезнымъ для всей Руси предпріятіемъ. Къ сожалѣнію горько достается обществамъ и народамъ опытность историческая! Тѣмъ не менѣе смерть Мстислава была оплакиваема современниками: «И другіе Князья, услыхавъ о преставленіи Мстислава, были весьма печальны и плакала по немъ вся земля Русская, имѣя живо въ памяти всѣ доблести его и всѣ Черные Клобуки не могли забыть ласки (приголубленія) его (372).» Въ слѣдъ за Мстиславомъ умеръ Романъ Смоленскій и въ Смоленскѣ сѣлъ братъ его Давидъ. Въ Южной Руси остался только одинъ Ростиславичь — Рюрикъ. Въ это время Святославъ Черниговскій рѣшительно рассорился съ Всеволодомъ Юрьевичемъ: послѣдній воевалъ съ Князьями Рязанскими; на помощь имъ Святославъ послалъ сына Глѣба; Всеволодъ

---

(371) Лаврентьев. л. стр. 64.
(372) Ипатьев. л. стр. 121.

позвалъ къ себѣ Глѣба; тотъ, находясь въ его власти, не могъ отказать и поѣхалъ къ нему. Всеволодъ велѣлъ Глѣба оковать, отвезти въ Володимеръ и дружину его захватилъ. Услышавъ о несчастіи сына, Святославъ въ негодованіи сказалъ: « я отмстилъ бы Всеволоду, но нельзя за Ростиславичами, которые мнѣ во всемъ вредятъ въ Русской землѣ, а въ племени Володимеровомъ кто ко мнѣ по ближе, тотъ мнѣ и врагъ (373).» Святославъ хотѣлъ было захватить въ свою власть Давида Ростиславича, но это ему не удалось; замыселъ его открылся. Ростиславичи не могли ему мстить, потому что Давида призвали въ Смоленскъ, а Рюрикъ самъ былъ слишкомъ слабъ для этого. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Святославъ пошелъ войною на Всеволода, выступившаго ему на встрѣчу съ полками Суздальскими, Рязанскими и Муромскими; войска сошлись на р. Вленѣ; но Всеволодъ уклонился отъ битвы. Святославъ отмстилъ ему только сожженіемъ г. Дмитрова и возвратился домой безъ успѣха (374). Впрочемъ онъ скоро помирился со Всеволодомъ: « Всеволодъ же Суз-
« дальскій отпустилъ Глѣба Святославича изъ оковъ, всту-
« пилъ въ великую любовь со Святославомъ, породнился
« съ нимъ и отдалъ за сына его меньшаго (Мстислава)
« родственницу (свѣсть) свою (Ясыню) (375).» Рюрикъ Ростиславичь, при помощи Черныхъ Клобуковъ, побѣдилъ Святослава, но добровольно уступилъ ему Кіевъ: « Рюрикъ же, хотя и имѣлъ побѣду на своей сторонѣ, однако нисколько не возгордился, предпочелъ войнѣ миръ и хотя пожить въ братолюбіи.... и обсудивъ съ приближенными своими, что Святославъ старше его годами, урядился съ нимъ, уступилъ ему старѣйшинство и Кіевъ, а себѣ взялъ

---

(373) Ипатьев. лѣтопись, стр. 121.
(374) Тамъ же, стр. 123—124.
(375) Тамъ же, стр. 125.

всю Русскую землю; съ обѣихъ сторонъ утвердили миръ крестнымъ цѣлованіемъ и съ того времени жили въ любви, сватовствомъ скрѣпленной.» Доброе согласіе между Святославомъ и Рюрикомъ продолжалось дѣйствительно по самую кончину перваго, послѣдовавшую въ 1194 г. Но оно едва было не нарушилось по поводу Галича. Здѣсь, съ 1152 г. по 1187 г. княжилъ Ярославъ Владимирковичь; о событіяхъ Галицкой Руси Кіевская лѣтопись упоминаетъ тамъ только, гдѣ они находятся въ связи съ событіями Волыни и Кіева. Вліяніе Ярослава было очень велико на княжества Юго-Западной Руси, но онъ мало принималъ въ ней участія. Въ Володимери Волынскомъ въ 1172 г. умеръ Мстиславъ Изяславичь; старшій сынъ его Романъ, въ послѣдствіи Князь Галицкой, находился въ Новѣгородѣ; Андрей преслѣдовалъ нелюбовью сына, какъ и отца; выгнавъ Мстислава изъ Кіева, онъ хотѣлъ выгнать сына его Романа изъ Новагорода; многочисленное войско Андреево подъ начальствомъ сына его Мстислава, осадило Новгородъ; жители его защищались мужественно и Мстиславъ съ большею потерею долженъ былъ снять осаду (376). Въ томъ же году, Романъ оставилъ Новгородъ; Новогородская лѣтопись говоритъ (377), что жители его выслали; Кіевская же, что самъ Романъ, услышавъ о смерти отца, по совѣту дружины, добровольно уѣхалъ въ Володимеръ (378). Ярославъ Галицкой былъ женатъ на дочери Юрія Володимеровича, именемъ Ольгѣ; но жилъ съ нею несогласно и не любилъ рожденнаго отъ нея сына, Володимера; онъ предпочиталъ ей любовницу, именемъ Настасью, отъ которой имѣлъ сына Олега. Ольга Юрьевна, съ сыномъ Володимеромъ и со многими боярами

(376) Ипатьев. л. стр. 103; Лаврент. л. стр. 154.

(377) Новогород. первая лѣтопись, стр. 15.

(378) Ипатьев. л. стр. 103.

ушла отъ мужа къ Ляхамъ и прожила въ землѣ ихъ 8 мѣсяцовъ. Володимеръ прислалъ къ Святославу Мстиславичу, прося у него Червена, чтобы оттуда ссылаться съ своими Галицкими единомышленниками; Святополкъ и другіе Галицкіе бояре сносились съ нимъ и съ его матерью, звали ихъ домой и обѣщали Ярослава захватить въ свои руки. Володимеръ обѣщалъ Святославу, если тотъ исполнитъ его желаніе, сѣвши въ Галичѣ возвратить Бужьскъ, отторгнутый его отцемъ отъ Володимерской волости и придать къ тому еще 3 города. Святославъ согласился. Володимеръ съ матерью ѣхалъ въ Червенъ и дорогою изъ Галича получилъ извѣстіе отъ Святополка: « отца твоего мы захватили, пріятелей его Чаргову *чадь* избили; твой врагъ, Настаська, въ нашихъ рукахъ.» Здѣсь нѣсколько объясняется дѣло: исторія Ярослава и Настасьи есть повтореніе исторіи Христіана II и Дювеке, Эрика XIV и солдатки. Любовница Ярослава, какъ показываетъ уже самое ея названіе—Настаська—вѣроятно была низкаго происхожденія и ссорила Ярослава съ боярами; родственники же ея, чадь Чаргова, управляли княземъ, пользуясь его слабостію. Несчастная Настасья погибла на кострѣ отъ рукъ ожесточеннаго народа; сына ея послали въ заточеніе, а Ярослава обязали крестнымъ цѣлованьемъ жить какъ слѣдуетъ съ женою и съ сыномъ (379). Ярославъ согласился на все, но, весьма понятно, что нелюбовь къ женѣ и сыну обратилась въ слѣдствіе этихъ событій въ ненависть; онъ не могъ простить имъ гибели Настасьи. Да и Володимеръ не могъ ужиться съ отцемъ, требуя отъ него волости, на что Ярославъ ни за что не хотѣлъ согласиться. Какъ бы то ни было, въ 1174 году Володимеръ съ матерью ушелъ въ Луцкъ къ Ярославу Изяславичу, котораго онъ

---

(379) Ипат. л. стр. 106.

склонилъ на свою сторону обѣщаніями въ родѣ тѣхъ, какія онъ уже дѣлалъ брату его Святославу. Ярославъ Галицкій призвалъ на помощь Ляховъ, далъ имъ 3,000 гривенъ серебра и съ ихъ помощью обратилъ въ пепелъ два города въ Володимерской волости, требуя выдачи сына. Ярославъ, равно опасаясь отца и сына (отца — въ настоящемъ, а сына въ будущемъ) — отпустилъ Володимера съ матерью въ Торческій, гдѣ княжилъ братъ Ольги, Михалко Юрьевичь. Тесть его, Святославъ Всеволодичь, призвалъ къ себѣ изгнанниковъ, обѣщаясь отпустить въ Суздаль къ Андрею и неисполнилъ обѣщанія (380). Татищевъ говоритъ (381) (въ лѣтописи же этого нѣтъ), что Святославъ для того задержалъ Володимера, что хотѣлъ идти войною на Галичь, что Андрей Суздальскій, зная безпутное поведеніе Володимера, совѣтовалъ Святославу Всеволодичу препроводить его къ отцу, а сестру Ольгу, взялъ къ себѣ въ Суздаль. Дѣйствительно въ 1179 г. Ольга находилась въ Суздали; она здѣсь была воспріемницею при Св. крещеніи четвертой дочери Всеволода Юрьевича, именемъ Пелагеи (382). Въ 1183 г. Ольга умерла въ Володимери, въ монашествѣ, съ именемъ Евфросиньи (383). Святославъ Всеволодовичь выдалъ Володимера Ростиславичамъ, которые и препроводили его къ отцу (1174 г.) (384). Въ 1183 году Володимеръ Ярославичь находился у шурина своего Игоря Святославича, княжившаго въ Новгородѣ Сѣверскомъ; лѣтопись прибавляетъ: «потому что онъ былъ выгнанъ отцемъ своимъ изъ Галича.» Слѣдующее мѣсто лѣтописи, содержащее описаніе странствованій Володимера, любопытно

---

(380) Ипатьев. л. стр. 108.

(381) Росс. Исторія, стр. 188 книги 3-ей.

(382) Ипатьев. л. стр. 122.

(383) Лаврент. л. стр. 164.

(384) Ипатьев. л. стр. 108.

потому, что показываетъ до какой степени всѣ Князья Юго-Западной Руси боялись Ярослава Галицкаго: « Тотъ же Володимеръ пришелъ прежде въ Володимерь къ Роману (Мстиславичу); Романъ, *опасаясь отца его, не далъ ему и опочить у себя;* оттолѣ Володимеръ пошелъ къ Инъгварю (сыну Ярослава Луцкаго) въ Дорогобужь *и тотъ, опасаясь отца его, не принялъ его;* и онъ оттолѣ поѣхалъ ко Святополку въ Туровъ и *тотъ такъ же отпустилъ его* къ Давиду въ Смоленскъ; Давидъ *же отпустилъ* въ Суждаль ко Всеволоду, Юрьевичу его родственнику (дядѣ); Володимеръ же Галичьской и *тамъ не нашелъ себѣ покоя;* оттуда онъ пришелъ къ зятю своему въ Путивль, къ Игорю Святославичу; тотъ же принялъ его съ любовью и положилъ на немъ честь великую; въ продолженіи двухъ лѣтъ держалъ его у себя, а на третье лѣто помирилъ Володимера съ отцемъ его (Ярославомъ) и послалъ съ нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава (385).» Съ этого времени въ лѣтописи не упоминается болѣе о Володимерѣ до самой смерти отца его. 1-го Окт. 1187 г. умеръ Ярославъ Володимеричь Галицкій; предъ смертью онъ сказалъ мужамъ своимъ: «я, не смотря на мое одиночество и слабости, удержалъ всю Галицкую землю; нынѣ приказываю мѣсто свое Олегу, сыну моему меньшому, а Володимеру даю Перемышль.» Сдѣлавъ такое распоряженіе, Ярославъ взялъ съ Володимера и съ мужей Галицкихъ присягу въ томъ, что Володимеръ оставитъ брату спокойное обладаніе Галичемъ. Олегъ былъ сынъ Ярослава отъ Настасьи. Лѣтописецъ описываетъ намъ такъ личность Ярослава (386). « Онъ былъ князь мудрый и краснорѣчивый, богобоязненный: онъ умѣлъ заставить чтить себя въ окрестныхъ земляхъ и славился своими полками; гдѣ ему нужно было мстить за свою обиду онъ, не

---

(385) Ипатьев. л. стр. 128.
(386) Тамъ же, стр. 135.

ходилъ самъ съ полками своими, но посылалъ ихъ съ воеводами и увеличивалъ свою волость; онъ раздавалъ много милостыни, радушно принималъ странныхъ и кормилъ нищихъ; любилъ черноризцевъ и священниковъ и строго соблюдалъ законъ Божій. Ярославъ очень исхудалъ передъ смертью, созвалъ всѣхъ своихъ ближнихъ отъ мала и до велика, просилъ у нихъ прощенія и приказалъ имѣніе свое раздать нищимъ и монастырямъ; въ продолженіи 3 дней раздавали по всей Галицкой землѣ и не могли раздать.» Лѣтописецъ, говоря о раздѣленіи Галицкой области между Володимеромъ и Олегомъ, замѣчаетъ (387): «Олегъ былъ сынъ Настасьи и весьма любимъ отцемъ, а Володимеръ не исполнялъ воли его и за его ослушаніе Ярославъ не далъ ему Галича.» По смерти Ярослава произошелъ великій мятежъ въ Галицкой землѣ; Галичане, согласившись съ Володимеромъ, переступили крестное цѣлованіе и выгнали Олега изъ Галича. Олегъ бѣжалъ во Вручій къ Рюрику Ростиславичу; а Володимеръ сѣлъ въ Галичѣ. Княжа здѣсь онъ скоро навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе: склонный къ пьянству, онъ презиралъ совѣты мудрыхъ бояръ и давалъ волю страстямъ своимъ: отнялъ жену у попа, жилъ съ нею и имѣлъ отъ нея 2 сыновей. Князь Володимерской, Романъ Мстиславичь, породнился съ Володимеромъ и отдалъ дочь свою за старшаго его сына. Неудовольствіе Галичанъ на князя росло со дня на день. Страсти Володимера не знали предѣловъ; лѣтописецъ говоритъ: «если ему гдѣ приглянулась чья жена, или чья дочь, тотчасъ бралъ къ себѣ насиліемъ (388).» Романъ ссылался съ Галичанами и питалъ ихъ нерасположеніе къ Володимеру, надѣясь, что они, выгнавъ послѣдняго, возьмутъ его себѣ княземъ. Наущенія Романа произвели свое дѣйствіе; Галичане

---

(387) Ипатьев. л. стр. 136.
(388) Тамъ же, стр. 136—137.

собрались съ силами, обязались взаимною клятвою въ вѣрности, и возстали на Князя. Они не смѣли ни задержать его, ни убить, опасаясь его приверженцевъ; сдумавши между собою, заговорщики послали сказать Володимеру: «князь! мы возстали не на тебя, но не хотимъ кланяться попадьѣ; мы убьемъ ее, а тебѣ, гдѣ хочешь, достанемъ невѣсту.» Эти слова были сказаны съ цѣлью пригрозить Володимеру и заставить его бѣжать. Дѣйствительно, испугавшись угрозы, Володимеръ бѣжалъ въ Венгрію, взявъ съ собою жену, 2 сыновей, дружину, много золота и серебра; дочь Романову, именемъ Ѳедору, Галичане задержали и послали за отцемъ ея въ Володимерь. Уступивъ свою наслѣдственную вотчину брату Всеволоду и клятвенно обовязавшись не имѣть на нее болѣе притязаній, Романъ Мстиславичь съ радостію вошелъ въ Галичь. Но Володимеръ нашелъ защитника въ Королѣ Венгерскомъ; Бэла III (1173-1196 гг.) взялъ его съ собою и съ полками вошелъ въ Галичь. Романъ, захвативъ все богатство Володимера, бѣжалъ съ тѣми боярами, которые призвали его въ Галичь на княженіе, въ Володимерь, но сюда не впустилъ его братъ Всеволодъ; тогда Романъ удалился во Ручій къ своему тестю Рюрику. Король, занявъ городъ Галичь, не возвратилъ его Володимеру, но, давъ внутреннее устройство Галичу *(но даде весь нарядъ Галичанамъ)*, посадилъ въ немъ сына своего Андрея; а Володимера отвелъ въ Венгрію, лишилъ его всего его имущества, и засадилъ въ башню съ его женою. Романъ надѣялся занять Галичь съ помощью Рюрика и потому, выпросивъ у него вспомогательное войско и сына Ростислава, пошелъ на Андрея; но Галичане и Венгры у Прѣспеска разбили его на голову. Романъ бѣжалъ въ Польшу къ Казиміру; отсюда онъ приходилъ къ г. Володимеру съ Ляшскимъ Княземъ Межкомъ или Мечиславомъ; но Всеволодъ опять не впустилъ его сюда (389). Ро-

---

(389) Ипатьев. л. стр. 137.

манъ прибѣгнулъ къ тестю своему Рюрику; тотъ далъ ему въ волость г. Торческій и послалъ ко Всеволоду съ угрозою. Опасаясь Рюрика, Всеволодъ уступилъ брату Роману Володимерь, а самъ удалился въ Бѣльзъ. Венгерскій Король сносился со Святославомъ Всеволодичемъ и просилъ его прислать ему сына въ Галичь; Святославъ обрадовался, полагая, что Король хочетъ уступить Галичь его сыну и отправилъ, не посовѣтовавшись съ Рюрикомъ, Глѣба къ Королю. Узнавъ о томъ, Рюрикъ обвинялъ Святослава въ нарушеніи договора; чтобы доказать чистоту своихъ намѣреній, Святославъ изъявилъ готовность вмѣстѣ съ Рюрикомъ идти на Короля и отнять у него Галичь; въ этомъ намѣреніи утверждалъ Князей Митрополитъ говоря: « вотъ иноплеменники присвоили себѣ вотчину вашу; и весьма васъ достойно было бы выгнать ихъ оттуда. » Князья собрали войска и походъ, уже начатый, несостоялся по поводу споровъ о томъ кому владѣть землею, еще незавоеванною; Святославъ уступалъ Рюрику всю Галицкую волость съ тѣмъ, чтобы въ обмѣнъ отъ него получить всю Русскую землю около Кіева. Рюрикъ никакъ не соглашался совершенно отказаться отъ своей вотчины, а предлагалъ Святославу подѣлиться Галичемъ. Тотъ упорствовалъ; не уладившись между собою, Князья безъ пользы возвратились изъ похода (390). Галичь остался во власти Андрея; но господство Венгровъ стало скоро невыносимо для его жителей; необузданные Венгры оскорбляли цѣломудріе семействъ, нарушали святыню храмовъ и вообще вели себя такъ какъ въ завоеванной землѣ. Желая положить конецъ господству и насиліямъ иноплеменниковъ въ своей волости, Галичане призвали къ себѣ Ростислава, сына несчастнаго Ивана Ростиславича, умершаго въ Селуни. Ростиславъ съ небольшею дружиною подошелъ къ Галичу, но жители его не-

---

(390) Ипатьев. л. стр. 138.

рѣшились явно ему передаться, опасаясь Венгровъ, а болѣе всего заботясь объ участи своихъ родственниковъ, уведенныхъ въ Венгрію Королемъ въ видѣ заложниковъ. Ростиславъ рѣшился умереть; и сразился съ Венграми; раненный онъ попался въ ихъ руки и былъ принесенъ въ Галичь; жители города волновались и хотѣли его имѣть своимъ Княземъ. Венгры приложили ядовитое зелье къ ранамъ Ростислава и ускорили его кончину. Видя отвращеніе жителей къ своему господству, Венгры удвоили свои насилія и заставили жителей раскаиваться въ изгнаніи Володимера Ярославича. Съ помощью двухъ своихъ сторожей Володимеръ ушелъ съ семействомъ изъ Венгріи въ Германію (391). Нѣмецкій Императоръ Фридерикъ I Барбаросса принялъ его ласково и, узнавъ, что онъ племянникъ по сестрѣ Всеволода Юрьевича, обнаружилъ къ его судьбѣ живѣйшее участіе; онъ просилъ князя Ляшскаго, Казимира, обязавшагося ему платить ежегодно 2000 гривенъ серебра, возстановить Володимера на Галичьскомъ столѣ. Казимиръ отправилъ Володимера въ Галичь, приставивъ къ нему мужа своего — Николая. Галичане съ радостью встрѣтили своего прежняго Князя, выгнали королевича Андрея и возстановили Володимера. Первымъ его дѣйствіемъ было послать въ Суждаль къ дядѣ своему Всеволоду Юрьевичу съ слѣдующими словами: «отецъ и господинъ! удержи Галичь подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ, и изъ твоей воли не выйду.» Всеволодъ принялъ это предложеніе и обязалъ клятвою не только всѣхъ Русскихъ Князей, но и Короля Венгерскаго и Ляшскихъ князей — не искать Галича подъ племянникомъ его Володимеромъ. На это лѣтопись замѣчаетъ: «Володимеръ же утвердился въ Галичѣ и оттолѣ не было у него враговъ.» Въ 1194 г. умеръ Святославъ Ольговичь; Рюрикъ не ссылаясь со Всеволодомъ

---

(391) Ипатьев. л. стр. 139.

Юрьевичемъ, вошелъ въ Кіевъ, пригласилъ туда брата Давида Смоленскаго и уладился съ нимъ о Русской землѣ (392). Всеволодъ былъ недоволенъ этимъ независимымъ образомъ дѣйствія Ростиславичей и послалъ сказать имъ: «вы въ своемъ племени въ Володимеровомъ признали меня старшимъ, а нынѣ ты Рюрикъ сѣлъ въ Кіевѣ, и мнѣ части неучинилъ въ Русской землѣ, но раздалъ инымъ и особенно младшимъ своимъ братьямъ; если мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Кіевъ и Русская область, а кому ты въ ней часть далъ, съ тѣми же ее и блюди и стереги; какъ то ты съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ ее не надобно.» Всеволодъ Юрьевичь требовалъ отъ Рюрика 5 городовъ: Торческаго, Треполя, Корьсуня, Богуславля и Канева; но ихъ то именно и отдалъ Рюрикъ Роману Мстиславичу, своему зятю; послѣдній изъявилъ самъ готовность получить въ замѣнъ этой волости другую или деньгами по ея цѣнности. Рюрикъ отдалъ Всеволоду, требуемые имъ, 5 городовъ; Князь Суздальскій подарилъ Торческій, зятю своему, Ростиславу Рюриковичу, а въ прочіе послалъ посадниковъ (393). Тогда же Всеволодъ отправилъ своихъ людей въ Южную Русь—возобновить Остерскій городокъ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ (394); а въ 1201 г. послалъ княжить сына своего Ярослава въ Южный Переяславль (395). Такъ усильно старался Всеволодъ Юрьевичь утвердиться въ Южной Руси. Помирившись со Всеволодомъ, Рюрикъ нажилъ въ себѣ смертельнаго врага въ Романѣ Мстиславичѣ, который, подозрѣвая своего тестя, что тотъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ за одно со Всеволодомъ, съ этого времени присталъ къ сторонѣ Ольговичей

---

(392) Ипатьев. л. стр. 144.
(393) Тамъ же, стр. 145.
(394) Лаврент. л. стр. 173.
(395) Тамъ же, стр. 175.

и старался вредить Рюрику тайно и явно. Романъ началъ ссылаться съ Ярославомъ Всеволодовичемъ и звалъ его въ Кіевъ на Рюрика; послѣдній узналъ объ этомъ, обличилъ Романа и отдалъ ему крестныя грамоты. Романъ бѣжалъ къ Ляхамъ и просилъ помощи у Казимировичей; тѣ согласились дать ему ее съ условіемъ прежде помирить ихъ съ дядею Межкомъ искавшимъ подъ ними волостей. Романъ соединился съ Казимировичами противъ Межки, отвергъ мирныя предложенія послѣдняго, вступилъ съ нимъ въ битву, проигралъ ее и рѣшился смириться передъ тестемъ. При посредничествѣ Митрополита Никифора Рюрикъ простилъ Романа и далъ ему въ волость Полонье и часть Корсуньской земли. Романъ клялся отстать отъ Ольговичей и во всемъ повиноваться Рюрику и — не сдержалъ слова. Зная постоянные происки Ольговичей и, желая положить имъ конецъ, Рюрикъ и Всеволодъ послали къ нимъ съ предложеніемъ навсегда клятвенно отказаться отъ Кіева (396). Ольговичи не согласились на это предложеніе; слѣдствіемъ была война, въ которой Всеволодъ и Рюрикъ имѣли перевѣсъ на своей сторонѣ. Всеволодъ, не желая совершеннаго униженія Ольговичей, согласился на миръ съ ними безъ вѣдома Рюрика; послѣдній громко жаловался на коварство Всеволода и, въ порывѣ негодованія на него, отнялъ у него всѣ города, принадлежавшіе ему въ Южной Руси (397). Всеволодъ не мстилъ, но предоставилъ собственной участи Рюрика, находившагося между враговъ: Ольговичей съ одной стороны и Романа Мстиславича съ другой. Романъ дѣятельно помогалъ Ольговичамъ и опустошилъ волости Ростиславичей Рюрика и Давида. Рюрикъ послалъ племянника своего Мстислава Давидовича къ Володимеру Галицкому, чтобы тотъ съ одной стороны воевалъ

(396) Ипатьев. л. стр. 146.
(397) Тамъ же, стр. 150.

Романову волость, а съ другой послалъ сына Ростислава съ Черными Клобуками. Романъ отдѣлался пожженіемъ своей волости около Перемиля и Кременца и скоро помирился съ тестемъ (398). Въ томъ же году (1196 г.) Романъ ходилъ противъ Ятвяговъ, опустошавшихъ его волость и пожегъ ихъ землю; они не могли ему противустать и попрятались въ свои *тверди* (399). Когда умеръ Володимеръ Галицкій — лѣтописи, къ намъ дошедшія, о томъ не упоминаютъ. Въ 1202 г. Галичемъ владѣлъ уже Романъ Мстиславичь Володимерскій; онъ присоединилъ къ Галичу всѣ свои прежнія владѣнія (братъ его, Всеволодъ, княжившій въ Бельзѣ, умеръ въ 1295 г. (400) оставивъ 2 сыновей: Александра и Всеволода) и былъ, если принять притомъ въ соображеніе его личный характеръ, могущественнѣйшимъ Государемъ Юго-Западной Руси. Татищевъ говоритъ (401), что Володимеръ Галицкій умеръ въ 1197 г.; нѣкоторые подозрѣвали, что вслѣдствіе отравленія; изъ Галичанъ иные желали имѣть Княземъ Ростислава Рюриковича, зятя Всеволодова, другіе Романа Мстиславича Володимерскаго. Послѣдній, пользуясь медленностію Рюрика, съ помощью Ляшскаго Князя, Лешка овладѣлъ всею Галицкою землею. Въ 1202 г. Рюрикъ съ помощью Ольговичей собирался идти въ Галичь на Романа, но тотъ предупредилъ его; съ полками Галицкими и Володимерскими устремился въ Кіевъ; дорогою всѣ встрѣчали его съ радостью, всѣ принимали его сторону, чего никакъ не могло бы случиться, если бы Романъ господствовалъ въ Галичѣ съ жестокостью, какъ разсказываютъ Польскіе историки. «Граждане города Володимера, оставивъ Рюрика, пріѣхали къ Роману и

---

(398) Ипатьев. л. стр. 149.
(399) Тамъ же, стр. 150.
(400) Тамъ же, стр. 144.
(401) Росс. Ист. Кн. 3. стр. 327.

Черные Клобуки всѣ совокупившись пріѣхали къ Роману и что городовъ Русскихъ и изъ тѣхъ изо всѣхъ жители приняли сторону Романа (402).» Сами Кіевляне отворили городскіе ворота Роману; въ его власти находились Рюрикъ и Ольговичи, но онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, а заставилъ ихъ цѣловать крестъ на томъ, что подъ нимъ Галича не искать; Рюрика послалъ во Вручій, Ольговичей въ Черниговъ: «и посадили, говоритъ лѣтопись, Великіе Князья Всеволодъ и Романъ Инъгвара Ярославича въ Кіевѣ.» Это обстоятельство показываетъ, что Романъ дѣйствовалъ не безъ вѣдома Всеволода Юрьевича. Отнявъ Кіевъ у Рюрика — Романъ предпринялъ счастливый походъ на Половцевъ, напомнившій Южной Руси походы его предка Владиміра Мономаха. Лишь только успѣлъ Романъ возвратиться въ Галичь, какъ онъ услышалъ, что Рюрикъ съ Ольговичами и всею Половецкою землею приходилъ въ Кіевъ, взялъ его, ограбилъ и опустошилъ въ конецъ (403). Въ ожиданіи благопріятнаго случая мести Романъ обнаружилъ снисходительность, приходилъ къ Рюрику во Вручій, убѣдилъ его оставить Ольговичей и цѣловать крестъ въ вѣрности Всеволоду Юрьевичу. Романъ взялся даже ходатайствовать предъ Всеволодомъ, чтобы тотъ возвратилъ Рюрику Кіевъ (404). Оба князя отправили пословъ ко Всеволоду, который простилъ Рюрика и возвратилъ ему Кіевъ (405). Ольговичи, оставленные Рюрикомъ, также изъявили покорность и крестнымъ цѣлованіемъ утвердили миръ съ Всеволодомъ и Романомъ «и былъ въ Руси миръ» замѣчаетъ лѣтопись—ненадолго какъ увидимъ. Въ 1205 году ходили на Половцевъ Русскіе Князья Романъ Мстиславичь Галицкій, Ярославъ Всеволодичь Переяславскій, Рюрикъ Кіевскій; Рус-

---

(402) Лаврент. л. стр. 175.

(403) Тамъ же, стр. 176.

(404) Тамъ же, стр. 177.

(403) Тамъ же, стр. 179.

скіе Князья взяли много полону, отогнали стада Половцевъ и съ успѣхомъ возвратились въ Переяславль «тутъ было у нихъ совѣщаніе о волостѣхъ, и о томъ кто какъ терпѣлъ за Русскую землю.» Романъ и Рюрикъ съ семействомъ, въ видимомъ согласіи, пріѣхали въ Треполь. Тутъ Романъ, исполняя безъ сомнѣнія давно составленный умыселъ, велѣлъ постричь въ монахи тестя, тещу и свою жену, Рюрикову дочь; Ростислава и Володимера Рюриковичей увелъ съ собою въ Галичь. Всеволодъ Юрьевичь послалъ своего мужа въ Галичь; въ слѣдствіе его представленій Романъ освободилъ Ростислава Рюриковича, Всеволодова зятя, и далъ ему Кіевъ. Избавившись отъ своего постояннаго врага Рюрика, Романъ задумалъ походъ на Ляховъ. Татищевъ говоритъ (406), что, отправляясь въ походъ, Романъ сказалъ: «или покорю Ляховъ или не возвращусь живой.» Не сдержавъ перваго, Романъ исполнилъ второе обѣщаніе; походъ сначала ознаменованъ былъ успѣхомъ; Романъ взялъ 2 Ляшскихъ города; но однажды, на берегу р. Вислы, когда Романъ съ малою дружиною, вѣроятно для наблюденія надъ положеніемъ непріятеля, отъѣхалъ отъ войска, Ляхи напали на малочисленныхъ спутниковъ Романа и убили его самаго; можетъ быть измѣна не была чужда смерти этого храбраго Князя; кости его положены въ церкви Св. Богородицы въ Галичѣ (407). Смерть Романа Мстиславича, оставившаго двухъ малолѣтныхъ сыновей: Даніила и Василька, была знакомъ волненій во всей Юго-Западной Руси.

---

(406) Росс. Ист. Кн. 3. стр. 348.
(407) Лаврент. л. стр. 179.

ГЛАВА V.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ДО КОНЧИНЫ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА (*).

По смерти Романа Галичане цѣловали крестъ сыну его Даніилу, имѣвшему не болѣе года отъ рожденія. Ольговичи двинулись къ Кіеву; Рюрикъ, слыша о смерти Романа, скинулъ съ себя монашескую одежду и сѣлъ опять княжить въ Кіевѣ; когда Ольговичи пришли къ Днѣпру, Рюрикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, заключилъ съ ними союзъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ Галичу. Жители защищались храбро; Рюрикъ и Ольговичи возвратились во свояси безъ всякаго успѣха; впрочемъ они не отказались отъ надежды быть счастливѣе въ другой разъ. Въ 1206 году Ольговичи собрались въ Черниговъ на совѣщаніе; тутъ находились Всеволодъ Чермный съ своею братьею, Володимеръ Игоревичь съ своею и Мстиславъ Романовичь, нарочно на этотъ случай пришедшій изъ Смоленска съ племянниками; они опредѣлили идти на Галичь и двину-

(*) *Источники:* Первые три тома Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей. *Пособія:* исторіи Татищева, Карамзина; Engels-Geschichte von Galizien und Lodomerien, S. 512 sqq.

лись туда со многочисленнымъ войскомъ Половцевъ. У Кіева къ нимъ присоединились: Рюрикъ съ сыновьями: Ростиславомъ (въ 1205 году онъ сѣлъ въ Вышегородѣ, выгнавъ оттуда Ярополка Володимерича) и Володимиромъ съ племянниками, Берендѣи и Черные Клобуки. Съ одной стороны шли на Галичь Русскіе князья, съ другой Князь Польскій Лешко вступилъ въ Володимерскую область. Страшась наступленія многочисленныхъ непріятелей, Галичане послали просить помощи у Венгерскаго Короля Андрея II, нѣкогда княжившаго въ Галичѣ; собравъ многочисленное войско, онъ перешелъ Карпатскія горы, вступилъ въ Галицкую Русь и соединился съ Галичанами. Видя волненіе и смуты по всей землѣ Романовичи, Даніилъ и Василько, ушли изъ Галича въ Володимерь свою вотчину. Туда двинулся и Андрей, чтобы не допустить Ляховъ до соединенія съ Русскими Князьями (408). Ольговичи не рѣшались идти къ Галичу, хотя дорога туда имъ и была открыта, опасаясь оставить у себя въ тылу Короля Венгерскаго, стоявшаго у Володимера. Ни Ольговичи не смѣли идти впередъ, ни Король не отступалъ къ Галичу. Лешко, заключивъ мирный договоръ съ Андреемъ, удалился въ свою землю; слыша это, и Ольговичи пошли назадъ. Галичане не имѣли Князя и узнавъ, что Король хочетъ идти домой, совѣтовались съ нимъ и рѣшились послать за Ярославомъ Всеволодичемъ, княжившимъ въ Южномъ Переяславлѣ. Видя, что Ярославъ медлитъ своимъ прибытіемъ и что Ольговичи могутъ къ нимъ возвратиться, Галичане, по совѣту бояръ, державшихъ сторону Ольговичей (409), послали тайно по Володимера Игоревича; тотъ, нимало не медля и неговоря никому изъ родичей ни слова, прискакалъ въ Галичь. Ярославъ Всеволодовичь, котораго Галичане тщетно ждали къ себѣ

---

(408) Ипатьевская л. стр. 152.
(409) Тамъ же, стр. 163.

въ продолженіи 2 недѣль, пріѣхалъ къ Галичу три дни спустя, какъ туда вошелъ Володимеръ и съ огорченіемъ возвратился въ Переяславль. Ольговичи стояли только за 2 дни пути отъ Галича, но, узнавъ что тамъ уже княжитъ Володимеръ Игоревичь, пошли домой. Всеволодъ Святославичь Чермный (сынъ Святослава Всеволодича), старѣйшій въ семьѣ Ольговичей, возгордившись успѣхомъ своего родственника въ Галичѣ и надѣясь на силу свою, сѣлъ въ Кіевѣ, и по всѣмъ Кіевскимъ городамъ посадилъ посадниковъ. Видя свою слабость, Рюрикъ удалился въ свою вотчину—г. Вручій; сынъ его Ростиславъ въ Вышегородъ, а племянникъ, Мстиславъ Романовичь, въ Бѣлгородъ. Всеволодъ Чермный послалъ въ Переяславль сказать Ярославу: «ступай изъ Переяславля къ отцу своему въ Суждаль, а Галича не ищи подъ моею братьею; если же не пойдешь добромъ, то иду на тебя ратью.» Ярославъ, не имѣя ни отъ кого помощи, удалился изъ Переяславля къ отцу, а Всеволодъ Чермный посадилъ здѣсь сына Михаила (въ послѣдствіи Св. мученика). Рюрикъ не отказался отъ Кіева и, соединившись съ Мстиславомъ Романовичемъ, со всѣми своими сыновьями и племянниками, выгналъ оттуда Всеволода, а Михаила изъ Переяславля и отдалъ Переяславль сыну своему Володимеру, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Всеволодъ Чермный съ братьями и племянниками и со множествомъ Половцевъ опять покушался выгнать Рюрика изъ Кіева, осаждалъ его здѣсь въ продолженіи 3 недѣль и возвратился безъ успѣха. Игоревичи раздѣлили между собою Галицкую землю: Володимеръ сѣлъ въ Галичи, Романъ въ Звенигородѣ, а Святославъ въ Володимери, выгнавъ оттуда Романовичей; Даніилъ и Василько бѣжали къ Князю Лешку. Ольговичи, занявъ Галичь, хотѣли завладѣть всею Юго-Западною Русью (410). Въ 1208 году они пошли на Рюри-

---

(410) Лаврентьев. л. стр. 18?.

ка къ Кіеву; въ ихъ войскѣ находились: Всеволодъ Чермный съ братьями и племянниками и Святополкъ, (княжившій въ Туровѣ и Пинскѣ). Перешедши Днѣпръ, союзники осадили Треполь, гдѣ заключился Ярополкъ Володимеричь; вытерпѣвъ трех-недѣльную осаду, жители сдались. Овладѣвъ Треполемъ, Ольговичи пошли къ Кіеву; къ нимъ пришелъ на помощь Володимеръ Игоревичь изъ Галича. Видя со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ враговъ и не надѣясь ни откуда получить защиты, Рюрикъ уступилъ и бѣжалъ во Вручій. Овладѣвъ Кіевомъ, Ольговичи осадили Бѣлгородъ, гдѣ заключился Мстиславъ Романовичь; онъ защищался до послѣдней крайности, сдалъ городъ и удалился въ Смоленскъ. Точно такимъ образомъ выгнали Ольговичи Мстислава Мстиславича (внука Ростислава Изяславича) изъ Торческаго. Половцы, находившіеся въ войскѣ Всеволода Чермнаго, жестоко опустошили Кіевскую область. «Всеволодъ же Чермный, говоритъ лѣтопись, пришедъ сѣлъ въ Кіевѣ, и много зла сотворилъ землѣ Русской.» Видя господство Ольговичей въ Южной Руси, Всеволодъ Юрьевичь пришелъ въ негодованіе и сказалъ: «развѣ только тѣмъ отчина Русская земля, а намъ не отчина ли? Какъ меня съ ними Богъ (*управитъ*) разсудитъ, хочу пойтти къ Чернигову (411).» Въ 1209 году Всеволодъ собрался въ походъ и послалъ въ Новгородъ за княжившимъ тамъ, сыномъ своимъ, Константиномъ; тотъ пришелъ съ большимъ войскомъ изъ Новоторжцевъ, Ладожанъ, и Плесковичей. Князья Рязанскіе и Муромскіе согласились за одно со Всеволодомъ Юрьевичемъ идти на Ольговичей. Князь Суздальскій отправился было уже въ походъ со всѣми сыновьями своими, какъ вдругъ онъ слышитъ, что Рязанскіе и Муромскіе Князья за одно съ Ольговичами. Въ гнѣвѣ Всеволодъ задержалъ ихъ и отнялъ у нихъ волости. Измѣна

(411) Лаврент. л. стр. 181.

Князей Рязанскихъ, истинная или вымышленная, воспрепятствовала идти въ Южную Русь Всеволоду (412). Но Рюрикъ, услыхавъ о томъ, что Всеволодъ задержалъ Князей Рязанскихъ, началъ сноситься съ Половцами и, воспользовавшись тѣмъ, что Всеволодъ Чермный, опасаясь движенія Князя Суздальскаго, переправилъ всѣ свои силы на Восточный берегъ Днѣпра, напалъ нечаянно съ Половцами на своего соперника; Всеволодъ едва успѣлъ съ семействомъ уйдти въ Черниговъ; Рюрикъ, захвативъ имущество Всеволода въ Кіевѣ, въ знакъ благодарности одарилъ имъ Половцевъ (413). Всеволодъ Чермный, собравъ братьевъ и племянниковъ, приходилъ къ Кіеву на Рюрика, но, стоявъ 2 недѣли подъ городомъ, возвратился безъ успѣха въ Черниговъ. Между Игоревичами, княжившими въ Галицкой землѣ, произошли несогласія и усобицы, подавшія поводъ иноплеменникамъ вмѣшаться въ ея дѣла. Романъ съ помощью Венгровъ выгналъ брата своего Володимера изъ Галича и сѣлъ тутъ княжить (414). Въ 1210 году, Князь Кіевскій, Рюрикъ по соглашенію съ Венгерскимъ Королемъ, послалъ въ Галичь княжить сына своего Ростислава, но Галичане выгнали его отъ себя въ непродолжительномъ времени и призвали къ себѣ опять Романа Игоревича (415). Ольговичи, испуганные примѣромъ Рязанскихъ князей, смирились предъ Всеволодомъ и, при посредничествѣ Митрополита Матѳея, заключили съ нимъ дружественный союзъ: кажется, что, въ слѣдствіе его, Всеволодъ Чермный обязался не искать Кіева подъ Рюрикомъ; но Рюрикъ добровольно обмѣнялся съ нимъ: самъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Кіевъ уступилъ Всеволоду (416). Въ

(412) Лаврентьев. л. стр. 182.
(413) Тамъ же, стр. 183.
(414) Тамъ же, стр. 180.
(415) См. Татищева, Росс. Ист. Кн. 3, стр. 365.
(416) Лаврент. л. стр. 184.

1212 г. скончался Всеволодъ Юрьевичь, княживъ 37 лѣтъ въ Суздальской землѣ. Между сыновьями его Юріемъ, Константиномъ и Ярославомъ возникли междуусобія; два раза Юрій съ Ярославомъ приступали къ Ростову—и безъ успѣха (417). Въ 1213 г. Юрій вывелъ изъ Москвы брата Володимера и послалъ княжить въ Южный Переяславль; область этого города была жестоко опустошена Половцами въ 1210 году. Въ 1215 г. Володимеръ Всеволодовичь, только что женившійся на дочери Глѣба Святославича, вышелъ на встрѣчу Половцамъ, шедшимъ опустошать его волости, былъ захваченъ ими въ плѣнъ и уведенъ въ ихъ вежи. Своевольные Галичане не могли ужиться и съ Игоревичами; послѣдніе ненавидѣли бояръ, считая ихъ независимость и самовольство источникомъ безпорядковъ, избили многихъ изъ нихъ, и, стараясь опереться на низшее сословіе, роздали многимъ простолюдинамъ большія помѣстья и выдали за нихъ вдовъ и дочерей боярскихъ. Родственники убитыхъ возненавидѣли Игоревичей и искали ихъ гибели (418). Они пытались было отравить ихъ ядомъ, но усердіе приверженцевъ Игоревичей дѣлало всѣ усилія ихъ злодѣевъ безполезными. Въ 1212 г. Галицкіе бояре послали къ Королю Венгерскому съ просьбою прислать имъ войско, чтобы изгнать ненавистныхъ Игоревичей; они обязывались заплатить всѣ издержки, которыхъ будетъ стоить снаряженіе въ походъ этого войска. Бояре предлагали охотно Галицкое княженіе сыну Андрееву съ условіемъ принять Православіе или клятвенно обязаться не безпокоить нисколько насчетъ вѣроисповѣданія членовъ Восточной церкви. Король послалъ на помощь Галичанамъ 4,000 войска съ воеводами (419); Игоревичи были захвачены въ

---

(417) Лаврентьев. лѣт. стр. 185.
(418) Ипатьев. л. стр. 158.
(419) Исторія Татищева, Кн. 3. стр. 372.

Галичѣ, подверглись жестокимъ оскорбленіямъ презираемыхъ ими бояръ и лишились жизни, не смотря на усилія Венгровъ, хотѣвшихъ ихъ живыми отвести къ Королю. Любимцы Игоревичей также дорого заплатили за свое минутное возвышеніе; многіе изъ нихъ погибли въ мукахъ; другіе едва спаслись, пожертвовавъ всѣмъ своимъ достояніемъ. Бояре дали Венграмъ 1,000 гривенъ серебра, въ знакъ благодарности за оказанную ими помощь. Тутъ между самыми боярами возникли несогласія и смуты о томъ, кому княжить въ Галичѣ (420); одни хотѣли Даніила Романовича, другіе Александра Всеволодича; однимъ словомъ каждый изъ бояръ хотѣлъ посадить на престолъ такого князя, который довольствовался бы титуломъ, а всю власть предоставилъ бы ему. Одинъ изъ знатнѣйшихъ бояръ, главный виновникъ паденія Игоревичей, *кормиличичь* (Hofmeister) Володиславъ самъ сталъ княжить въ Галичѣ; но другимъ боярамъ это было завидно и они рѣшились лучше предложить Галицкую корону сыну Короля Андрея, Коломану. Венгерское войско вошло въ Галицкую землю; Володислава отослали въ заточеніе въ Венгрію, гдѣ онъ и умеръ. Король Андрей, чтобы склонить на свою сторону Князя Ляшскаго, Лешка, отдалъ ему Перемышль и сына своего, Коломана, женилъ на его дочери. Романовичамъ Лешко и Андрей съ общаго совѣта отдали Володимерь, которымъ завладѣлъ было Александръ Всеволодичь (421). Съ Галицкими боярами Король Андрей сдѣлалъ договоръ за сына своего, Коломана, которымъ обязался не тѣснить Православнаго исповѣданія. Это обѣщаніе было скоро нарушено, Коломанъ явился въ Галичь въ сопровожденіи 2 католическихъ Епископовъ и былъ коронованъ *Королемъ Галиціи*. Малолѣтство Коломана было совершенно по вкусу

---

(420) Ипат. л. стр. 157—158.
(421) Тамъ же, стр. 159—160.

своевольныхъ бояръ; многіе изъ нихъ обѣщаніями и наградами дали себя склонить къ Латинской вѣрѣ и смотрѣли сквозь пальцы на угнѣтеніе соотечественниковъ. Двѣ Православныя церкви были обращены въ костелы и Епископъ Галицкій подвергся оскорбленіямъ Венгровъ (422). Нѣкоторые изъ бояръ, оставшихся вѣрными Православію, послали двухъ вѣрныхъ людей въ Смоленскъ ко Мстиславу Романовичу, прося его освободить Галичь отъ Королевича и Папистовъ. Будучи боленъ, Мстиславъ Романовичь отправилъ посланныхъ къ Мстиславу Мстиславичу въ Новгородъ. Въ 1214 г. Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, правнукъ Олега, выгналъ внуковъ Ростиславовыхъ изъ Руси, сказавъ: « вы въ Галичѣ повѣсили, какъ злодѣевъ, двухъ братьевъ моихъ и такимъ поступкомъ положили укоръ на всѣхъ; нѣтъ вамъ болѣе участка въ Русской землѣ (423).» Внуки Ростиславовы прислали къ Новогородскому Князю Мстиславу Мстиславичу, приглашая его противъ Всеволода. Мстиславъ сказалъ о томъ Новогородцамъ на вѣчѣ; они энергически отвѣчали: « куда, князь, поведешь глазами своими, тамъ мы головы свои положимъ (424).» Въ Іюнѣ Мстиславъ пошелъ съ Новогородцами къ Кіеву; у Смоленска Новогородцы поссорились со Смолянами, убили одного изъ нихъ и отказались идти далѣе за Мстиславомъ. Князь, не обнаруживъ досады, разстался съ ними дружелюбно и продолжалъ путь одинъ. Посадникъ Твердиславъ убѣдилъ Новгородцевъ послѣдовать за нимъ; они нагнали Князя и начали съ нимъ воевать города Черниговскіе, лежавшіе по Днѣпру. Взявъ на щитъ городъ Рѣчицу и многіе другіе, Новогородцы осадили Вышегородъ; Всеволодъ Чермный поспѣшилъ противъ нихъ съ войскомъ и былъ

---

(422) Исторія Татищева, Кн. 3. стр. 377.
(423) Троицкая лѣтопись, стр. 211.
(424) Новогород. первая лѣтоп. стр. 32.

разбитъ: Мстиславу достались въ плѣнъ 2 князя: Ростиславъ Ярославичь и Ярополкъ, братъ его, внукъ Олеговъ. Вышегородцы поклонились Мстиславу и отворили ему ворота; а Всеволодъ бѣжалъ изъ Кіева за Днѣпръ. Кіевляне поклонились Мстиславу; онъ съ братьею и Новогородцами вошелъ въ ихъ городъ и посадилъ въ немъ Княземъ Мстислава Романовича. Князья перешли Днѣпръ, осадили Черниговъ и принудили Всеволода Чермнаго отказаться отъ Кіева. Осыпанные подарками, Новогородцы и Князь ихъ Мстиславъ возвратились домой; впрочемъ Мстиславъ въ слѣдующемъ (1215) году отправился въ Кіевъ, сказавъ Новогородцамъ на вѣчѣ: «у меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ (425).» Услышавъ о томъ, что Ярославъ Всеволодичь, призванный на его мѣсто, тѣснитъ Новогородцевъ, Мстиславъ Мстиславичь въ томъ же году возвратился въ Новгородъ и заключилъ тѣсный союзъ съ Константиномъ Всеволодичемъ противъ его братьевъ Юрія и Ярослава. Въ 1216 г. на р. Липечи была рѣшена кровопролитною битвою судьба Сѣверной Руси: Константинъ, съ помощью Мстислава, сѣлъ княжить въ Володимери, а Юрій въ Радиловѣ городкѣ (426). Въ 1217 г. Мстиславъ опять ѣздилъ въ Южную Русь, оставивъ въ Новѣгородѣ жену и сына Василья. Лѣтопись говоритъ (427), что въ 1215 г. «преставился Рюрикъ Ростиславичь, Князь Кіевской, княживъ въ Черниговѣ.» По Татищеву (428), и вѣрнѣе, этотъ Князь умеръ еще въ 1211 году. Въ 1217 г. Мстиславъ Мстиславичь, находясь въ Кіевѣ, совѣтовался со Мстиславомъ Романовичемъ относительно Галича; они отправили

---

(425) Новгородская первая лѣтопись, стр. 32.

(426) Тамъ же, стр. 33—35. Лаврент. л. стр. 186. Троицкая лѣтопись, стр. 211—213.

(427) Лаврент. л. стр. 185.

(428) Татищева, Росс. Исторія, Кн. 3, стр. 369.

посла къ Коломану, напоминая ему обѣщаніе не притѣснять Православія, и грозя ему войною (429). Посолъ возвратился безъ успѣха и гоненія на Православныхъ продолжались. Тогда Русскіе князья рѣшились прибѣгнуть къ силѣ оружія. Въ 1218 г. Мстиславъ Мстиславичь прибылъ въ Новгородъ, созвалъ вѣче на Ярославли дворѣ и сказалъ: «кланяюсь Святой Софьѣ, гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай Богъ лечь во Святой Софьи подлѣ отца (430).» Новогородцы весьма неохотно отпустили любимаго князя. Первый походъ Мстислава Мстиславича на Галичь съ Володимеромъ Рюриковичемъ (старшій братъ его, Ростиславъ Рюриковичь, умеръ въ Туровѣ въ 1218 г.) и съ Василькомъ Полоцкимъ былъ неудаченъ; Коломанъ съ помощью отца удержался въ Галичѣ, да и жители его необнаружили большой охоты передаться Русскимъ Князьямъ (431). И Венгры, и Русскіе Князья равно подозрѣвали Галичанъ въ предательствѣ и вѣроломствѣ (432). Видя съ ихъ стороны холодность, Мстиславъ мстилъ имъ жестокимъ опустошеніемъ ихъ земли. Но Галичане, терпя, со стороны Венгровъ, часъ отъ часу сильнѣйшее угнѣтеніе въ свободномъ отправленіи Богослуженія (самая соборная церковь обращена была въ костелъ) — послали ко Мстиславу съ мольбою изгнать Королевича и самому сѣсть въ Галичѣ (433). Въ 1219 г. Мстиславъ предпринялъ рѣшительный походъ на Галичь (434); почти всѣ Русскіе Князья его сопровождали; въ его войскѣ находились: Володимеръ Рюриковичь (изъ Вручія), Ростиславъ Давидовичь (изъ Смоленска), Мстиславъ и Рос-

---

(429) Татищева Р. И. стр. 402.

(430) Новогородская первая лѣтопись, стр. 36.

(431) Татищева Росс. Исторія, кн. 3, стр. 417.

(432) Тамъ же, стр. 422.

(433) Тамъ же кн. 3. стр. 424.

(434) Троицкая лѣтопись, стр. 216.

тиславъ Мстиславичи съ Луцкими и Туровскими полками. Ярославъ Мстиславичь Переяславскій, Мстиславъ Черниговскій и Даніилъ Володимерскій—всѣхъ Князей было 17; они сошлись со всѣми своими силами въ Пересопницѣ; по счету воиновъ оказалось болѣе 50,000 человѣкъ; Мстиславъ нанялъ еще 2,500 Половцевъ. Коломанъ съ своей стороны не терялъ времени и послалъ просить о помощи отца и Князя Лешка. Послѣдній пришелъ со всѣми силами. Находящіяся у насъ лѣтописи сообщаютъ слѣдующее краткое извѣстіе объ этомъ походѣ Мстислава на Галичь и о его послѣдствіяхъ: «въ томъ же году (1219) пошелъ князь великій Мстиславъ и князь Володимеръ изъ Кіева въ Галичь на Королевича и вышли имъ на встрѣчу Галичане и Чехи, и Ляхи, и Морава, и Угры сошлись полками; и пособилъ Богъ князю великому, Мстиславу, и въ городъ въ Галичь въѣхалъ, а Королевича захватилъ и съ женою, заключилъ миръ съ Королемъ, освободилъ и возвратилъ ему сына его, самъ сѣлъ въ Галичѣ, а Рюрикъ Володимеричь въ Кіевѣ (435).» Но въ исторіи Татищева (436) находимъ объ этомъ событіи любопытныя подробности, извлеченныя имъ изъ неизвѣстной намъ лѣтописи. Русскіе Князья двинулись изъ Пересопницы къ Микулину, на рѣкѣ Сeретъ поразили сторожевой отрядъ Венгровъ и взяли Теребовль; въ семъ городѣ оставили обозы, а плѣнныхъ отослали въ Луцкъ. У Галича Русскія войска сошлись съ иноплеменниками. Мстиславъ сдѣлалъ приготовленіе къ битвѣ; въ срединѣ сталъ самъ; на правомъ крылѣ поставилъ Мстислава Черниговскаго, на лѣвомъ Мстиславичей Мстислава и Ростислава; на переди Володимера Рюриковича и младшихъ Князей. Расположеніе непріятелей было таково: Король стоялъ въ срединѣ, на правой рукѣ: Лешко съ своими полками, а на лѣвой—Вен-

---

(435) Новгород. лѣтопись стр. 37. Троицкая стр. 216.
(436) Татищева, Росс. Ист. кн. 3. стр. 424—428.

герскій воевода Батуръ съ Галичанами. Когда начался бой, Ляхи и особенно Венгры сильно тѣснили полки Русскіе; видя это, Мстиславъ Мстиславичь, взявъ съ собою 2,000 Половцевъ и отборную дружину, оврагомъ обошелъ Ляховъ, ударилъ на нихъ съ тылу, смялъ и захватилъ даже главное знамя Лешка. Мстиславъ Черниговскій съ своей стороны разсѣялъ Галичанъ и обошелъ Венгровъ; оба Мстислава соединенными силами ударили на Венгровъ, которые уже поразили было Володимера Рюриковича, и разбили ихъ. Коломанъ затворился въ Галичѣ. Венгровъ пало въ битвѣ до 20,000, Поляковъ 3,000; первыхъ взято въ плѣнъ 3,000, въ томъ числѣ воевода Батуръ и одинъ Латинскій Епископъ; Поляковъ взято болѣе, потому что они собрались подъ стягъ Лешковъ, находившійся уже во власти Мстислава; оба обоза Венгерскій и Ляшскій — достались побѣдителямъ (437). Руси пало до 3,000, да 1,000 Половцевъ; изъ Князей убиты: братъ Великаго Князя Игорь Романовичь и Святославъ Володимеричь; многіе ранены, въ томъ числѣ Великій Князь и Володимеръ Рюриковичь. Мстиславъ Мстиславичь раненъ не былъ, но подъ нимъ убиты были въ сраженіи 2 коня. Русскіе Князья обступили Галичь и, въ продолженіи 17 сутокъ, ежедневно не давали покоя осажденнымъ, а между тѣмъ отвели воду отъ города, который въ тоже время опустошенъ былъ жестокимъ пожаромъ. Доведенный до крайности, Коломанъ принужденъ былъ сдаться; съ обѣихъ сторонъ заключенъ былъ договоръ. Коломанъ обязался за себя и отца навсегда отказаться отъ Галича, заплатить Русскимъ Князьямъ 7,500 фунтовъ чистаго серебра (150,000 гривенъ) и до взноса этой суммы остаться заложникомъ съ женою, освободить всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ и предать на судъ Русскаго Епископа Латинскихъ поповъ. Галичь отворилъ ворота; въ

---

(437) Татищева Росс. Ист. кн. 3. стр. 427.

тотъ же день Коломанъ послалъ просить о своемъ выкупѣ и до полученія его былъ отвезенъ въ г. Торческъ. Князья на совѣтѣ отдали Галичь Мстиславу Мстиславичу, Володимеру Рюриковичу—1000 гривенъ серебра; Половцы были одарены съ избыткомъ добычею оставшеюся послѣ пораженія Ляховъ и Венгровъ и удалились въ степи. Коломанъ находился въ Торческѣ годъ и 2 мѣсяца (438). Отецъ его, Андрей, въ 1221 г. прислалъ выкупъ и ласковое письмо Мстиславу Мстиславичу, гдѣ обязался свято соблюсти всѣ условія Галичскаго договора. Мстиславъ съ своей стороны дружелюбно отпустилъ Коломана; а деньги полученныя отъ его отца, за вычетомъ въ свою пользу одной трети, разослалъ всѣмъ Князьямъ кромѣ Володимера и Мстислава. Волынская лѣтопись, которая эпическимъ своимъ характеромъ и отсутствіемъ правильной хронологіи рѣзко отличается отъ прочихъ нашихъ лѣтописей, разсказываетъ приведенныя событія кратче, въ сущности также, но и притомъ съ тою разницею, что на первомъ планѣ вездѣ является Даніилъ Романовичь, котораго эта лѣтопись старается вездѣ выставить героемъ. Вотъ разсказъ Волынской лѣтописи по сколько онъ отличается отъ вышеприведеннаго. Андрей, посадивъ сына Коломана въ Галичѣ, отдалъ Перемышль Лешку, но потомъ скоро опять себѣ присвоилъ. Лешко обидѣлся и послалъ по Мстислава Мстиславича, обѣщая завоевать для него Галичь (439). Лешко сдержалъ слово, но, посадивъ Мстислава въ Галичѣ, занялъ значительную часть Володимерской области, гдѣ княжилъ Даніилъ Романовичь, зять Мстислава (женатый на его дочери—Аннѣ). Даніилъ опустошилъ владѣнія Лешка, (мстя за то, что тотъ завладѣлъ Берестіемъ и другими городами)

---

(438) Татищева И. Р. кн. 3. стр. 428.
(439) Ипатьев. л. стр. 160.
(440) Тамъ же, стр. 161.

если безъ согласія, то не безъ вѣдома тестя (440). *Лешко*, раздраженный, какъ онъ полагалъ, неблагодарностію Мстислава, послалъ сказать Королю Андрею, что онъ уступаетъ сыну его весь Галичь, лишь бы не было тамъ Мстислава. Соединенными силами Лешко и Андрей легко овладѣли Галичемъ, благодаря особенно непостоянству бояръ; Даніилъ удалился оттуда въ Володимерь, а Мстиславъ въ Половецкую землю. Между тѣмъ какъ Мстиславъ собиралъ Половцевъ, Даніилъ заключилъ союзъ съ Литовскими Князьями и, при ихъ помощи, нанесъ большой вредъ Лешковымъ владѣніямъ. Мстиславъ съ помощью Половцевъ занялъ Галичь и поразилъ Венгровъ (441). У Даніила Романовича и брата его Василька былъ дѣятельный и опасный врагъ, двоюродный братъ, Александръ Всеволодичь, Князь Бельзскій; онъ держалъ сторону Лешка, за что Даніилъ отмстилъ ему жестокимъ опустошеніемъ его волости (442). Вкравшись въ довѣріе Мстислава Мстиславича, Александръ наговаривалъ ему на Даніила, говоря, что зять хочетъ отнять у него и жизнь и владѣнія. Мстиславъ тѣмъ охотнѣе этому вѣрилъ, что видѣлъ привязанность Галичанъ къ Даніилу. Ссора между послѣднимъ и его тестемъ перешла въ открытую войну: Даніилъ призвалъ на помощь Лешка и отбился отъ нападеній Мстислава (443). Въ послѣдствіи Мстиславъ увидѣлъ свою ошибку, но исправить было поздно. Мстиславъ немогъ ужиться съ безпокойными Галицкими боярами; дѣло дошло до того, что всѣ бояре удалились было въ Перемышльскую область, въ *Кавказскія* или *Венгерскія* горы, къ источникамъ Днѣстра. Имъ наговорилъ одинъ бояринъ, именемъ Жирославъ, будто Мстиславъ замышляетъ съ тестемъ своимъ, Ханомъ Половецкимъ, Ко-

---

(441) Ипатьев. л. стр. 162.
(442) Тамъ же, стр. 163.
(443) Тамъ же, стр. 165.

тяномъ ихъ избіеніе. Мстиславъ, узнавъ о бѣгствѣ бояръ, отправилъ въ слѣдъ за ними духовника своего, именемъ Тимофея, человѣка ученаго и краснорѣчиваго, который поклялся отъ имени Мстислава, что этотъ Князь не замышляетъ имъ никакого вреда. Бояре возвратились, а Жирославъ былъ изгнанъ. Впрочемъ и послѣ того Мстиславъ не былъ въ ладу съ боярами; одинъ изъ нихъ, именемъ Судиславъ, которому Мстиславъ далъ въ управленіе г. Звенигородъ, прямо сказалъ этому Князю: «не можешь ты удержать самъ Галича, а бояре не хотятъ тебя.» По совѣту хитрыхъ бояръ Галицкихъ Мстиславъ обручилъ дочь свою Королевичу Андрею, и далъ ему Перемышль: Андрей, повѣривъ навѣтамъ боярина Семіюнка Чермнаго на Мстислава, бѣжалъ въ Венгрію къ отцу. Король Андрей вступилъ въ Галицкую землю, взялъ измѣною Перемышль и, съ помощью Лешка, овладѣлъ Звенигородомъ, Теребовлемъ и Тихомлемъ, но долженъ былъ отступить отъ Кременца (444). Мстиславъ разбилъ Короля; впрочемъ бояре помѣшали ему извлечь выгоду отъ этой побѣды, втайнѣ благопріятствуя Королю; бояре Жирославъ и Изяславъ даже ушли за нимъ въ Венгрію. Другіе бояре, какъ-то Глѣбъ Веремѣевичь и Судиславъ, совѣтовали Мстиславу выдать дочь свою за Королевича Андрея, а себѣ взять часть Галицкой области. Мстиславъ такъ и сдѣлалъ; уступивъ Галичь Королевичу Андрею, удалился въ Торческій, оставивъ за собою Понизье. Имя Мстислава Мстиславича находится въ тѣсной связи съ первымъ враждебнымъ столкновеніемъ Татаръ съ Русью, вину коего лѣтопись слагаетъ на Мстислава. Побѣдивъ Язовъ, Обезовъ и Косоговъ, Татаре ударили на Половцевъ и разбили ихъ. Ханы Половецкіе искали убѣжища въ Руси; между ними знатнѣйшій

---

(444) Ипатьев. л. стр. 166.

Котянъ пришелъ къ своему зятю Галицкому Князю Мстиславу, принесъ ему дары и звалъ его въ походъ на Татаръ. «Котянъ умолялъ зятя своего о помощи, Мстиславъ же началъ просить за него Князей Русскихъ, братьевъ своихъ, говоря: если мы, братья, симъ (т. е. Половцамъ) не поможемъ, то они передадутся имъ, и тѣмъ ихъ сила будетъ больше.» Князья опредѣлили помочь Половцамъ и встрѣтить Татаръ внѣ своихъ предѣловъ. Это совѣщаніе, имѣвшее столь важныя послѣдствія, происходило въ Кіевѣ: на немъ присутствовали: Мстиславъ Романовичь Кіевскій, Мстиславъ Козельскій, княжившій въ Черниговѣ, Мстиславъ Галицкій; «они то были старѣйшинами въ Русской землѣ»—по выраженію лѣтописи (445); изъ младшихъ Князей присутствовали: Даніилъ Романовичь (братъ его—Василько—по ранней юности остался въ Володимери), Михайло Всеволодичь, Всеволодъ Мстиславичь Кіевскій и многіе иные; Великаго же Князя Юрія Суздальскаго не было въ томъ совѣтѣ. Собравъ всю землю Русскую, князья выступили противъ Татаръ и пришли къ рѣкѣ Днѣпру, на Зарубъ, къ Варяжскому острову. Тутъ они встрѣтили Татарскихъ пословъ, совѣтовавшихъ Руси не заступаться за Половцевъ; послы были побиты. Князья Русскіе продолжали путь и, не дошедши Олешья, остановились на Днѣпрѣ; тутъ явились вторые послы отъ Татаръ уже съ объявленіемъ войны; ихъ отпустили безъ вреда. У Олешья пришли къ Русскимъ Князья Половецкіе со всею землею. Мстиславъ Галицкій разбилъ тутъ передовой отрядъ Татарскій. Галицкіе *выгонци* пріѣхали (446) въ лодьяхъ по Днѣстру, плыли вдоль морскаго берега, вошли въ Днѣпровское устье и, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, остановились у Хортицы; предводителями ихъ были Юрій Дома-

(445) Троицкая лѣтопись, стр. 216—219.

(446) Ипатьев. л. стр. 164; Новгородская л. стр. 39—41.

мѣричь и Держикрай Володиславичь. Татаре пришли посмотрѣть на Русскія ладьи и тутъ Даніилъ Романовичь впервые увидѣлъ тѣхъ, передъ которыми послѣ долженъ былъ унижаться въ Ордѣ. Князья Русскіе перешли Днѣпръ и, поощряемые маловажными успѣхами, углубились въ степи; на р. Калкѣ, въ 8 дняхъ пути отъ Днѣпра, Русь встрѣтила главную силу Татарскую. Неудовольствіе, *котора* (распря) господствовала въ станѣ Русскихъ Князей; Мстиславъ Галицкій вступилъ въ бой съ Татарами, не предъувѣдомивъ другихъ Мстиславовъ, и былъ разбитъ. Даніилъ Романовичь показалъ отличное мужество и получилъ рану (лѣтопись по этому случаю говоритъ, что Даніилу было тогда 18 лѣтъ; если такъ, то онъ родился въ 1204 или 1205 г.) Мстиславъ Нѣмой (сынъ Ярослава Изяславича), любившій Даніила, избавилъ его отъ опасности. Мстиславъ Галицкій, переплывъ Днѣпръ, велѣлъ истребить ладьи; Володимеръ Рюриковичь, узнавъ о смерти Мстислава Романовича, сѣлъ въ Кіевѣ. Со времени пораженія при Калкѣ наши лѣтописи (447) упоминаютъ изъ событій Галицкой Руси только о кончинѣ Мстислава Мстиславича: «того же лѣта преставися (1228 г.) Мстиславъ Мстиславичь въ черницхъ и въ скимѣ.» Волынская лѣтопись сообщаетъ еще нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ; онъ раскаевался, что отдалъ Галичь иноплеменнику и говорилъ такъ довѣренному лицу Даніила Демьяну (448); сынъ мой! погрѣшилъ я недавъ тебѣ Галича, но отдавъ его иноплеменнику, по совѣту обманщика Судислава, введшаго меня въ заблужденіе; пойдемъ на Венгровъ съ помощью Божіею; я призову на помощь Половцевъ, а ты пойдешь своими (полками); если Богъ благословитъ насъ, ты возьми Галичь, а я Понизье, и я надѣюсь что, Богъ

---

(447) Лаврент. л. стр. 191.
(448) Ипатьев. л. стр. 167.

тебѣ поможетъ.» Впрочемъ этотъ замыселъ небылъ приведенъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ при жизни Мстислава. О смерти его Волынская лѣтопись говоритъ такъ: «Потомъ же Мстиславъ великій *удатный* князь умеръ: Онъ весьма желалъ видѣть названнаго сына своего Даніила; но приближенный Мстислава, Глѣбъ Веремѣевичь, мучимый завистью, не пустилъ Даніила; а ему-то Мстиславъ хотѣлъ поручить домъ свой и дѣтей своихъ ему ввѣрить, ибо имѣлъ къ нему великую любовь въ сердцѣ своемъ.»

ГЛАВА VI.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПРИ ДАНІИЛѢ РОМАНОВИЧѢ ГАЛИЦКОМЪ (*).

Волынская лѣтопись начинаетъ исторію Даніила слѣдующими словами (449): «Начнемъ повѣствованіе о безчисленныхъ ратяхъ, и великихъ трудахъ, и частыхъ воійнахъ, и многихъ крамолахъ, и непрерывныхъ возстаніяхъ и многихъ мятежахъ; изъ млада не было имъ (т. е. Даніилу и брату его Васильку) покоя.» Романовичи остались по смерти отца весьма молоды, почти въ младенчествѣ; они были игралищемъ и бояръ и сосѣднихъ Государей Короля Венгерскаго и Судомирскаго Князя Лешка, которые поочередно выставляли себя защитниками ихъ правъ, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла Галицкой земли. Немедленно по смерти Романа, его вдова видѣлась съ Королемъ Венгерскимъ Андреемъ въ Санокѣ; Андрей принялъ Даніила, какъ милаго своего сына и оставилъ ему войско, нужное

(*) *Источникъ:* Волынская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. II. с. 155—202). *Пособія: С. М. Соловьева:* Даніилъ Король Галицкій (Соврем. 1847, N 1.); *Карамзина,* И. Г. Р. томы 3-й и 4-й. *Röppel* Geschichte Polens. S. 405 sqq; *Engel* Geschichte von Galizien und Lodomerien, S. 554 sqq.

(449) Ипатьев. л. стр. 166.

для защиты его отъ бояръ, которые ненависть къ Роману Мстиславичу, старавшемуся обуздать ихъ своеволіе, простерли и на его сына (450). Въ Галичь по смерти Романа возвратились два боярина, *кормиличича*, изгнанные имъ за то, что они держали сторону Ольговичей. По совѣту этихъ бояръ Галичане призвали Игоревичей и посадили въ Галичѣ Володимера, а въ Звенигородѣ—Романа. Вдова Романа Мстиславича съ дѣтьми своими бѣжала въ Володимерь. Володимеръ Игоревичь послалъ къ жителямъ его попа, имъ объявить, что если они не выдадутъ Романовичей и не посадятъ у себя княжить Святослава, брата его, то онъ разрушитъ ихъ городъ. Жители хотѣли убить попа, но нѣкоторые бояре, замышляя измѣну, спасли его; замѣчая колебаніе умовъ, вдова Романова, посовѣтовавшись съ дядькою дѣтей своихъ, Мирославомъ, ночью бѣжала къ Лешку: Мирославъ несъ Даніила, а Василька попъ Юрій съ кормилицею; они вышли изъ города проломомъ и не знали куда бѣжать, ибо Лешко еще не заключалъ мира и помнилъ походъ Романа. Впрочемъ Лешко очень радъ былъ, что случай доставилъ ему драгоцѣнный залогъ для смутъ земли Галицкой, принялъ ласково вдову Романа и винилъ злыхъ людей (особенно какого-то Володислава), что они посѣяли вражду между нимъ и ея покойнымъ супругомъ. Лешко отправилъ Даніила къ Королю Венгерскому, а у себя оставилъ Василька. Игоревичи скоро поссорились: Романъ съ помощью Венгровъ выгналъ брата Володимера изъ Галича и послѣдній бѣжалъ въ Путивль. Лешко, женатый на Русской княжнѣ Гремиславѣ, обѣщался брату ея Александру Всеволодичу завоевать для него Володимеръ и подступилъ съ нимъ къ этому городу (451). Жители, понадѣясь на присутствіе

---

(450) Ипатьев. л. стр. 156.
(451) Тамъ же, стр. 157.

племянника Романова безъ сопротивленія сдали городъ, который и былъ жестоко опустошенъ Ляхами; Святославъ Игоревичь былъ взятъ въ плѣнъ ими, а въ Володимери Лешко посадилъ своего шурина Александра; сначала было тутъ началъ княжить Ингварь Ярославичь, но бояре не возлюбили его и выпросили себѣ Княземъ у Лешка Александра. Жители г. Берестія пришли къ Лешку и склоняли его, пустить къ нимъ княжить Романовичей съ матерью; получивъ желанное, они встрѣтили сиротъ съ радостью и видѣли въ Даніилѣ втораго *великаго Романа*. Даніилъ остался въ Берестіи; Александръ далъ брату его, Васильку, Бельзъ, взявъ себѣ Угровескъ, Верещинъ, Столпье и Комовь; а брату своему, Всеволоду, далъ Червенъ. Ятвяги, пользуясь внутренними смутами Володимерской области, жестоко опустошили ея землю, разоривъ окрестности Туриска до самаго Червена: « прискорбно было, говоритъ лѣтопись, въ землѣ Володимерьской отъ безпрерывныхъ набѣговъ Ятвяжьскихъ и Литовскихъ.» Андрей, Венгерскій Король, послалъ въ Галичь воеводу своего Бенедикта съ войскомъ; тотъ захватилъ въ расплохъ Романа (мывшагося въ банѣ) и отправилъ въ Венгрію; съ ужасомъ говоритъ лѣтопись о господствѣ этого Бенедикта въ Галичѣ, и о постыдныхъ дѣлахъ его, называя его истиннымъ Антихристомъ. Романъ ушелъ изъ Венгріи и Галичане вызвали опять Володимера Игоревича, сказавъ ему: « согрѣшили мы къ вамъ; избавь насъ отъ *томителя сего* Бенедикта.» Соединивши свои силы, Игоревичи выгнали Венгровъ: Володимеръ сѣлъ въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ (452). Одному сыну Изяславу Володимеръ далъ Теребовль, а другаго послалъ съ дарами въ Венгрію склонить къ миру Короля. Андрей, не имѣя еще сыновей, хотѣлъ

---

(452) Ипатьев. л. стр. 157.

обручить свою дочь Даніилу Романовичу, котораго онъ очень полюбилъ. Игоревичи замыслили избить бояръ и погубили ихъ до 500; но нѣкоторые ушли въ Венгрію (и въ томъ числѣ Володиславъ *кормиличичь*, Судиславъ и Филиппъ). Тутъ они выпросили у Короля войско и Даніила Романовича, чтобы отъ его имени занять Галичь. Андрей послалъ своего *дворьскаго* (или придворнаго) Пота; къ Венграмъ присоединились Лешко съ полками, вспомогательный отрядъ Василька изъ Бѣльза, Александръ изъ Володимера съ братомъ, Мстиславъ Нѣмой изъ Пересопницы, Ингварь изъ Луцка. Перемышль сдался безъ сопротивленія; бояре говорили его жителямъ: « братья, зачемъ колеблетесь? Не Игоревичи ли избили отцевъ и братьевъ вашихъ, имѣніе все ваше разграбили, а дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, и родовымъ вашимъ имѣніемъ обогатились пришельцы? Не за нихъ ли хотите душу свою положить (453)?» Но жители Звенигорода оказали сопротивленіе; Изяславъ Володимеричь пришелъ къ нимъ на помощь съ Половцами и имѣлъ нѣкоторой успѣхъ надъ Венграми; но когда Романъ, уходившій изъ Звенигорода, былъ ими пойманъ, то жители сдались. Володимеръ Игоревичь съ сыномъ Изяславомъ бѣжали изъ Галича. Торжество бояръ было полное; они посадили на престолѣ Даніила Романовича, еще не способнаго править самовластно; малолѣтство его давало полное раздолье своеволію бояръ. Вдова Романова поспѣшила въ Галичь; но бояре не хотѣли допустить ее до дѣлъ правленія и, не смотря на сопротивленіе сына ея, Даніила, выгнали ее изъ города; она удалилась въ Бельзъ. Король Андрей вошелъ въ Галичь и хотѣлъ наказать бояръ за изгнаніе вдовы Романовой; но иные деньгами, иные однимъ страхомъ и отдѣлались; только Володислава ото-

---

(453) Ипатьев. л. стр. 158.

слалъ Король въ Венгрію; братья этого боярина бѣжали въ Пересопницу и оттуда Князя Мстислава Нѣмаго повели на Галичь; Бужскъ сдался имъ: Даніилъ съ матерью ушли въ Венгрію, а Василько въ Бельзъ. Лешко отнялъ у него этотъ городъ и отдалъ его Александру Всеволодичу; Василько съ боярами удалился въ Каменецъ. Король Венгерской собрался идти въ Галичь и освободилъ Володислава; пользуясь внутренними смутами Венгріи, гдѣ бояре возстали на Короля, убили его супругу, любимыхъ имъ Нѣмцевъ и едва пощадили его самаго, Володиславъ вошелъ въ Галичь, откуда, при его приближеніи, Мстиславъ удалился, и провозгласилъ себя княземъ (454). Мстиславъ Пересопницкій, обославшись съ Лешкомъ, пошелъ на Галичь. Лешко съ другой стороны двинулся туда же; съ нимъ были: Даніилъ изъ Каменца, Всеволодъ изъ Бельза, братъ его, Александръ, изъ Володимера. Володиславъ ушелъ въ Венгрію, а въ Галичи затворились его братья. Хотя Лешко и Русскіе князья на р. Боброкѣ разбили Володислава, но взять Галича не могли и ограничились опустошеніемъ страны; Александръ, при посредничествѣ Лешка, уступилъ Романовичамъ Перемышль и Тихомль. Лешко, будучи не въ состояніи овладѣть Галичемъ, отправилъ къ Венгерскому Королю пословъ сказать: « не прилично боярину княжить въ Галичи, но возьми дочь мою за сына своего Коломана и посадимъ ихъ въ Галичи.» Андрей былъ не прочь отъ этого; на совѣщаніи съ Лешкомъ въ *Зъпыши*, онъ распорядился Галицкою землею; сына своего посадилъ въ Галичи, Лешку далъ Перемышль, а боярину Пакославу, который держалъ сторону Романовичей, Любачевъ. По совѣту Пакослава, Лешко отнялъ у Александра Володимеръ и посадилъ въ немъ Даніила и брата его. Андрей не сдержалъ

---

(454) Ипатьев. л. стр. 159.

слова, даннаго Лешку, и, желая владѣть всею Галицкою землею, присвоилъ себѣ какъ Перемышль такъ и Любачевъ. Тогда Лешко призвалъ Мстислава Мстиславича изъ Новагорода. Мстиславъ сѣлъ въ Галичи, и выдалъ за Даніила, дочь свою, Анну; у него родились дѣти: Ираклій, Левъ, Романъ, Мстиславъ, Шварно (455). Лешко, отдавъ Володимерь Даніилу, удержалъ себѣ значительную часть его области. Даніилъ отнялъ ее, а воиновъ Лешковыхъ, высланныхъ противъ него, поразилъ и гналъ до р. Веприя. Тогда Лешко опять соединился съ Королемъ Венгерскимъ; съ ними вошли въ Галичь нѣкоторые бояре, бѣжавшіе оттуда съ приближеніемъ Мстислава (изъ нихъ знатнѣйшій былъ Судиславъ) и приготовившіе имъ легкую побѣду; Перемышль сдался; Городокъ, помѣстье Судислава, также; войско Мстислава было разбито; самъ онъ ушелъ въ Половецкую землю, а союзниковъ своихъ, Даніила и Александра, просилъ затвориться въ Галичи, пока онъ прійдетъ съ помощью; Александръ, опасаясь Венгровъ, ушелъ въ свою волость, а Даніилъ остался въ Галичи. Коломанъ и Ляхи пришли къ городу, были отбиты, но заняли всю Галицкую землю. Видя ихъ успѣхи, Мстиславъ писалъ Даніилу, что онъ можетъ сдать имъ Галичь. Даніилъ пробился, сражаясь, сквозь полки Венгерскіе, до Кучелмины, гдѣ увидѣлся со Мстиславомъ; одаривъ Даніила, Мстиславъ отпустилъ его въ Володимерь; здѣсь въ это время мать Даніилова приняла монашество, но, несмотря на то, раздѣляла съ сыновьями своими труды правленія; такъ она. вмѣстѣ съ ними заключила миръ съ Литовскими и Жимонтьскими Князьями (456). Мстя Лешку, Даніилъ съ ними опустошилъ его владѣнія: на сторону Лешка перешелъ и Князь Александръ. Узнавъ, что Мстиславъ идетъ на Га-

(455) Ипатьев. л. стр. 160.
(456) Тамъ же, стр. 162.

личь и съ Половцами, Лешко пошелъ противъ Даніила и требовалъ отъ него, чтобы онъ не помогалъ Мстиславу; другой Князь Ляшскій—Конрадъ хотѣлъ помирить Лешка съ Даніиломъ, но, примѣтивъ коварство Лешка, совѣтовалъ Даніилу къ нему не ѣздить. Между тѣмъ Андрей послалъ сыну своему Коломану на помощь воеводу *Филю* или *Фильнія* съ Венграми; онъ переловилъ нѣкоторыхъ бояръ, въ томъ числѣ и Судислава, державшихъ сторону Мстислава и отослалъ ихъ въ Венгрію; Филя укрѣпилъ Галичь и самый соборный храмъ Пресв. Дѣвы обратилъ въ крѣпость. Мстиславъ съ Половцами поразилъ Венгровъ; Филя былъ взятъ въ плѣнъ; Мстиславъ вошелъ въ Галичь. Венгры, запершись въ храмѣ, защищались долго, но были вынуждены къ сдачѣ голодомъ и жаждою. Даніилъ, узнавъ о побѣдѣ Мстислава, прибылъ къ нему и они, соединенными силами, очистили Галичь отъ иноплеменниковъ (457). Лешко помирился со Мстиславомъ и Даніиломъ. Александръ былъ оставленъ всѣми союзниками и долженъ былъ вытерпѣть со стороны Даніила жестокое опустошеніе своей волости; впрочемъ, по ходатайству Мстислава, Даніилъ оставилъ Александру Бельзъ (458). Мы видѣли, что, послѣ пораженія Русскихъ Князей Татарами на р. Калкѣ, въ Кіевѣ сѣлъ Володимеръ Рюриковичь, а въ Черниговѣ Михаилъ Всеволодовичь. Послѣдній имѣлъ усобицу съ Олегомъ Курскимъ. Юрій Суздальскій пришелъ на помощь зятю своему, Михаилу, но, при посредничествѣ Митрополита Кирилла, дѣло уладилось мирно (459). Юрій женилъ Василька Константиновича, своего племянника, на дочери Михаила; Всеволоду Константиновичу отдалъ Южный Переяславль, гдѣ послѣ княжилъ братъ Юрья —Святославъ Всеволодичь

---

(457) Ипатьев. л. стр. 162.
(458) Тамъ же, стр. 163.
(459) Карамзина И. Г. Р. т. 3. стр. 252.

(460). Въ Новѣгородѣ княжилъ Всеволодъ Юрьевичь; недовольный гражданами, онъ ночью со всѣмъ Дворомъ бѣжалъ изъ Новагорода и занялъ Торжокъ; сюда прибыли скоро съ полками: Юрій съ братомъ Ярославомъ, Василько Константиновичь съ Ростовцами, Михаилъ съ Черниговцами. Тщетно требовавъ покорности отъ Новогородцевъ и видя ихъ готовность къ отпору, Юрій предложилъ имъ Княземъ, шурина своего, Михаила. Новогородцы согласились. Михаилъ полюбился имъ тѣмъ болѣе, что ходатайствомъ своимъ выручилъ, захваченное Юріемъ, имущество многихъ купцевъ (461). Случилось рѣдкое въ лѣтописяхъ Новагорода явленіе: не Новогородцы выгнали Михаила, но Михаилъ оставилъ Новгородъ (462). Явившись на Ярославли дворѣ, Михаилъ сказалъ Новогородцамъ: « не хочу « у васъ княжить, иду въ Черниговъ; купцевъ ко мнѣ пу« скайте, а какъ земля ваша, такъ земля моя. » Въ 1229 г. Михаилъ опять явился въ Новѣгородѣ; но пробылъ здѣсь не долго и удалился на Югъ, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, Ростислава; въ слѣдующемъ же году Новогородцы выгнали Ростислава, удалившагося сначала въ Торжекъ, а оттуда къ отцу въ Черниговъ; жители Новагорода призвали къ себѣ Ярослава Всеволодича (463). Михаилъ не отказывался отъ притязаній на Новъгородъ и охотно давалъ у себя убѣжище Новогородскимъ бѣглецамъ. За то Ярославъ и Юрій объявили ему войну; первый съ Новогородцами выжегъ Серенскъ, осаждалъ Мосальскъ и вообще причинилъ много вреда Михаиловымъ волостямъ (464). Князь Трубчевскій— Святославъ—безъ успѣха хотѣлъ занять Новгородъ. Воло-

---

(460) Лаврент. л. стр. 191.
(461) Новогородская первая л. стр. 41.
(462) Троицкая л. стр. 219.
(463) Новгородская лѣтопись стр. 46.
(464) Карамзина И. Г. Р. т. 3. стр. 263.

димеръ Рюриковичь княжилъ въ Кіевѣ 10 лѣтъ; въ 1235 году Михаилъ Всеволодичь съ Черниговцами и Изяславъ Мстиславичь съ Половцами пришли къ Кіеву. Володимеръ Рюриковичь былъ уведенъ въ плѣнъ Половцами, а въ Кіевѣ сѣлъ княжить Изяславъ Мстиславичь; но, въ слѣдующемъ году, онъ уступилъ Кіевъ Ярославу Всеволодичу, прибывшему изъ Новагорода, гдѣ, вмѣсто себя, онъ оставилъ сына Александра, въ послѣдствіи Невскаго (465). Пересопницкій Князь Мстиславъ Нѣмой, умирая, отказалъ свои волости Даніилу и его попеченіямъ ввѣрилъ сына своего Ивана, который впрочемъ не долго пережилъ отца; Ярославъ Ингваровичь силою занялъ Луцкъ, а Пинскіе Князья Черторыескъ (466). Даніилъ поѣхалъ на богомолье въ Жидичинъ, Ярославъ звалъ его къ себѣ, бояре совѣтовали Даніилу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы захватить Ярослава въ его же городѣ, но Даніилъ не согласился, а, собравъ войско, занялъ силою Луцкъ и Пересопницу; онъ ихъ отдалъ брату Васильку, которому уже прежде далъ Берестіи. Ярославу Ингваровичу Даніилъ возвратилъ свободу и, съ согласія брата, послалъ его княжить сначала въ Перемышль, а послѣ въ Межибожіе (467). Даніилъ и Василько пошли на Черторыескъ, осадили этотъ городъ, взяли его и захватили тамъ въ плѣнъ одного Пинскаго Князя; отецъ его—Ростиславъ Пинскій искалъ вездѣ враговъ Даніилу и вооружилъ противъ него Володимера Рюриковича, напомнивъ ему, что Романъ, отецъ Даніиловъ, силою постригъ его отца, Рюрика, въ монахи; къ Володимеру присоединились: Михаилъ Черниговскій и Ханъ Котянъ съ Половцами. Союзники осадили Каменецъ. Даніилъ отправился къ Ляхамъ и просилъ Котяна о мирѣ; опустошивъ

---

(465) Троицкая лѣтопись, стр. 221.
(466) Ипатьев. л. стр. 166.
(467) Тамъ же, стр. 167.

землю Галицкую, Котянъ удалился во свояси. Оставленные Половцами, Володимеръ и Михайло воротились домой. Даніилъ, Василько, Александръ съ воеводою Пакославомъ и съ Ляхами пошли въ слѣдъ за ними къ Кіеву; Володимеръ и Михайло тогда помирились съ ними и Ляхи были отпущены обратно. Въ землѣ ихъ возникли безпорядки и междуусобія: Великій Князь Ляшскій—Лешко—предательски былъ убитъ на сеймѣ или совѣщаніи Князьями Святополкомъ Одовичемъ и Володиславомъ. Князь Конрадъ просилъ Даніила и Василька помочь ему на Володислава *стараго;* тѣ, оставивъ въ своей землѣ Володимера Князя Пиньскаго съ Угровчанами и Берестьянами стеречь ее отъ Ятвяговъ, отправились въ походъ къ Калишу, перешли р. Вепръ и Прѣсну, осадили Калишъ, опустошили окрестности Милича и Старогрода и заняли нѣсколько Воротиславьскихъ селъ; лѣтописецъ замѣчаетъ, что со времени Володимира Великаго, крестившаго Русскую землю и до Даніила, ни одинъ Русскій Князь не заходилъ такъ далеко во внутренность земли Ляшской. Жители Калиша, тѣснимые Конрадомъ и Русью, просили мира, который и былъ заключенъ при посредничествѣ Даніила. Во время похода Русскіе захватили въ плѣнъ много *челяди* (простолюдиновъ) и боярынь. При заключеніи же мира Русскіе и Ляхи клялись между собою: «если въ послѣдствіи когда нибудь будетъ межъ ними усобица, то Ляхамъ не забирать въ плѣнъ Русской *челяди,* ни Рускимъ не забирать Ляшской.» По возвращеніи съ похода, Василько отправился въ Суздаль къ Великому Князю Юрію на свадьбу своего шурина, взявъ съ собою Мирослава и многихъ иныхъ бояръ. А къ Даніилу, находившемуся въ Угровескѣ, Галичане прислали сказать: «не теряй времени, князь! Королевичь одинъ въ городѣ, а Судиславъ отлучился въ Понизье.» Даніилъ, собравъ поспѣшно воиновъ, часть ихъ подъ начальствомъ Демьяна послалъ противъ Судислава, а съ немногими пошелъ къ Галичу, куда убѣжалъ и Судиславъ, разбитый

Демьяномъ. Къ Даніилу пришли: Демьянъ, Мирославъ, Володиславъ со всѣми Галицкими боярами и Володимеръ Ингваровичъ; начиная отъ р. Боброка до Ушицы и Прута, вся страна поднялась въ пользу Даніила. Перешедши мостъ на Днѣстрѣ, едва не сожженный Галичанами, Даніилъ осадилъ городъ (469). Галичане защищались долго и упорно; наконецъ сдались. Даніилъ обошелся ласково съ Королевичемъ, помня любовь къ себѣ его отца, и отпустилъ его съ честью изъ своей земли, проводивъ до р. Днѣстра; изо всѣхъ бояръ за нимъ послѣдовалъ одинъ Судиславъ. Прибывъ въ Венгрію, онъ совѣтовалъ Королю Бэлѣ IV выгнать Даніила изъ Галича; собравъ большое войско, Бэла вошелъ въ Галицкую землю. Даніилъ привелъ себѣ на помощь Ляховъ и Котяневыхъ Половцевъ, а Половцы Бѣговарсовы присоединились къ Королю. Даніилъ удалился изъ Галича, оставивъ въ немъ градоначальникомъ Демьяна; тщетно и съ большимъ урономъ приступалъ Бэла къ Галичу; потерявъ много воиновъ отъ болѣзней, Король отступилъ къ р. Пруту (470). Занявъ Галичь, Даніилъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, скоро неполадилъ съ могущественными боярами Галицкими, которые безпрестанно составляли на него крамолы; однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ былъ постоянно Князь Александръ Бельзскій; бояре Молибоговичи, Волъдрисъ и Филиппъ замыслили съ нимъ извести Даніила; заговорщики готовы были привести въ исполненіе свой умыселъ, когда дѣтская шалость юнаго Василька заставила ихъ его оставить, въ увѣренности, что онъ открытъ Романовичами. Своеволіе и наглость бояръ не знали мѣры; одинъ изъ нихъ на пиру облилъ лицо своего князя виномъ изъ заздравной чаши; въ другомъ случаѣ бояре, *не хотяще видѣти лица Даніилова*, выбрали дру-

(468) Ипатьев. л. стр. 168.
(469) Тамъ же, стр. 169.
(470) Тамъ же, стр. 170.

гую дорогу, чтобы съ нимъ неповстрѣчаться. Бояринъ Филиппъ пригласилъ Даніила на обѣдъ въ свое помѣстье Вишню; князь уже ѣхалъ туда, но дорогою получилъ извѣстіе отъ своего вѣрнаго тысяцкаго Демьяна, что Филиппъ замыслилъ по совѣту Князя Александра убійство Даніила. Воротившись, Даніилъ велѣлъ брату Васильку пойдти войною на Александра. Василько взялъ Бельзъ, а Александръ ушелъ къ своимъ сообщникамъ въ Перемышль. Молибоговичи и другіе строптивые бояре, числомъ 28, попались въ руки Даніила и были имъ прощены, безъ сомнѣнія въ видахъ политики. Но и великодушіе не принесло ожидаемой пользы; всѣ бояре оставили Даніила, который, не теряя мужества, только съ 18 отроками и тысяцкимъ Демьяномъ, пошелъ на Перемышль, гнѣздо заговорщиковъ; Князь Александръ и другіе виновнѣйшіе бояре бѣжали въ Венгрію къ Судиславу, другіе изъявили покорность (471). По совѣту Судислава Король Андрей съ обоими сыновьями, Бэлою и Андреемъ, пошелъ въ Галицкую землю; важный городъ Ярославъ былъ сданъ ему измѣнникомъ Давидомъ Вышатичемъ; всѣ бояре оставили Даніила и приняли сторону Венгерскаго Короля, который, завладѣвъ всею Галицкою землею, посадилъ въ Галичи сына своего Андрея; а для Александра завоевалъ Бѣлзъ и Червенъ. Даніилъ, по слабости силъ, немогъ ничего сдѣлать, только опустошилъ окрестности Бужска. Володимеръ Рюриковичь, тѣснимый Михаиломъ Черниговскимъ, просилъ помощи у Даніила; желая быть между ними миротворцемъ, Даніилъ пріѣхалъ въ Кіевъ и, по договору взявъ на свою часть г. Торческій, отдалъ его дѣтямъ Мстислава Мстиславича Галицкаго. Галицкій Королевичь Андрей съ княземъ Александромъ, съ Глѣбомъ Зереміевичемъ, съ князьями Боло-

---

(471) Ипатьев. л. стр. 171—172.

ховскими и многими боярами, пошелъ на Даніила къ Бѣлобережью, но, узнавъ, что онъ идетъ на встрѣчу изъ Кіева, пошелъ назадъ въ Галичь. Романовичи догнали войско Королевича въ Шумьскѣ, сразились съ нимъ, имѣли сначала успѣхъ, но наконецъ были разбиты. Уронъ Королевича былъ впрочемъ такъ великъ, что онъ не только не преслѣдовалъ Романовичей, но и возвратился немедленно въ Галичь. Князь Александръ перешелъ скоро на сторону своихъ двоюродныхъ братьевъ; они вмѣстѣ взяли г. Плѣснескъ и возвратились въ Володимеръ. Даніилъ привелъ къ себѣ Половцевъ, Володимера Рюриковича и Князя Изяслава, чтобы идти съ ними на Венгровъ; неожиданная измѣна Изяслава разстроила всѣ планы Даніила и дала опять перевѣсъ Венграмъ. Но въ это самое время Галицкіе бояре перешли на сторону Даніила, сверхъ его чаянія; онъ на этотъ разъ хотѣлъ привлечь къ себѣ бояръ благодѣяніями; лѣтопись говоритъ: «и роздалъ (Даніилъ) города боярамъ и воеводамъ *и было корму у нихъ много* (472).» Девять недѣль стоялъ Даніилъ подъ Галичемъ; бояринъ Судиславъ, желая поссорить братьевъ, послалъ сказать Князю Бельзскому: «дамъ тебѣ Галичь, пойди отъ брата.» Александръ послушался, но Галичане его не захотѣли и, по смерти Королевича Андрея, послали за Даніиломъ боярина Семьюнка Черьмнаго; Судиславъ удалился въ Венгрію. Александръ пошелъ къ тестю въ Кіевъ, но дорогою былъ пойманъ и представленъ Даніилу. Володимеръ Рюриковичь искалъ дружбы Галицкаго Князя и, пославъ къ нему сына Ростислава, заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ. Михаилъ Всеволодичь и Изяславъ Мстиславичь пошли на Володимера къ Кіеву; узнавъ о томъ, Даніилъ поспѣшилъ къ нему на помощь; перешелъ Днѣпръ, осадилъ Черниговъ,

---

(472) Ипатьев. л. стр. 173.

вынудилъ у Михаила Всеволодича миръ и возвратился въ Кіевъ. Изяславъ Мстиславичь (можетъ быть это былъ сынъ Мстислава Мстиславича) шелъ къ этому городу съ множествомъ Половцевъ; не смотря на изнеможеніе своихъ воиновъ, Даніилъ съ Володимеромъ Рюриковичемъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу; битва произошла у Торческа и Половцы одолѣли; Даніилъ бѣжалъ; Володимеръ попался въ плѣнъ. Галицкіе бояре опять начали составлять крамолы противъ Даніила; видя ихъ недоброжелательство, онъ удалился въ Венгрію; отсюда онъ тщетно старался добыть Галича, между тѣмъ какъ съ другой стороны о томъ же хлопоталъ Василько съ Ляхами (473). Галичане съ Болоховскими Князьями ходили на Каменецъ, городъ Даніиловъ и опустошили его волости. Володимеръ, вѣроятно выкупленный Даніиломъ, послалъ на помощь Каменцу Даніила Нажировича съ Торками. Онъ, соединившись съ Даніиловыми боярами, напалъ на Галичанъ у Каменца, разбилъ ихъ, захватилъ въ плѣнъ всѣхъ Болоховскихъ князей и представилъ Даніилу. Михаилъ и Мстиславъ повели на Романовичей сильное войско; съ другой стороны на нихъ же пошли Ляхи и Половцы. Конрадъ, князь Ляшской, двинулся къ Червену, но Даніилъ его разбилъ и взялъ въ плѣнъ его бояръ. Михаилъ въ Подгорьи дожидался Половцевъ и Князя Изяслава. Половцы пришли, но не хотѣли идти на Даніила, а опустошивъ землю Галицкую, съ огромною добычею возвратились во свояси. Слыша это, Михаилъ возвратился въ Галичь и Конрадъ отступилъ такъ поспѣшно, что много его воиновъ потонуло въ р. Вепрѣ. Даніилъ и Василько приступали къ Галичу, гдѣ затворился Михаилъ съ сыномъ Ростиславомъ и къ Звенигороду, гдѣ въ то время находилась, славная чудотвореніями икона Богородицы, но не могли взять ни того, ни другаго. Михаилъ,

---

(473) Ипатьев. л. стр 174.

чтобы помириться съ Даніиломъ подарилъ ему Перемышль. Этотъ дѣятельный Князь, въ продолженіи краткаго времени, ходилъ на Ятвяговъ, на рыцарей Нѣмецкаго ордена и на Австрійскаго Герцога (474); послѣдній походъ не состоялся по совѣту Венгерскаго Короля; но Даніилъ съ Литвою опустошилъ области Князя Ляшскаго Конрада или Кондрата. Ярославъ Суздальскій, пришедъ въ Кіевъ, отнялъ его у Володимера, но не могъ тамъ удержаться и возвратился въ Суздаль, а въ Кіевѣ сѣлъ Михаилъ, оставивъ сына Ростислава въ Галичѣ. У Даніила отняли Перемышль; но онъ имѣлъ связи въ Галичѣ и однажды, находясь въ Холмѣ, получилъ вѣсть отъ своихъ пріятелей, что Ростиславъ со всѣми своими боярами пошелъ на Литву. На третій день Даніилъ прибылъ изъ Холма къ Галичу; граждане, не смотря на усилія Епископа Артемія и *дворьскаго* Григорія, вѣрныхъ Ростиславу, приняли съ восторгомъ Даніила, говоря ему: «ты нашъ, Богомъ намъ данный, Государь!» Бояре, упавъ на колѣни, просили милости у Даніила, который ихъ простилъ, совѣтуя имъ впредь быть вѣрнѣе. Въ знакъ побѣды, Даніилъ велѣлъ выставить свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ. Ростиславъ, узнавъ о происшедшемъ въ Галичѣ, бѣжалъ въ Венгрію; воины Даніиловы гнались за нимъ до Карпат. горъ. Въ 1236 г. Татары опустошили всю землю Болгарскую, взяли ихъ городъ Великій, жителей частью избили, частью увели въ полонъ; въ слѣдующемъ году пришли Татары въ Рязанскую землю и, ставъ *на Онузѣ*, отправили пословъ къ Рязанскимъ Князьямъ съ требованіемъ покорности и десятины во всемъ; Князья, встрѣтивъ ихъ на границѣ, сказали: «коли насъ не будетъ всѣхъ, все наше вашимъ будетъ (475).» Послы отправились въ Володимеръ, а Татаре опустошили землю Рязанскую до

---

(474) Ипатьев. л. стр. 175.
(475) Троицкая лѣт. стр. 221.

Пронска, взяли Пронскъ, потомъ Рязань, у Коломны встрѣтили Всеволода Юрьевича съ войскомъ, разбили его и самаго взяли въ плѣнъ; обратили въ пепелъ Москву и пошли на Володимеръ; Великій Князь Юрій, оставивъ въ этомъ городѣ все свое семейство, сталъ на р. Сыти, совокупляя полки. Татары обступили Володимеръ; часть ихъ овладѣла Суждалемъ и обратила его въ пепелъ. Приступомъ взяли Татары Володимеръ, гдѣ погибло все семейство Юрія и, раздѣлившись на отряды, обратили въ пустыню всю Сѣверо-Восточную Русь до Галича Мерьскаго, двинулись на Юрія Суздальскаго и разбили его на р. Сыти; несчастный Князь, переживш.ій всю свою семью, нашелъ честную смерть въ этой битвѣ. Татары взяли Торжокъ, шли Серегерьскимъ путемъ до Игнача креста и, за 100 верстъ не дошедъ Новагорода, поворотились назадъ (476). Козельскъ, гдѣ княжилъ юный Василій, прославился мужественною защитою отъ Татаръ, въ продолженіи 7 недѣль отражая ихъ приступы. Взявъ Козельскъ и истребивъ въ немъ всѣхъ жителей до груднаго младенца, Батый удалился въ землю Половецкую. Слыша объ этомъ, Ярославъ Всеволодичь сѣлъ въ Володимери, а братьямъ отдалъ: Святославу — Суздаль, а Ивану — Переяславль (477). Находясь въ землѣ Половецкой, Батый началъ высылать оттуда шайки Татаръ на Южно-Русскіе города, а самъ пошелъ на Переяславль; городъ и церковь Св. Архангела Михаила были разрушены, Епископъ Симеонъ убитъ, все церковное имущество пограблено (478). Взявъ Переяславль, Татары устремились на Черниговъ; князь Мстиславъ Глѣбовичь вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ полками, и былъ разбитъ; Черниговъ взятъ, но Татары пощадили его Епископа и увели съ со-

---

(476) Троицкая л. стр. 225.
(477) Лаврент. л. стр. 199.
(478) Ипатьев. л. стр. 176.

бою въ Глуховъ. Мангу-Ханъ, предводитель передоваго Татарскаго отряда, дошелъ до Песочнаго, противъ Кіева, и возвратился къ Батыю, безъ успѣха (479). Онъ посылалъ съ предложеніемъ пощады къ Михаилу Всеволодичу, находившемуся въ Кіевѣ, но не получилъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта. Михаилъ бѣжалъ въ Венгрію къ сыну, а въ Кіевѣ сѣлъ Ростиславъ Мстиславичь Смоленской. Даніилъ Галицкій пріѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ Ростислава въ плѣнъ и оставилъ въ Кіевѣ Дмитра тысяцкаго оборонять его отъ Татаръ. Ярославъ Ингваровичь, слыша, что Михаилъ удалился въ Венгрію, взялъ г. Каменецъ и захватилъ въ немъ жену и бояръ Михайловыхъ; Романовичи взяли къ себѣ свою сестру, жену Михайлову и держали ее въ великой чести. Король Венгерскій не исполнилъ своего обѣщанія, не выдалъ дочери за Ростислава, а выгналъ отъ себя вмѣстѣ съ его отцемъ. Михаилъ съ сыномъ удалились къ Князю Ляшскому Кондрату, и отсюда послали къ Даніилу и Васильку съ словами примиренія. Романовичи вызвали его къ себѣ и отдали ему его жену, свою сестру; Даніилъ возвратилъ Михаилу — Кіевъ, а сыну его, Ростиславу — Луцкъ; но Михаилъ, опасаясь Татаръ, не смѣлъ ѣхать въ свой Кіевъ; Даніилъ и Василько позволили ему жить въ землѣ своей *«и дали ему пшеницы много, и меду, рогатаго скота, и овецъ довольно.»* Услыхавъ, что Татары взяли Кіевъ, Михаилъ бѣжалъ къ князю Кондрату: но считая и здѣсь себя небезопаснымъ, пошелъ въ землю Вротиславльскую; здѣсь въ Нѣмецкомъ городкѣ, именемъ Середа, жители, видя богатство Михаила, ограбили его и убили его внуку. Въ глубокой печали Михаилъ услышалъ, что Татары уже вступили въ бой съ Индриховичемъ и воротился къ Кондрату. Даніилъ отправился въ Венгрію просить помощи противъ Татаръ. Взявъ Кіевъ, Батый пошелъ

---

(479) Ипатьев. л. стр. 177.

далѣе, приступилъ къ г. Колодяжну; жители сдались и были избиты; города Изяславль, Каменецъ, Володимеръ, Галичь и многіе другіе были взяты Татарами; одинъ Кременецъ уцѣлѣлъ. По совѣту Дмитра тысяцкаго, захваченнаго въ Кіевѣ, Батый пошелъ въ Венгрію; на р. Солоной встрѣтилъ его Король Бэла IV съ сыномъ Коломаномъ и былъ разбитъ. Татары заняли всю страну до Дуная и оставались въ ней три года. Даніилъ, отправляясь въ Венгрію, взялъ съ собою и сына своего, котораго онъ не рѣшился ввѣрить коварнымъ и своевольнымъ Галичанамъ (480). Худо принятый Королемъ, Даніилъ хотѣлъ возвратиться въ Галичь, но въ мѣстечкѣ Синеволодьскомъ узналъ, что тамъ уже находятся Татары. Даніилъ возвратился въ Венгрію, оставилъ тутъ сына своего, а самъ чрезъ Бордуевъ отправился въ Судомирь, городъ Ляховъ; на р. Полцѣ Даніилъ нашелъ, бѣжавшихъ отъ Татаръ, брата, жену и другихъ своихъ дѣтей. Для большей безопасности бѣглецы удалились въ Мазовьскую землю къ Болеславу, сыну Кондратову; онъ далъ Даніилу Вышегородъ, гдѣ и жилъ онъ съ семействомъ, пока не услыхалъ, что Татары оставили Галицкую землю; тогда онъ возвратился сюда. Своеволіе бояръ, изъ коихъ каждый захватилъ себѣ въ смутное время Татарскаго нашествія, что только могъ, перешло всякую мѣру; вотъ примѣръ: «Даніилъ пришелъ къ городу Дорогычину и хотѣлъ въ него войдти: «граждане выслали ему сказать: ты не войдешь въ нашъ городъ. Даніилъ отвѣчалъ: «да вѣдь это былъ городъ нашъ и отцевъ нашихъ! А тебѣ «не войдти въ него — сказали на это жители и принудили «его удалиться.» Даніилъ съ братомъ Василькомъ нашелъ убѣжище въ Холмѣ; сюда пріѣхалъ Ростиславъ, сынъ Михаиловъ, а отецъ его, какъ бы недовольный Романовичами, прошелъ чрезъ ихъ владѣнія, не видавшись съ ними

(480) Ипатьев. л. стр. 178.

и жилъ на островѣ у Кіева, Ростиславъ изъ Холма поѣхалъ въ Черниговъ, а къ Даніилу въ Водаву прибылъ изъ Венгріи, сынъ его, Левъ съ Галицкими боярами; при этомъ случаѣ лѣтопись говоритъ о нихъ: «Бояре Галицкіе оставляли Даніилу одинъ пустой титулъ Князя, а сами владѣли всею землею; такъ Доброславъ и Судьичь, поповъ внукъ, присвоили себѣ власть Князя и грабили всю землю; послѣдній, вошедъ во Бакоту, занялъ все Понизье, не имѣя на то княжескаго повелѣнія; Григорій же Васильевичь присвоилъ себѣ Горную страну Перемышльскую; и былъ во всей Галицкой землѣ мятежъ великій отъ бояръ.» Даніилъ послалъ стольника своего, Якова, къ Доброславу сказать: «Я называюсь княземъ вашимъ, а повелѣній моихъ вы не слушаете, землю грабите; Черниговскихъ «бояръ не велѣлъ я тебѣ, Доброславъ, принимать, но дать «волости Галицкимъ, а доходы отъ Коломыйской соли «взять на меня (481).» Хитрый бояринъ сказалъ: «да будетъ тако.» Но Яковъ еще сидѣлъ у него, какъ къ нему пришли Лазарь Домажирѣчь и Иворъ Молибожичь, *два беззаконника*—говоритъ лѣтопись—*отъ племени смердья*, и поклонились ему до земли. Яковъ удивился и спросилъ Доброслава: что это значитъ? «Я имъ отдалъ Коломыю» отвѣчалъ безстыдный бояринъ. Яковъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему: «какъ же ты смѣешь безъ повелѣнія княжескаго отдать ее имъ; тебѣ небезъизвѣстно, что Великіе князья доходами съ Коломыйской соли содержатъ свою дружину; да притомъ эти люди не стоятъ того, чтобы имъ отдать Вотьнино, а не только Коломыю.» Доброславъ засмѣялся и сказалъ: «что мнѣ на это отвѣчать?» Яковъ пересказалъ все Даніилу, но что оставалось ему дѣлать? «Даніилъ же скорбѣлъ и молился Богу о отчинѣ своей, и о томъ, что нечестивые бояре держатъ ее и обладаютъ

---

(481) Ипатьев. л. стр. 179.

ею.» Впрочемъ бояре скоро неполадили между собою; каждый изъ нихъ желалъ быть могущественнѣе другаго; Доброславъ жаловался Даніилу на Григорія, говоря: «онъ твой измѣнникъ.» Даніилъ призвалъ того и другаго на судъ и, возмущенный ихъ наглостью, велѣлъ обоихъ посадить въ темницу. Ростиславъ Михаиловичь думалъ воспользоваться этими смутами; онъ съ Болоховскими Князьями и съ остаткомъ Галичанъ пришелъ къ Бакотѣ, гдѣ въ то время находился печатникъ Даніиловъ, Кириллъ, производившій слѣдствіе о грабительствахъ, учиненныхъ боярами. Онъ отразилъ Ростислава и вынудилъ его отступить за Днѣстръ. Даніилъ, оставивъ Василька стеречь свои владѣнія отъ набѣга Литвы, пошелъ опустошать волости Болоховскихъ Князей, державшихъ сторону Ростислава, взялъ города Деревичь, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Бужьскій и Дядьковъ. Кириллъ печатникъ съ 3,000 воиновъ пришелъ на помощь Даніилу. Князь Галицкій тѣмъ болѣе преслѣдовалъ Болоховскихъ князей, что они поддались Татарамъ, которые и пощадили ихъ волости, обязавъ жителей сѣять на себя пшеницу и просо; безъ пощады выжегъ Даніилъ города ихъ (482). Бояре не переставали чинить крамолы и подводить Ростислава на Даніила; бояринъ Володиславъ ввелъ Ростислава въ городъ Галичь, съ условіемъ сдѣлать его тысяцкимъ. Даніилъ выгналъ изъ Галича Ростислава, съ которымъ бѣжалъ Епископъ Артемій и многіе жители державшіе его сторону; Даніилъ преслѣдовалъ ихъ до Щекотова; тутъ онъ услышалъ, что Татары идутъ назадъ изъ Венгріи и едва спасся отъ нихъ поспѣшнымъ бѣгствомъ; нѣкоторые изъ бояръ его свиты были захвачены Татарами. Василько удалился въ Володимерь, а Даніилъ ѣхалъ до Бакоты и Каліуса, возстановляя порядокъ въ землѣ. Ростиславъ послалъ въ Перемышль,

---

(482) Ипатьев. л. стр. 180.

своего пріятеля Константина Рязанскаго, который и овладѣлъ этимъ городомъ при помощи тамошняго Епископа. Даніилъ послалъ въ Перемышль дворьскаго Андрея; при приближеніи его Константинъ ушелъ, но Епископъ былъ захваченъ и имущество его разграблено (483). Татары въ Борку разсѣяли послѣднія силы Ростислава; онъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ Король выдалъ за него дочь. Даніилъ находился въ Холмѣ; къ нему приходитъ Половчинъ Актай и говоритъ: «Батый послалъ двухъ богатырей: Монмана и Балая отыскать тебя.» Даніилъ съ Митрополитомъ Кирилломъ удалился къ брату Васильку; а Татары опустошили наполненныя озерами окрестности Влодавы. Михаилъ Всеволодичь, слыша, что Король Венгерскій выдалъ свою дочь за его сына, поѣхалъ въ Венгрію; но, огорченный дурнымъ пріемомъ со стороны сына, воротился въ Черниговъ, отправился отсюда къ Батыю просить волости и нашелъ въ Ордѣ мученическую смерть (484). Даніилъ и его братъ Василько объявили войну Ляшскому Князю, Болеславу; она ограничилась взаимными опустошеніями. Ростиславъ Всеволодичь сдѣлалъ еще покушеніе на Галицкую землю; съ помощью тестя онъ овладѣлъ Перемышлемъ и собралъ вокругъ себя много *смердовъ*. Даніилъ послалъ противъ него сына Льва и племянника Всеволода; Ростиславъ поразилъ ихъ; тогда Даніилъ пришелъ самъ съ многочисленнымъ войскомъ и выгналъ его изъ земли своей. Между тѣмъ Аншьвно Рушковичь, Литовскій Князь, опустошилъ окрестности Пересопницы; Даніилъ и Василько поразили его у Пинска. Впрочемъ Литва и Ятвяги безпрестанно дѣлали новыя нападенія на Русскія волости и опустошали ихъ; разбиваемые, они удалялись во свояси, но на слѣдующій годъ возвращались съ новыми силами. Ятвягъ Скомондъ

---

(483) Ипатьев. л. стр. 180.

(484) Тамъ же, стр. 181.

отличался особеннымъ мужествомъ и быстротою; *пѣшой, по словамъ лѣтописи, онъ исходилъ всю область Пинскую*, за то современники прозвали его *волхвомъ* и *нарочитымъ кобникомъ;* онъ былъ убитъ и голова его воткнута на колъ (485). Ростиславъ, выпросивъ воиновъ у своего тестя, Короля Венгерскаго, пошелъ съ ними ко вдовѣ Лешка и просилъ у ней помощи на Даніила, въ чемъ она и не отказала; въ это время бояре и многіе знатные Ляхи, разсорившись со вдовою Лешка, хотѣли идти въ Русь предложить Даніилу свои услуги, но, узнавъ о предпріятіи Ростислава, присоединились къ нему, надѣясь заслужить тѣмъ прощеніе отъ вдовы Лешка и отъ ея дѣтей. Ростиславъ приступалъ къ г. Ярославлю, гдѣ находилось много бояръ и другихъ людей Даніила и Василька, но, не имѣя успѣха, пошелъ къ Перемышлю и занялъ его; потомъ Ростиславъ съ многими туземцами, съ большимъ запасомъ снарядовъ и съ стѣнобитными орудіями, опять пошелъ къ Ярославлю; жители оборонялись упорно. Ростиславъ, величаясь, говорилъ своимъ воинамъ: «еслибы я зналъ гдѣ находятся Даніилъ и Василько, право хоть съ десятью воинами поѣхалъ бы на нихъ.» Лѣтопись говоритъ, что Ростиславъ *створи игру предъ градомъ,* сразился съ бояриномъ Воршемъ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо; это любопытное обстоятельство показываетъ, что воинскія игры, въ родѣ турнировъ, существовали и у насъ. Слыша о нашествіи Ростислава, Даніилъ и Василько собирали воиновъ, послали просить помощи у Князя Кондрата и говорили ему, что вдова Лешка, мстя за ихъ союзъ съ нимъ, помогаетъ своими войсками Ростиславу. Кондратъ прислалъ войско и Миндогъ, Литовскій Князь, также; на сторонѣ Даніила были и Половцы. Романовичи поспѣшили на помощь городу и перешли р. Санъ; приготовляясь къ битвѣ, Даніи-

---

(482) Ипатьев. л. стр. 182.

илъ вв҃ѣрилъ своего малолѣтняго сына Льва — болрину Васильку. Ростиславъ, выступивъ на встрѣчу Романовичамъ съ Русью, Венграми и Ляхами, оставилъ въ станѣ пѣхотный отрядъ на случай вылазки жителей города. На Даніиловъ полкъ пошелъ Ростиславъ съ Венграми, а на Васильковъ ударили Ляхи; сначала счастіе благопріятствовало Ростиславу; онъ разбилъ передовой отрядъ Даніиловъ, бывшій подъ начальствомъ *дворьского* Андрея (486). За Ростиславомъ, какъ бы въ резервѣ, стоялъ съ отрядомъ Венгерскій воевода—Филя (Фильній); ободряя своихъ, онъ говорилъ имъ: «Русскіе пылко вступаютъ въ бой; но стоитъ выдержать ихъ первый натискъ, и потомъ они не страшны; ибо не могутъ долго выдержать сѣчу.» Обошедъ Ростислава, Даніилъ ударилъ на Филю; юный Левъ изломилъ свое копье о крѣпкую броню этого воеводы; Венгры были разбиты; Ростиславъ тогда обратился въ бѣгство. Василько съ своей стороны поразилъ Ляховъ; побѣда была совершенная: воевода Филя, многіе Венгерскіе, Ляшскіе и Галицкіе бояре, бывшіе у Ростислава, попались въ плѣнъ; изъ нихъ Даніилъ велѣлъ казнить надмѣннаго Филю и Володислава, *мятежника земли*, какъ называетъ его лѣтопись; городъ, построенный Ростиславомъ, былъ сожженъ. Ростиславъ ушелъ въ Ляшскую землю и оттуда съ женою въ Венгрію. Ляхи Кондратовы и Литва Миндога пріѣхали къ Даніилу на помощь, уже послѣ битвы (487). Даніилъ и Василько находились въ Дороговьскѣ, когда къ нимъ пришелъ посолъ отъ Татарскаго Хана Могучѣя и сказалъ: «дайте Галичь.» Даніилъ посовѣтовался съ братомъ и, рѣшившись ѣхать къ Батыю, отвѣчалъ послу: «не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыю самъ.» Даніилъ прибылъ въ Кіевъ, которымъ управлялъ въ то время Дмитрій Ейковичь, бояринъ Вел. Князя Ярослава,

---

(486) Ипат. л. стр. 183.
(487) Тамъ же, стр. 184.

посѣтилъ Выдубецкой монастырь Архистратига Михаила, и поручилъ монахамъ его молиться о себѣ. Въ Переяславлѣ Даніилъ встрѣтилъ Татаръ; оттуда онъ поѣхалъ къ Куремьсѣ. — Призванный Батыемъ, Даніилъ вошелъ въ его вежу или палатку и поклонился по Татарскому обычаю. Батый сказалъ: «Даніилъ! зачемъ ты давно не пришелъ? но и то хорошо, что хоть теперь пришелъ; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумузъ?» Даніилъ отвѣчалъ: «доселѣ еще не пилъ, нынѣ же—ты велишь—пью.» Батый: «ты уже нашъ Татаринъ, пей наше питье.» Даніилъ, выпивъ немного, поклонился и сказалъ: «иду поклониться великой княгини Баракъчинови.» Батый сказалъ: «иди.» Поклонившись еще разъ, Даніилъ вышелъ; ему принесли въ его палатку мѣхъ вина и сказали отъ имени Батыя: «вы не привыкли пить кобылье молоко, пей вино.» Въ словахъ простыхъ, но трогательныхъ выражаетъ Волынскій лѣтописецъ глубокую скорбь объ униженіи любимаго имъ князя: «О злѣе зла честь Татарская! Тотъ «(Даніилъ) котораго отецъ (Романъ) былъ Царемъ въ Русской «земли, покорилъ Половецкую землю и боевалъ на всѣ «иныя сосѣднія страны, сынъ того не удостоился чести; «то иной кто можетъ удостоиться? Даніилъ Романовичь «былъ прежде Великимъ Княземъ, обладалъ Русскою зем«лею, Кіевомъ, и Володимеромъ, и Галичемъ съ иными «странами: нынѣ сидитъ на колѣнахъ, и холопомъ назы«вается; Татары отъ него даней хотятъ; онъ опасается за «свою жизнь и находится въ безпрестанномъ страхѣ. О «злая честь Татарская!» Болѣе трехъ недѣль Даніилъ пробылъ въ Ордѣ и добился того, чего желалъ; Ханъ оставилъ за нимъ его владѣнія. Благополучно возвратился Даніилъ въ свою землю. Во время его отсутствія Князь Кондратъ пригласилъ его брата Василька на Ятвяговъ, но неблагопріятная погода заставила союзниковъ возвратиться отъ р. Нура. Король Венгерскій, опасаясь Даніила, какъ въ слѣдствіе его побѣды надъ Ростиславомъ, такъ и примиренія съ Татарами,

предложилъ сыну его, Льву, руку своей дочери (488). Даніилъ, уже разъ обманутый подобнымъ предложеніемъ, не повѣрилъ ему. Король, пользуясь пребываніемъ въ Венгріи Митрополита Кирилла, ѣхавшаго въ Византію, просилъ его принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Ходатайство Митрополита и брата Василька, сдѣлало Даніила уступчивѣе; съ сыномъ онъ отправился въ Изволинъ къ Королю, женилъ Льва на его дочери и возвратилъ Бэлѣ, плѣненныхъ у Ярославля, Венгерскихъ бояръ. По возвращеніи въ Галичь, Даніилъ узналъ съ горестью о смерти своего друга, Ляшскаго Князя, Конрада; скоро умеръ и сынъ Конрада, Болеславъ, отказавъ по совѣту Даніила область Мазовію, которою онъ владѣлъ, брату своему, Сомовиту, родственнику Даніила: за Сомовитомъ была Настасья, дочь Александра Бельзскаго; овдовѣвъ, она вышла за Венгерскаго боярина, именемъ Дмитрія. Даніилъ и Василько въ Дорогичинѣ сошлись съ Сомовитомъ и вмѣстѣ двинулись на Ятвяговъ; перешедъ болота, они вошли въ ихъ землю; неосторожные Ляхи зажгли первое, встрѣченное ими, село и тѣмъ дали знать Ятвягамъ о приближеніи непріятелей. Злиньци и вся земля Ятвяжская собрались и прислали Небяста сказать Даніилу: «возвратись съ миромъ въ свои владѣнія и дай намъ расправиться съ Ляхами.» Даніилъ, хотя и недовольный Ляхами, которые своею неосмотрительностью сами предостерегли враговъ, видя ихъ сильно тѣснимыхъ Ятвягами, подалъ имъ помощь своими искусными стрѣлками, которыхъ у Ляховъ не было (489). Даніилъ шелъ впереди съ Ляхами Болеслава, а назади Василько съ Ляхами Сомовита; на р. Наровѣ Ятвяги сильно напали на Василька и только быстрая помощь, поданная Даніиломъ, защитила его отъ пораженія. Союзники перешли р. Олегъ и углубились въ землю

---

(488) Ипатьев. л. стр. 185.
(489) Тамъ же, стр. 186.

Ятвяговъ; этотъ народъ обыкновенно нападалъ въ мѣстахъ тѣсныхъ и лѣсистыхъ; зная это, Даніилъ избиралъ для роздыховъ открытыя мѣста. Земля Ятвяжская, покрытая лѣсами, перерѣзанная множествомъ рѣкъ и потоковъ, сколько была благопріятна для оборонительной, столько опасна для наступательной войны. Даніилъ потерялъ дорогу и одинъ плѣнный Ятвягъ, которому за это обѣщано пощадить жизнь, вывелъ его изъ затруднительнаго положенія. Ятвяги имѣли множество князей, изъ коихъ нѣкоторые были убиты Даніиломъ. На войнѣ Ятвяги нападали съ быстротою молніи, защищались метая сулицы и головни и бросая каменья. Ятвяги пригласили къ себѣ на помощь Прусовъ и Бортовъ, но тѣ возвратились въ свою землю, испугавшись одного вида Даніиловой арміи. Опустошивъ землю Ятвяговъ и освободивъ полоненныхъ ими въ набѣгахъ Христіанъ, Даніилъ перешелъ у Визны р. Нарову и возвратился домой.

Король Венгерскій воевалъ съ Императоромъ Нѣмецкимъ, Фридерикомъ II, за Австрійское Герцогство; желая испугать находившихся у него пословъ Императорскихъ многочисленностью своей арміи, Бэла просилъ Даніила явиться къ нему съ полками; тотъ повиновался и былъ ласково принятъ Королемъ (490). Въ это время въ Литвѣ Миндогъ, желая избавиться отъ своихъ родичей, послалъ трехъ изъ нихъ: Выкинта, Товтивила и Едивида къ Смоленску воевать Русь, сказавъ имъ: кто что завоюетъ, тѣмъ и владѣть будетъ; а втайнѣ искалъ ихъ погубить. Возимѣвъ о томъ подозрѣніе, Товтивилъ и Едивидъ съ Выкинтомъ удалились въ Володимерь къ Даніилу, женатому вторымъ бракомъ на сестрѣ ихъ. Романовичи, Ляхи, рыцари Нѣмецкаго ордена, Жимонты (Самогиты) и Ятвяги сговорились идти на Миндога. Видя опасность, Миндогъ послалъ къ Магистру Риж-

---

(490) Ипатьев. л. стр. 187.

скому, Андрею, большіе подарки, много золота, серебра, дорогихъ коней и проч., обѣщая ему еще болѣе, если онъ убьетъ Товтивила. Андрей требовалъ отъ Миндога, чтобы онъ принялъ Христіанскую вѣру и покорился Папѣ. Миндогъ немедленно повиновался по наружности, но въ душѣ остался язычникомъ. Товтивилъ, видя, что Нѣмцы перешли на сторону Миндога, бѣжалъ въ Жемонть къ дядѣ своему, Выкинту, и съ Жемонтью, съ Ятвягами и вспомогательнымъ войскомъ Даніила (состоявшимъ изъ Руси и Половцевъ) пошелъ на Миндога, къ которому пришли на помощь Нѣмцы; ихъ вмѣшательство доставило побѣду Миндогу; онъ не только отразилъ своихъ враговъ, но и осаждалъ, хотя и безъ успѣха городъ Выкинтовъ—Твереметь. Даніилъ, по совѣту Товтивила, пошелъ на Миндога къ Новугороду и, не смотря на недоброжелательство находившихся у него въ войскѣ, Пинскихъ князей, взялъ Городенъ и возвратился отъ Бѣльска. Миндогъ въ отмщеніе опустошилъ окрестности Турійска и деньгами привлекъ на свою сторону Жимонть и Ятвяговъ (491). Тѣмъ не менѣе Миндогъ прислалъ просить Даніила о мирѣ; но тотъ въ гнѣвѣ не согласился на него. Король Венгерскій велъ войну съ Королемъ Чешскимъ, Премысломъ Оттокаромъ II за Австрію и Штирію. Бэла, желая привлечь на свою сторону сильнаго Даніила Галицкаго, выдалъ за его сына, Романа, сестру послѣдняго Австрійскаго Герцога, Фридерика, и пригласилъ самаго Даніила идти на Чехію. Даніилъ съ сыномъ Львомъ и съ Ляхами опустошилъ часть Силезіи около Троппау и возвратился оттуда въ увѣренности, что онъ, первый изъ Русскихъ Князей, проникъ съ оружіемъ въ рукахъ въ Чехію; во все время похода Даніилъ страдалъ сильною глазною болью. На обратномъ пути, во владѣніяхъ князя Владислава, въ Краковѣ, встрѣтили

---

(491) Ипатьев. л. стр. 188.

Даніила послы Папы; онъ сказалъ имъ: «неприлично мнѣ видѣться съ вами въ чужой землѣ.» Еще гораздо прежде Папа присылалъ къ Даніилу Епископа Береньскаго и Каменецкаго, говоря ему: «пріими отъ меня Королевскій вѣнецъ.» Даніилъ отказался говоря: «рать Татарская не перестаетъ причинять намъ вредъ и на что я пріиму Королевскій вѣнецъ, если ты мнѣ не подаешь существенной помощи?» Даніилъ находился въ Дорогичинѣ, когда къ нему прибыли вторично послы отъ Папы, предлагая ему Королевскій вѣнецъ и помощь отъ Папы. Даніилъ не соглашался; но Болеславъ, Сомовитъ, вдова Романова и бояре Ляшскіе побѣдили его сопротивленіе, говоря: «мы будемъ тебѣ защитою отъ Татаръ (492).» Короновавшись Королевскимъ вѣнцемъ, Даніилъ съ Сомовитомъ ходилъ на Ятвяговъ и вынудилъ ихъ къ покорности; завидуя этому, Ляхи начали благопріятствовать Ятвягамъ. Съ другой стороны Татары, подводимые Изяславомъ Володимеричемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, овладѣли Бакотою, опустошили окрестности Кременца и пошли къ Галичу. Изяславъ вошелъ въ Галичь, но здѣсь былъ захваченъ Даніиломъ. Князь Литовскій Воишелгъ—помирился съ Даніиломъ, выдалъ дочь Миндога, а свою сестру, за сына его, Шварна; Роману Даніиловичу далъ города: Волковыескъ, Вослонимъ, Новгородокъ и всю свою волость, а самъ пошелъ въ монахи и хотѣлъ удалиться на Аѳонскую гору (493). Даніилъ предпринялъ походъ на Ятвяговъ съ сыномъ Львомъ и съ братомъ Василькомъ; изъ Новгородка къ нему пришелъ сынъ его, Романъ, съ зятемъ Глѣбомъ, съ Изяславомъ Вислочьскимъ; изъ земли Ляховъ пришелъ Сомовитъ съ Мазовшанами и отъ Болеслава Судомирцы и Краковляне; одинъ Ятвягъ, именемъ Алкадъ, служилъ у союзниковъ проводникомъ съ условіемъ, что

---

(492) Ипатьев. л. стр. 190—191.
(493) Тамъ же, стр. 192.

они пощадятъ его село. Ятвяги, Злинъци, Кресмѣнци и Покѣнци собрались въ селѣ Привищахъ; сюда поспѣшилъ Даніилъ и разбилъ ихъ. Безпрепятственно Русь и Ляхи свирѣпствовали въ землѣ Ятвяговъ, истребляли ихъ домы и имущество, и уводили въ полонъ всѣхъ безоружныхъ жителей. Наконецъ Ятвяги изъявили покорность: *и обѣщались работать на него* (Даніила) *и строить города въ землѣ своей.»* Даніилъ послалъ своего мужа, именемъ Коснятина, въ землю Ятвяговъ собирать съ нихъ дань *черныя куны и бѣль сребро;* часть дани Даніилъ подарилъ воеводѣ Сигнѣву для того, чтобы всѣ Ляхи знали, что Ятвяги платятъ ему дань. Мы видѣли, что въ походѣ Даніила на Ятвяговъ принималъ участіе и сынъ его Романъ; ему непосчастливилось въ домогательствѣ Австрійскаго Герцогства; осажденный Герцогомъ Каринтійскимъ въ Ипенерцѣ и оставленный Королемъ Венгерскимъ, Романъ съ женою едва ушелъ (494) отъ плѣна и воротился къ отцу; въ послѣдствіи Романъ былъ захваченъ Войшелгомъ и находился у него въ плѣну, но и отъ него счастливо избавился и, какъ бы въ вознагражденіе, получилъ отъ него Новгородокъ и иные города (495). Даніилъ, собравшись съ силами началъ наступательную войну съ Татарами, отнялъ у нихъ Межибожье, и всѣ города до Жидичева и по рѣку Тетеревъ. Миндогъ прислалъ Литву на помощь, но эти опасные союзники, не видя враговъ, принялись опустошать окрестности Луцка и были почти всѣ истреблены Русскими. Куремса съ Татарами быстрымъ движеніемъ, обходя укрѣпленные города, проникъ до г. Володимера, опустошая страну; въ это самое время случайно сгорѣлъ Холмъ, любимый Даніиловъ городъ, имъ построенный на границѣ со стороны Ляховъ за день

---

(494) Ипатьев. л. стр. 189.
(495) Тамъ же, стр. 192.

пути отъ Люблина; видя страшное зарево пожара, жители окрестные, воображая, что Татары уже взяли городъ, разбѣжались во всѣ стороны и Даніилъ съ братомъ остались безъ воиновъ (496). Впрочемъ, пока Куремса былъ вождемъ Татаръ, Даніилъ не опасался ничего; когда же явился изъ Орды Бурундай съ новыми полчищами, то онъ долженъ былъ изъявить покорность. Бурундай шелъ впередъ говоря, что хочетъ идти войною на Литву и требовалъ, чтобы Даніилъ и Василько ѣхали къ нему на помощь. Опасаясь участи Михаила Всеволодича, Даніилъ не поѣхалъ, а послалъ къ Бурундаю брата Василька. Дорогою Василько захватилъ нѣсколько человѣкъ Литовцевъ въ полонъ и представилъ Бурундаю; тотъ дѣйствительно ходилъ съ Василькомъ на Миндовга; раздраженный Миндовгъ послѣ отмстилъ Васильку впаденіемъ въ Володимерьскую область. Въ другой разъ Бурундай прислалъ сказать Даніилу и Васильку: «если вы хотите жить со мною въ мирѣ, то выйдите ко мнѣ на встрѣчу, а кто изъ васъ меня ослушается, тотъ мнѣ врагъ.» Бурундаю выѣхали на встрѣчу: Василько и Левъ, а Даніилъ выслалъ вмѣсто себя Ивана, Епископа г. Холма. Бурундай принялъ ихъ съ гнѣвомъ и сказалъ: «если вы хотите быть со мною въ мирѣ, то должны разрушить всѣ городскія укрѣпленія.» Воля Бурундая была исполнена; укрѣпленія Истожека, Львова, Кременца, Луцка, воздвигнутыя Даніиломъ, были разрушены (497). Слыша о гнѣвѣ на него Бурундая, Даніилъ бѣжалъ къ Ляхамъ, а оттуда въ Венгрію. Укрѣпленія Володимера, привлекшія на себя когда-то вниманіе Короля Андрея, сказавшаго, что ему и въ Нѣмецкой землѣ не случалось видѣть такихъ укрѣпленій, были также розметаны и сожжены; но укрѣпленія Холма уцѣлѣли, благодаря хитрости Василька. Не взявъ Холма,

---

(496) Ипатьев. лѣтопись, стр. 193.
(497) Тамъ же, стр. 198.

Бурундай пошелъ къ Люблину, отсюда къ Завихвосту, перешелъ тутъ Вислу и началъ опустошать Ляшскую землю; г. Судомиръ (Сендомиръ) былъ имн взятъ и всѣ жители преданы острію меча (498). Бурундай, взявъ г. Лысецъ и поступивъ съ нимъ не менѣе жестоко, возвратился въ свои вежи. Въ тоже время съ другой стороны земля Ляховъ подверглась нападенію Литвы; Князь Сомовитъ былъ убитъ, а сынъ его, Кондратъ, уведенъ въ полонъ. Въ Терпавѣ Даніилъ съ сыновьями Львомъ и Шварномъ, Василько съ сыномъ Володимеромъ видѣлись съ Ляшскимъ Княземъ, Болеславомъ (Стыдливымъ), и заключили съ нимъ союзъ. Годъ спустя Миндовгъ былъ убитъ, по слѣдующему случаю: онъ потерялъ жену; на похороны ея онъ пригласилъ ея сестру, бывшую за Довмонтомъ, Нальщанскимъ Княземъ; когда она пріѣхала, онъ, исполняя будто бы волю покойницы, женился на ней. Оскорбленный Довмонтъ скрылъ свою злобу и искалъ случая мести. Однажды Миндовгъ послалъ все свое войско на Князя Романа Брянскаго, дочь котораго была за Володимеромъ Васильковичемъ; Довмонтъ былъ въ этомъ походѣ, но съ дороги, подъ суевѣрнымъ предлогомъ, воротился и убилъ Миндовга и его обоихъ сыновей (499). О Миндовгѣ лѣтопись говоритъ: «Великій князь Литовскій Миндовгъ, былъ самодержцемъ всей земли Литовской.... когда онъ сталъ княжить въ землѣ Литовской, то избилъ братьевъ своихъ и племянниковъ, а другихъ выгналъ изъ земли, и началъ княжить одинъ во всей землѣ Литовской; тогда онъ исполнился гордости и тщеславія и никого не находилъ себѣ равнымъ.» Скоро послѣ смерти Миндовга, угасла (около 1265 года) и дѣятельная, исполненная превратностей жизнь Короля Галицкаго, Даніила. Вышеизложенныя событія

(498) Ипат. л. стр. 199.
(499) Тамъ же, стр. 201.

показываютъ, цѣною какихъ великихъ трудовъ, какихъ постоянныхъ усилій Даніилу удалось пріобрѣсти и удержать за собою Галицкую Русь. Внутри—своеволіе бояръ противилось установленію всякаго твердаго порядка, извнѣ Ляхи, Венгры, Татары, Ятвяги, Литва, со всѣхъ сторонъ обуревали юное Государство. Отдѣленная отъ системы княжествъ Сѣверо-Восточной Руси, Галицкая Русь была вовлечена въ систему Западныхъ Славянскихъ народовъ (500) и страдала общимъ ихъ недостаткомъ, отсутствіемъ твердо установленной и сильной власти. Остальная Юго-Западная Русь, раздѣленная между многочисленными потомками Св. Володимера принадлежала частью къ Галицкой Руси, частью къ улусамъ Татарскимъ; въ ней доживали свой вѣкъ въ враждахъ и усобицахъ за ничтожныя волости — князья многочисленные и сильные вмѣстѣ, но слабые порознь. Каждое значительное село имѣло уже своего Князя. Судебъ этихъ Князей не вписала исторія, которой нѣтъ дѣла до частныхъ интерессовъ, если они не представляютъ стремленія къ одной цѣли. Въ Галицкой Руси общественныя отношенія не были такъ опредѣлены, какъ должно быть въ благоустроенномъ Государствѣ. Все, самое существованіе Государства, въ Галицкой Руси зависѣло отъ личности Князя; энергическій и дѣятельный Князь, каковымъ является Даніилъ Романовичь, былъ необходимъ въ Галицкой Руси; при его слабыхъ преемникахъ она быстро шла къ утратѣ своего самобытнаго существованія.

---

(500) *С. М. Соловьева,* Исторія отношеній и проч. стр. 368.

ГЛАВА VIII.

СОБЫТІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ДО ПРЕКРАЩЕНІЯ РОДА РОМАНА МСТИСЛАВИЧА ГАЛИЦКАГО (*).

Соучастникомъ Довмонта въ убіеніи Миндовга былъ племянникъ послѣдняго—Тренята; при жизни своего дяди онъ находился въ Жемонти или Самогитіи, а по смерти его началъ княжить во всей землѣ Литовской. Воишелгъ, сынъ Миндовга, опасаясь раздѣлить его участь, удалился изъ монастыря, выстроеннаго имъ недалеко отъ Новогродка, на р. Нѣменѣ, и бѣжалъ въ Пиньскъ. Тренята вызвалъ брата Товтивила изъ Полотска, предложивъ раздѣлить съ нимъ землю и имущество Миндовга. Между братьями возникли скоро несогласія; каждый искалъ гибели другаго. Тренята убилъ Товтивила и началъ княжить одинъ. Четыре конюха Миндовга скоро послѣ того убили Треняту, когда онъ

(*) *Источникъ:* Волынская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. II. с. 202—227). *Пособія: С. М. Соловьева:* Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома, стр. 366 слѣдд.: *Зубрицкаго* — Критико-историч. повѣсть Червонной Руси, стр. 93 слѣдд.; — Engel-Geschichte von Galizien und Lodomerien, S. 574—588.

шелъ мыться въ баню. Воишелгъ, слыша это, вошелъ въ Литву съ Пинянами; къ нему присоединились жители Новогородка и онъ началъ княжить одинъ въ Литвѣ (501). Первымъ дѣломъ Воишелга было отмстить своимъ врагамъ; онъ ихъ избилъ безчисленное множество; другіе бѣжали: Довмонтъ, убійца Миндовга, нашелъ себѣ убѣжище во Псковѣ, принялъ здѣсь Православіе съ именемъ Тимоѳея и былъ защитникомъ Пскова отъ Нѣмцевъ и своихъ соотечественниковъ (502). «Когда Воишелгъ, говоритъ лѣто-«пись — началъ княжить въ Литвѣ, то ему усердно помо-«гали Шварно и Василько; послѣдняго Воишелгъ назвалъ «своимъ *отцемъ и господиномъ.*» Шварно самъ ходилъ на помощь Воишелгу, а Василько послалъ ему рать; съ помощью своихъ союзниковъ Воишелгъ покорилъ своей власти Дявелитву и Нальщанскую землю. Воишелгъ послалъ Литву на князя Ляшскаго, Болеслава; Шварно, изъ Дорогичина, отправилъ съ Воишелговыми своихъ людей; они, пользуясь болѣзнью Болеслава, опустошили окрестности Скаришева, Торжка и взяли много полону. Болеславъ, по выздоровленіи, объявилъ войну Шварну за вваденіе его въ свои владѣнія; онъ послалъ на г. Холмъ рать, но она ничего не могла сдѣлать, потому что пограничные Ляхи передавали Русскимъ вѣсть о всѣхъ движеніяхъ своихъ соотечественниковъ. Шварно съ дядею Василькомъ и сыномъ его Володимеромъ, ходилъ на Болеслава и опустошилъ окрестности Люблина и Бѣлой; Ляхи отмстили разореніемъ окрестностей Червена и Бельза. Болеславъ предложилъ Русскимъ князьямъ съѣхаться для переговоровъ о мирѣ въ Тернавѣ; здѣсь несогласія были прекращены дружелюбнымъ образомъ (503). Воишелгъ отдалъ княженіе

---

(501) Ипатьев. л. стр. 202.
(502) Псковская лѣтопись, стр. 11 и слѣд.
(503) Ипатьев. л. стр. 203.

свое, всю Литву — племяннику Шварну (сыну Короля—Даніила и сестры Воишелга), говоря: «Я много согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ людьми. Теперь ты, Шварно, княжи; я тебѣ упрочилъ спокойное обладаніе страною.» Воишелгъ удалился въ г. Угровескъ, въ монастырь Св. Даніила, и призвалъ сюда, своего наставника, Григорія Полонинь-скаго. Левъ прислалъ сказать Васильку: «я хотѣлъ бы имѣть съ тобою свиданіе, на которомъ бы присутствовалъ и Воишелгъ.» Василько послалъ по Воишелга, приказавъ ему сказать: «прислалъ ко мнѣ Левъ, онъ хочетъ видѣться съ нами, ты не бойся ничего.» Опасаясь Льва, Воишелгъ не хотѣлъ ѣхать, но слово Василька ему показалось достаточнымъ ручательствомъ его безопасности. Онъ поѣхалъ и былъ убитъ Львомъ; поводъ убійства слѣдующій: «Левъ убилъ Воишелка изъ зависти, говоритъ лѣтопись, за то что онъ отдалъ землю Литовскую, брату его, Шварну.» Самъ Шварно скоро умеръ; города, въ которыхъ онъ княжилъ, Холмъ и Галичь, достались брату его Льву. Литва сдѣлалась опять самобытною; въ ней княжилъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, Тройденъ; лѣтопись говоритъ о немъ: «окаянный и беззаконный, проклятый, немилостивый Тройденъ; его беззаконій не могли мы описать срама ради.» Братья Тройдена: Сурьпутій, Лѣсій, Свелкеній, преставившіеся еще при его жизни, были Христіане Православнаго исповѣданія (504). Скоро послѣ Шварна умеръ Василько Романовичь; въ Володимери началъ княжить, сынъ его, Володимеръ: «онъ — по словамъ лѣтописи — отличался правдолюбіемъ не только къ своимъ родственникамъ—Князьямъ, но и къ боярамъ и къ простымъ людямъ (505).» Болеславъ велъ войну съ Воротиславскимъ княземъ и просилъ помощи у Русскихъ Князей; Левъ и Мстиславъ пошли сами;

---

(504) Ипатьев. л. стр. 204.
(505) Тамъ же, стр. 205.

Володимеръ же Васильковичь, занятый войною съ Ятвягами не могъ самъ идти, а послалъ, своего воеводу, Жилислава. По возвращеніи съ похода братья послали помощь Володимеру на Ятвяговъ; они смирились и князья ихъ Мингтель, Ширпа, Мудѣйко и Пестило явились къ Князьямъ Льву, Мстиславу и Володимеру, прося мира и получили его. Литовскій Князь Тройденъ жилъ мирно со Львомъ, но на область Володимера нападалъ безпрестанно за то, что отецъ его убилъ трехъ его братьевъ. Впрочемъ доброе согласіе между Львомъ и Тройденомъ продолжалось недолго; въ самый день Пасхи послѣдвій овладѣлъ, Львовымъ городомъ, Дорогичинымъ. Оскорбленный Левъ просилъ помощи у Татаръ: Ханъ Менгу-Тимуръ прислалъ къ нему воеводу Ягурчина съ Татарами, Романа Брянскаго съ сыномъ Олегомъ и за-Днѣпровскихъ князей «*ибо*, говоритъ лѣтопись, *вси Князья были въ волѣ въ Татарской.*» Левъ, Мстиславъ, Володимеръ, Князья Туровскіе и Пинскіе соединились съ Татарами у Слуцка и пошли къ Новугородку. Не дожидаясь другихъ Князей, Левъ съ Татарами взялъ Новогородокъ; Мстиславъ, Володимеръ, тесть его, Романъ Брянскій и Глѣбъ Смоленскій, негодуя на недобросовѣстность Льва, ушли во свояси, хотя планъ кампаніи былъ: по взятіи Новогородка идти во внутренность Литвы (506). Пруссы и Бортове, племена родственныя Литвѣ, сильно тѣснимыя Нѣмецкимъ орденомъ, искали убѣжища у Тройдена, который и поселилъ ихъ въ городахъ Волковыескѣ и Слонимѣ; такое близкое сосѣдство не нравилось Русскимъ Князьямъ, которые за то воевали съ Тройденомъ; Володимеръ взялъ у Тройдена г. Туріискъ и села на р. Нѣманѣ, а Тройденъ опустошилъ окрестности г. Каменца, выстроеннаго Володимеромъ Васильковичемъ на р. Лыснѣ. Ханъ Татарскій Ногай прислалъ къ Русскимъ Князьямъ

---

(506) Ипатьев. л. стр. 206.

пословъ: Тегичага, Кутлубугу и Ешимута, говоря имъ: «вы постоянно жалуетесь мнѣ на Литву; вотъ я вамъ даю рать и съ нею воеводу Мамъшея, пойдите же съ нимъ на враговъ своихъ.» Русскіе Князья, Мстиславъ и Володимеръ пошли на Литву, а Левъ послалъ, вмѣсто себя, сына своего, Юрья; Татары опустошили окрестности Новогродка, а Русскіе Князья пошли къ Волковыеску; жители этого города нечаяннымъ нападеніемъ захватили много знатныхъ Русскихъ и Князья, чтобы получить ихъ свободу, должны были воздержаться отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій (507). Терпя голодъ въ своей землѣ, Ятвяги послали сказать Князю Володимеру: «господинъ князь Володимеръ! мы пріѣхали къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, надѣясь на Бога и на твое здоровье, господинъ! не помори насъ, но перекорми насъ для себя; пошли, господинъ, къ намъ, жито свое продавать, а мы охотно купимъ; чего восхочешь: *воску* ли, *бѣли* ли *бобровъ* ли, *черныхъ* ли *кунъ*, *серебра* ли, мы охотно дадимъ.» Володимеръ отправилъ къ Ятвягамъ хлѣбъ изъ Берестія, съ вѣрными людьми, въ лодьяхъ по р. Бугу; они плыли вверхъ по этой рѣкѣ, потомъ вошли въ Нарову; здѣсь, въ области Ляшскаго Князя Кондрата, подъ г. Пултускомъ, ночью, хлѣбъ былъ пограбленъ, а люди потоплены въ рѣкѣ. Услышавъ это, Володимеръ требовалъ удовлетворенія отъ Князя Кондрата, и, не получивъ его, воевалъ его волости съ Болеславомъ Краковскимъ; послѣдній умеръ въ 1279 г., и Володимеръ помирился съ Кондратомъ. По смерти Болеслава въ землѣ Ляховъ возникли несогласія по поводу вопроса: кому быть Княземъ, ибо Болеславъ не оставилъ дѣтей; у него было 5 племянниковъ: Кондратъ и Болеславъ, сыновья Сомовита Мазовскаго; Лешко или *Лестько*, Земомыслъ и Володиславъ, сыновья Казимира; Ляшскіе бояре избрали изъ

---

(507) Ипатьев. л. стр. 207.

числа этихъ претендентовъ одного Лешка и посадили его княземъ въ Краковѣ (508). Князь Левъ замышлялъ самъ занять мѣсто Болеслава или, по крайней мѣрѣ, получить часть его владѣній, но бояре Ляшскіе не захотѣли его. Въ досадѣ Левъ поѣхалъ самъ въ Орду къ Ногаю и просилъ у него помощи на Ляховъ; Ногай отпустилъ съ нимъ воеводъ: Кончака, Козѣя и Кубатана съ ратью. Зимою Левъ съ сыномъ Юрьемъ и съ Татарами пошелъ на Ляховъ; его сопровождали братъ Мстиславъ и Володимеръ *неволею Татарскою* говоритъ лѣтопись, т. е. неохотно и изъ повиновенія Татарамъ. Подъ г. Судомиромъ по льду они перешли Вислу; безъ успѣха приступали къ Судомирю; Левъ пошелъ на Краковъ, былъ разбитъ Лешкомъ и *такъ*—говоритъ лѣтопись—*возвратился Левъ назадъ съ великимъ безчестьемъ* (509). Угрожаемые нашествіемъ непріятелей, жители въ то время обыкновенно удалялись въ лѣса, сносили сюда имущество, защищались засѣками; одинъ изъ такихъ *осѣковъ* взялъ Володимеръ въ этомъ походѣ и захватилъ въ немъ много плѣнныхъ и добычи. Лешко не замедлилъ отмстить Русскимъ Князьямъ, вошелъ въ волости Льва, взялъ г. Переворескъ, жителей предалъ острію меча, а городъ сжегъ; другой Лешковъ отрядъ, вошедъ въ волости Володимера, опустошилъ окрестности г. Берестья и захватилъ 10 селъ по р. Кроснѣ; Берестьяне, числомъ 70 чел. съ воеводою Титомъ, славнымъ мужествомъ, напали на 200 Ляховъ, разбили ихъ, убили 80 чел. и отняли всю, полученную ими, добычу. Сыновья Сомовита, Князя Мазовскаго, Кондратъ и Болеславъ жили между собою несогласно; сторону Кондрата держалъ постоянно Князь Володимеръ Васильковичь, а сторону Болеслава, Краковскій Князь, Лешко и братъ его, Володиславъ. Однажды, когда Кондратъ отлу-

---

(508) Ипатьев. л. стр. 208.
(509) Тамъ же, стр. 209.

чился куда то изъ главнаго своего города, Ездова, Болеславъ, со вспомогательнымъ войскомъ Володислава, осадилъ этотъ городъ и взялъ его: «*военный законъ же былъ у Ляховъ таковъ,* говоритъ лѣтопись—мирныхъ гражданъ не убивать и не уводить въ неволю, а отнимать у нихъ имущество.» Не только жители города, но и супруга Кондрата и дочь его лишились всего своего имущества. Кондратъ жаловался другу своему, Князю Володимеру, который рѣшился идти съ войскомъ на Болеслава и просилъ помощи у племянника Юрья Львовича; но онъ не поѣхалъ, извиняясь тѣмъ, что ѣдетъ въ Суздаль жениться, а предоставилъ въ распоряженіе дяди всѣхъ своихъ бояръ и людей. Володимеръ пріѣхалъ въ Берестіи и отсюда отправилъ противъ Болеслава рать; главнымъ начальникомъ ея былъ Василько, князь Вослонимьской; вспомогательнымъ отрядомъ, пришедшимъ отъ Юрья, начальствовалъ воевода Тюима. Кондрата окружали измѣнники боляре, сообщавшіе извѣстіе о всѣхъ его движеніяхъ Болеславу; зная это, Володимеръ отправилъ посла къ Кондрату, который, въ присутствіи всѣхъ бояръ, сказалъ ему отъ имени Володимера: «и радъ былъ бы я тебѣ помочь и отмстить за твою обиду, теперь мнѣ невозможно; у насъ не спокойно отъ Татаръ.» Потомъ посолъ, прощаясь, сильно сжалъ князю руку. Кондратъ вышелъ за нимъ и съ радостью услышалъ: «собирай всѣ свои силы; вспомогательное войско Володимера будетъ у тебя завтра, приготовь лодьи для его перевоза.» Русское войско соединилось съ Кондратовымъ; прошедъ мимо Сохачева, оно осадило г. Гостиной, «*который былъ увеселительнымъ мѣстомъ Болеслава*»; не смотря на упорную защиту, городъ былъ взятъ, жители частью побиты, частью уведены въ плѣнъ, имущество ихъ все заграблено, а городъ выжженъ; «*и такъ,* заключаетъ лѣтопись, *возвратились во свояси съ побѣдою и съ честью великою* (510). Володи-

---

(510) Ипатьев. л. стр. 210.

меръ самъ не ходилъ въ походъ, но дожидался возвращенія своей рати въ Берестьи, съ удовольствіемъ узналъ объ ея успѣхахъ и о томъ, что она потеряла убитыми всего только два человѣка, и возвратился въ свой стольный городъ Володимеръ. Предводители Татаръ, Ханъ Ногай и Телебуга, замыслили походъ на Венгрію; они привели съ собою многочисленное войско и велѣли идти съ нимъ же Русскимъ Князьямъ: Льву, Мстиславу, Володимеру и Юрію Львовичу; они не смѣли ослушаться: *«ибо тогда вси князья Русскіе находились въ волѣ Татарской.»* Они пошли всѣ, кромѣ Володимера, который былъ боленъ (по словамъ лѣтописи, онъ тогда хромалъ и былъ очень нездоровъ) и послалъ свою рать съ племянникомъ Юрьемъ Львовичемъ. Болеславъ, пользуясь недосугомъ Русскихъ Князей, вошелъ въ области Льва, опустошилъ окрестности Щекарева и разграбилъ 10 селеній. Левъ, слыша объ этомъ, отпросился у Татаръ домой и просилъ Володимера склонить Литву подать ему помощь на Болеслава. Литва обѣщалась. Володимеръ и Левъ соединили свои силы у Берестья и здѣсь дожидались Литвы, но она не пришла въ срокъ; тогда Князья отправили въ Болеславову землю воеводъ, которые и опустошили окрестности Вышегорода; они взяли тамъ безчисленное множество плѣнныхъ, и скота и коней. Когда воеводы уже были далеко въ землѣ Ляшской, пришли и Литовцы; они сказали Князю Володимеру: «веди насъ куда хочешь, ты насъ привелъ (511).» Володимеръ долго не зналъ какъ быть съ опасными союзниками и послалъ ихъ на Лешка за то, что воины того когда то захватили пограничное село, Воинъ, а самъ Лешко не хотѣлъ возвратить взятыхъ ими плѣнниковъ. Литва бросилась на Ляховъ; *«опустошила окрестности Люблина и, захвативъ множество плѣнныхъ, возвратилась назадъ съ честью.»* Въ слѣдъ за

---

(511) Ипатьев. л. стр. 211.

Литвою пришли домой и воеводы Львовы и Володимеровы *«съ честью великою, взявъ многое множество плѣнныхъ.»* Болеславъ не переставалъ дѣлать зло Русскимъ волостямъ; Володимеръ привелъ Литву, и отправилъ какъ ее и свою рать, такъ и Львову, на Болеслава; Юрій Львовичь находился въ походѣ, но отецъ велѣлъ ему возвратиться изъ Мѣльника, опасаясь, чтобы Литва не отмстила ему на его сынѣ за убійство Воишелга. Русское войско опустошило Болеславову область, взяло г. Сохачевъ «и захватило въ немъ много плѣнныхъ и добычи, а кого не могли увести въ плѣнъ изрубили и такъ *ополонившись,* пришли во свояси.» Походъ Татаръ въ Венгрію былъ неудаченъ; Ногай шелъ туда на Брашевъ, а Телебуга инымъ путемъ; послѣдній заблудился въ горахъ, ходилъ по нимъ болѣе мѣсяца, потерялъ около 100,000 человѣкъ, умершихъ отъ голода и возвратился, по словамъ лѣтописи, *«пѣшь, съ своею женою, объ одной кобылѣ.»* Пораженіе Телебуги имѣло и для Руси горькія послѣдствія: много Русскихъ, находившихся въ войскѣ Телебуги погибло, другіе воротились пѣши, потерявъ коней и долго въ памяти народа жило воспоминаніе о несчастной Телебужиной рати (исчисляя добродѣтели Володимера Васильковича лѣтопись говоритъ:... «и стада «раздавалъ убогимъ людямъ, не имѣвшимъ коней, а осо-«бенно тѣмъ, которые изгубили ихъ въ Телебузину рать.») Телебуга хотѣлъ удачнымъ походомъ на Ляховъ изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о его пораженіи въ Венгріи на покоренные Татарами народы (512). Ногай также хотѣлъ идти на Ляховъ, но отдѣльно отъ Телебуги, *ибо между ними была въ то время великая вражда.* Телебуга послалъ къ Заднѣпровскимъ Князьямъ и къ Волынскимъ, къ Льву, Мстиславу и Володимеру, веля имъ пойти съ собою на войну; тѣ не смѣли ослушаться

(512) Ипатьевская л. стр. 212.

страшныхъ своихъ повелителей. Собравъ многочисленное Татарское войско, Телебуга пошелъ на Ляховъ; у р. Горыни встрѣтилъ его съ дарами Князь Мстиславъ; оттолѣ Телебуга пошелъ мимо Кременецъ къ Перемышлю; здѣсь на Липѣ встрѣтилъ его Князь Володимеръ съ напитками и съ дарами для его войска; въ Бужьковичахъ точно также встрѣтилъ Телебугу Юрій Львовичь. На Бужьковскомъ полѣ Телебуга дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ. «Русскіе Князья страшились не за свои волости только, но и за жизнь; Князья опасались, что Татары предадутъ ихъ смерти, а города ихъ опустошатъ.» Телебуга съ Татарами и Русскими Князьями пошелъ къ Володимерю и сталъ на Житани; онъ ходилъ осматривать укрѣпленія этого города, а нѣкоторые говорили, будто и въ самомъ городѣ былъ. Татары пошли далѣе, не взявъ Володимера, но причинивъ великій вредъ его жителямъ: «они дѣлали съ жителями города что хотѣли; отняли у нихъ безчисленное множество имущества и коней.» Телебуга пошелъ въ Ляшскую землю, но у Володимера оставилъ Татарскій отрядъ *кормыти*, говоритъ лѣтопись, *любимыи кони;* этотъ отрядъ былъ бичемъ всего Володимерскаго княженія; вотъ слова очевидца (513). «Они (Татары) обратили въ пустыню землю Володимерскую, не допускали насъ даже изъ города ходить за съѣстными припасами: если же кто оставлялъ городъ, тотъ или лишался жизни или былъ уводимъ въ полонъ, прочихъ жителей грабили и коней у нихъ отнимали; а въ городѣ въ облежаніи, Божіимъ гнѣвомъ, умерло безчисленное множество гражданъ.» Левъ съ сыномъ Юрьемъ, Мстиславъ и Володимеръ пошли, хотя и противъ воли, съ своими полками за Телебугою; этотъ походъ, какъ и всѣ прочіе, былъ зимою; Татары хотѣли перейти Вислу у Завихвоста, но она еще не замерзла; они пошли къ Судо-

---

(513) Ипатьев. л. стр. 212.

миру и тутъ по льду перешли Санъ; отсюда Князь Володимеръ возвратился, страдая жестокою болѣзнью (жалостно было, говоритъ лѣтопись, смотрѣть на него). Татары приступили къ Судомиру, но не могли его взять и въ продолженіи десяти дней опустошали всю окрестную страну. Отсюда Телебуга хотѣлъ идти къ Кракову, но, къ глубокому своему сожалѣнію, услыхалъ, что тамъ уже свирѣпствуетъ Ногай, ушедшій впередъ отъ него. Не соединившись и даже не видѣвшись съ нимъ, Телебуга пошелъ назадъ чрезъ владѣнія Князя Льва, на городъ Львовъ. Двѣ недѣли стояли здѣсь Татары и причинили жителямъ неисчислимый вредъ: «Они не вели открытой войны, а только кормились, прервали сообщеніе города съ окрестностями, подвозъ съѣстныхъ припасовъ; не позволяли никому оставлять города; ослушниковъ же, однихъ избивали, другихъ уводили въ плѣнъ, а иныхъ, обобравъ до чиста, пускали обнаженныхъ; послѣдніе умирали отъ стужи; ибо зима была крайне сурова. Татары обратили всю страну въ пустыню; въ городахъ множество жителей померло отъ нуждъ въ слѣдствіе облежанія Татарскаго, а другіе померли въ селахъ, вышедши изъ городовъ, по отшествіи беззаконныхъ Агарянъ (514).» Ногай, находившійся во враждѣ съ Телебугою, шелъ въ Ляшскую землю не однимъ съ нимъ путемъ, но чрезъ Перемышль; онъ приступалъ къ Кракову, не могъ взять города, а жестоко опустошилъ окрестности и пошелъ назадъ особо отъ Телебуги; Ногай пошелъ своею дорогою, а Телебуга своею. По удаленіи ихъ несчастная страна Ляховъ была поражена моровою язвою, истребившею много жителей. Посѣщеніе Татаръ дорого стоило и Галицкой Руси: «по удаленіи Телебуги и Ногая Князь Левъ велѣлъ счесть, сколько погибло людей въ его землѣ, какъ уведенныхъ въ плѣнъ, такъ и избитыхъ и Божіею

---

(514) Ипатьев. л. стр. 212.

волею умершихъ; оказалось, что 35,000 чел. погибло такимъ образомъ.» Страшный моръ изъ Ляшской земли перешелъ въ Южную Русь, а оттуда въ Татарскую землю; Юрій Львовичь оплакалъ смерть своего малолѣтняго сына Михаила; не одни люди умирали: «гибло все, говоритъ лѣтопись — кони, скотъ и овцы, все вымерло, *не остася ничего же.*» Не смотря на эти бѣдствія Ляшскіе Князья продолжали воевать другъ съ другомъ: Лешко Казимиричь опустошилъ волости Кондрата Сомовитовича; Князь Кондратъ преслѣдовалъ его войско, разогналъ его и отнялъ, награбленную въ его владѣніяхъ, добычу. Литва и Жемоить воевали съ Ливонскими Нѣмцами и приступали къ Ригѣ, но не имѣли успѣха и возвратились съ ничтожною добычею; слыша это, рыцари Нѣмецкаго ордена пошли въ Жемоитьскую землю; награбили много добычи и увели множество плѣнныхъ (515). Въ Галицкой Руси завязался важный вопросъ — о томъ, кому быть наслѣдникомъ Володимера Васильковича, бездѣтнаго, котораго мучительная болѣзнь медленно, но вѣрно вела ко гробу. Володимеръ воспользовался присутствіемъ Хановъ Татарскихъ, чтобы распорядиться своими владѣніями; находясь въ станѣ у Судомира, Володимеръ послалъ сказать Мстиславу Даниловичу: «братъ! видишь мою немощь, что я уже недомогаю и у меня дѣтей нѣтъ; отдаю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города по своемъ животѣ; это распоряженіе я дѣлаю при царяхъ *и при его рядцахъ.*» Мстиславъ поблагодарилъ брата или, по тогдашнему выраженію, *ударилъ передъ нимъ челомъ.* Володимеръ послалъ сообщить свою волю брату Льву и племяннику Юрью: «довожу до вашего свѣдѣнія, что я далъ брату Мстиславу землю свою и города.» Левъ отвѣчалъ: «и хорошо сдѣлалъ, что ему отдалъ; мнѣ подъ нимъ не стать искать его владѣній по твоемъ

---

(515) Ипатьев. л. стр. 171—213.

животѣ? Мы всѣ во власти Божіей; я хочу только, дабы мнѣ далъ Богъ удержать и то, что имѣю въ это несчастное время.» Мстиславъ предупредилъ брата Льва и его сына, что если они имѣютъ что нибудь сказать противъ распоряженія Володимерова, то пусть они сдѣлаютъ это теперь же при жизни Володимера и въ присутствіи Татарскихъ Хановъ. Левъ повторилъ, что совершенно доволенъ Володимеровымъ распоряженіемъ (516). Болѣзнь Володимера усиливалась, и онъ отъ р. Сана возвратился домой; страшный его недугъ подробно описанъ лѣтописцемъ (517): болѣзнь Володимера продолжалась 4 года; у него начала гнить нижняя челюсть, сначала немного, на другой годъ болѣе, на третій еще болѣе; видя приближеніе смерти, Володимеръ роздалъ убогимъ все свое имѣніе: золото, серебро, драгоцѣнныя камни, золотые и серебренные пояса; большія серебреныя блюда, кубки золотые и серебреные, велѣлъ передъ своими глазами перелить въ гривны, которыя употребилъ на милостыню; даже не пощадилъ золотыхъ *монистъ* бабки и матери своей, обратилъ ихъ въ деньги и роздалъ бѣднымъ; но болѣзнь часъ отъ часу становилась сильнѣе: «Въ исходѣ четвертаго года съ наступленіемъ зимы, Володимеръ началъ сильно страдать: у него отпало все мясо съ бороды, и зубы исподніе выгнили всѣ и челюсть бородная перегнила.» Возвратившись изъ Судомира въ свою столицу, Володимеръ сказалъ супругѣ: хотѣлъ бы я ѣхать въ Любомль, надоѣла мнѣ *погань си* (т. е. Татары), я человѣкъ больной, немогу съ ними толковать, будетъ съ нихъ и Епископа Марка. «Съ женою и придворными слугами Володимеръ поѣхалъ въ Любомль, оттуда чрезъ Берестій въ Каменецъ, гдѣ и дожидался совершеннаго удаленія Татаръ, о которыхъ онъ съ прискорбіемъ говорилъ: *«а про-*

---

(516) Ипатьев. л. стр. 214.
(517) Тамъ же, стр. 219.

ѣли мнѣ уже и на печенехъ.» Слуги Володимера, ходившіе со Мстиславомъ и Телебугою на Ляховъ, возвратившись домой, между прочимъ сказали своему Князю: «твой братъ (Мстиславъ) отдалъ уже г. Всеволожь одному боярину, а другимъ роздаетъ села.» Огорченный Володимеръ послалъ сказать Мстиславу: «братъ! ты меня вѣдь на полону не бралъ, ни копьемъ меня не добылъ, ни изъ городовъ моихъ меня не выбилъ пришедъ на меня ратью; если ты такъ поступаешь со мною; то не сѣтуй на меня, ты мнѣ братъ, но есть у меня и другой же братъ Левъ, и племянникъ Юрій; изъ васъ трехъ я избралъ тебя одного, и далъ тебѣ землю свою всю и города по своемъ животѣ, а при моемъ животѣ тебѣ не должно вступаться ни во что; такъ я учинилъ за гордость брата своего и племянника своего, и потому то отдалъ тебѣ землю свою (518).» Мстиславъ привѣтливымъ и покорнымъ отвѣтомъ смягчилъ брата, который возвратилъ ему свое расположеніе и пожелалъ торжественными договорами, какъ утвердить за Мстиславомъ свои владѣнія, такъ и устроить судьбу своей жены Ольги и воспитанницы Изяславы («я долженъ озаботиться, говоритъ Володимеръ — и о участи этой малолѣтной Изяславы, которую я миловалъ словно свою дщерь родимую.... она для меня была какъ бы отъ моей княгини рожденною, ибо я взялъ ее отъ ея матери въ пеленахъ и воскормилъ.») Эти грамоты были написаны въ присутствіи, Володимерскаго Епископа, Евсегнія, писцемъ Ѳедорцемъ. *Первая* грамота, послѣ обычнаго вступленія, содержитъ слѣдующее: «Я, князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и города, по своемъ животѣ, брату своему, Мстиславу и стольный свой городъ Володимерь.» *Другою* грамотою Володимеръ далъ своей женѣ г. Кобрынъ и село Городѣлъ со всѣми данями, пошлинами

---

(518) Ипатьев. л. стр. 214.

и пр., а монастырю Св. Апостоловъ, имъ созданному, села: Садовое и Сомино; окончаніе грамоты весьма любопытно: «княгиня моя, по моемъ животѣ, коли захочетъ идти въ монахини, пусть идетъ, а не захочетъ — ея воля, *мнѣ не воставши смотрѣть, кто што иметь чинити по моемъ животѣ* (519).» *Третьею* грамотою и крестнымъ цѣлованіемъ Володимеръ обязалъ Мстислава выдать Изяславу за мужъ по желанію и выбору ея самой и Княгини. Кондратъ Сомовитовичь, князь Мазовскій, слыша о распоряженіи Володимера, послалъ ему сказать: «господинъ братъ мой! ты былъ мнѣ вмѣсто отца, какъ ты меня держалъ подъ своею рукою, своею милостью; тобою я господинъ, княжилъ и города свои держалъ, защищался отъ братьи своей и грозенъ ей былъ; а нынѣ, господинъ, слышалъ я, что ты далъ землю свою всю и города, брату своему, Мстиславу, а надѣюся на Богъ и на тебя; я желалъ бы чтобы ты, господинъ мой, отправилъ своего посла съ моимъ посломъ ко брату своему Мстиславу, дабы онъ братъ твой меня съ твоею милостью, господинъ, принялъ подъ свою руку, и стоялъ бы за меня въ мою обиду, какъ ты, господинъ мой, стоялъ за мною во мою обиду.» Володимеръ охотно согласился и Мстиславъ, по его желанію, принялъ Князя Кондрата подъ свое покровительство. Кондратъ изъ своей области поѣхалъ на Берестій въ Любомль, здѣсь видѣлся съ Володимеромъ, оттуда, чрезъ Луцкъ прибылъ въ Гаї, гдѣ лично объяснился по своему дѣлу со Мстиславомъ и былъ имъ обласканъ (520). Въ это время умеръ Лешко и бояре Краковскіе думали было избрать своимъ Княземъ Кондрата; съ этою вѣстью они отправили къ нему въ Гаї Ярътака. Съ радостью услышалъ ее Кондратъ и поспѣшилъ къ Кракову; на дорогѣ онъ хотѣлъ войдти въ Люб-

---

(519) Ипатьев. л. стр. 215.
(520) Тамъ же, стр. 217.

линъ, но жители его не впустили; своею трусостью, (ибо онъ не рѣшился отразить Юрія Львовича съ малочисленною дружиною опустошившаго Люблинскую землю) Князь Кондратъ заслужилъ презрѣніе Ляховъ «*и поѣхалъ во свояси, веземъ себѣ соромъ великъ, лѣпши бы не живъ былъ* (521).» Юрій Львовичь съ досадою видѣлъ, что богатое наслѣдство дяди отъ него ускользаетъ и, желая получить хоть часть его, послалъ сказать Володимеру, что отецъ отнимаетъ у него города Червенъ, Бѣльзъ и Холмъ, а даетъ ему только Дорогичинъ и Мельникъ и умолялъ его дать ему Берестій. Рѣшительно и холодно отвѣчалъ Володимеръ: «скажи племяннику — не «дамъ; вѣдаешь самъ, что я не двоюрѣчю, и я никогда не «лгалъ, а Богъ вѣдаетъ и вся поднебесная, не могу по«рушить рядъ, что я докончалъ съ братомъ своимъ Мсти«славомъ: далъ ему землю свою всю и города и грамо«тами то утвердилъ.» Упрямый и твердый характеръ Володимера сказывается еще лучше въ слѣдующей чертѣ: взявъ въ руку пукъ соломы изъ своей постели, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго своего слугу, Ратьшу, и сказалъ ему: «молви брату моему Мстиславу; прислалъ, скажи, племянникъ мой, Юрій проситъ у меня Берестья, я же ему не далъ ни города, ни села; а ты — скажи — не давай ничего же; хотя бы я тебѣ-скажи — братъ мой, тотъ вехоть соломы далъ, того не давай по моемъ животѣ никому же.» Юрій съ отцемъ не теряли надежды; они послали къ Володимеру Перемышльскаго Епископа; принятый имъ ласково, Епископъ поклонился ему до земли и сказалъ: «братъ (Левъ) тебѣ кланяется»; потомъ началъ править посольство: «братъ твой, господине, молвитъ: дядя твой Даніилъ Король, а мой отецъ лежитъ въ Холмѣ, въ церквѣ «святой Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои,

(521) Ипатьев. л. стр. 218.

«Романъ и Шварно и всѣхъ нашихъ родственниковъ ко-«сти тутъ лежатъ; а нынѣ, братъ, слышалъ я твою немочь «великую, и прошу тебя: братъ мой, не взгаси свѣчи надъ «гробомъ дяди своего и братіи своей, дай городъ свой «Берестій; то бы твоя свѣча была.» Съ досадою и не безъ горькой насмѣшки отвѣчалъ Володимеръ (522): «братъ-скажи ему—Левъ князь, развѣ ты считаешь меня уже столь безразсуднымъ, что думаешь: не разумѣю твоей хитрости. Неужели мало тебѣ твоихъ собственныхъ владѣній? Ты домогаешься Берестія, а самъ держишь три княженія: Галицкое, Перемышльское, Бѣльзское, и этого всего тебѣ мало? Да скажи еще: вотъ мой отецъ, а твой дядя — Василько-лежитъ въ Епископской церкви святой Богородицы, а много ли ты надъ нимъ свѣчей поставилъ? далъ ли ты хоть одинъ городъ, дабы то твоя свѣча была? Ты прежде просилъ живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь? Не дамъ; не только города, но ни села не возмешь у меня; разумѣю я твою хитрость, не дамъ.» Одаривъ Епископа, Володимеръ отпустилъ его. Скоро послѣ того Володимеръ преставился (княживъ 20 лѣтъ по смерти отца) въ 1288 году, Декабря 10, въ г. Любомли (523). Лѣтопись говоритъ о немъ: «Володимеръ разумѣлъ притчи и темное слово—былъ книжникъ великій и философъ, какаго не бывало во всей земли (524) и по немъ не будетъ»; онъ раздарилъ разнымъ церквамъ много священныхъ книгъ, списанныхъ его собственною рукою (525). Еще при жизни Володимера, Мстиславъ Даніиловичь былъ введенъ во владѣніе его княжествомъ; онъ поѣхалъ въ Володимеръ, въ соборную церковь,

---

(522) Ипатьев. л. стр. 218.
(523) Тамъ же, стр. 220.
(524) Тамъ же, стр. 218.
(525) Тамъ же, стр. 222—223.
(526) Тамъ же, стр. 216.

гдѣ собрались бояре Володимерскіе и жители города, какъ Русскіе, такъ и Нѣмцы и повелѣлъ передъ ними прочесть грамоту, которою Володимеръ уступалъ ему всѣ свои города и области; по окончаніи чтенія Епископъ Евсегній благословилъ Мстислава крестомъ на княженіе Володимерское; ибо Мстиславъ хотѣлъ немедленно княжить, но Володимеръ прислалъ ему сказать: «ты начнешь княжить только по моемъ животѣ (526).» Мстиславъ, пробывъ нѣсколько дней въ Володимери, удалился въ свои города: Луцкъ и Дубенъ. Мстиславъ не присутствовалъ ни при кончинѣ, ни при погребеніи своего брата Володимера, но, пріѣхавъ послѣ съ боярами своими и слугами, онъ пошелъ въ Соборную церковь на его могилу и тамъ оплакалъ его, какъ отца своего Короля Даніила. Успокоившись отъ печали, Мстиславъ началъ разсылать *засаду* или гарнизонъ по городамъ; тутъ онъ услышалъ, что въ Берестьи, Кременцѣ и Бѣльскѣ находится уже засада Юрья Львовича. Еще при жизни Володимера Берестьяне дали обѣщаніе Юрію имѣть его своимъ Княземъ; услышавъ же о смерти дяди, Юрій въѣхалъ въ Берестій и началъ княжить въ немъ *по совѣту безумныхъ молодыхъ бояръ своихъ и коромольниковъ Берестьянъ* (527). Бояре совѣтовали Мстиславу употребить силу, занять города Юрьевы, Бѣльзъ и Червенъ и идти къ Берестью; но умный Мстиславъ Даніиловичь одною угрозою Татарскаго нашествія выжилъ своего племянника изъ городовъ имъ занятыхъ. Онъ послалъ Юрья, Князя Пороскаго, служившаго сначала Володимеру, къ Татарамъ просить у нихъ помощи на Льва и Юрья, а ихъ, каждаго порознь, увѣдомилъ объ этомъ. *Левъ же*, говоритъ лѣтописецъ, «*убоялся того вельми, ибо еще у него не сошла оскомина Телебужины*

---

(527) Ипатьев. л. стр. 172.

рати; онъ послалъ сказать Юрью, что коли онъ не выѣдетъ изъ Берестья, то онъ, Левъ, будетъ дѣйствовать противъ него заодно со Мстиславомъ и Татарами.» Юрій на другой же день по полученіи этого извѣстія, выѣхалъ изъ Берестья, въ безсильной злобѣ опустошивъ несчастные города, имѣвшіе неблагоразуміе ему поддаться: *и не остался камень на камнѣ въ Берестьи, и въ Каменцѣ, и въ Бѣльскѣ* (528). Мстиславъ Даниловичь былъ и тѣмъ доволенъ и велѣлъ Юрью Пороскому воротиться; Берестьянъ же онъ наказалъ, положивъ на нихъ особый оброкъ въ пользу княжьихъ ловчихъ. Мстиславъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями: область его граничила съ владѣніями его брата, Льва, съ Ляшскою, Литовскою и Татарскою землями. Литовскій Князь, Будикидъ и, братъ его, Будивидъ, желая жить въ мирѣ со Мстиславомъ, уступили ему г. Волковыескъ (529). Кондратъ Сомовитовичь, признавшій Мстислава своимъ отцемъ, просилъ у него помощи, хотя пойти на княженіе Судомирьское. Мстиславъ послалъ ему рать и воеводу Чюдина, съ помощью которыхъ Кондратъ сдѣлался Судомирьскимъ Княземъ. Братъ Кондрата, Болеславъ Сомовитовичь, сѣлъ въ Краковѣ по смерти Лешка; ему помогалъ Князь Левъ Галицкій, который по этому случаю ходилъ въ глубину Силезіи и заключилъ тѣсный союзъ съ Чешскимъ Королемъ (530). Исходомъ XIII-го вѣка оканчивается Волынская лѣтопись, единственный вѣрный источникъ для исторіи Галицкой Руси этого времени. Отсюда до прекращенія ея самобытнаго существованія, едва извѣстны имена Князей Романова рода, въ ней господствовавшихъ. Левъ Даниловичь умеръ въ 1301 году; сынъ его Юрій, по смерти бездѣтнаго дяди, Мстислава, присоединилъ къ Галичу и Володимерское кня-

---

(528) Ипатьев. л. стр. 224.
(529) Тамъ же, стр. 225.
(530) Тамъ же, стр. 226.

женіе и носилъ титулъ своего дѣда Короля Даніила (Rex Russiæ). Въ 1316 году въ Юго-Западной Руси уже княжили сыновья Льва—Андрей и Левъ; они оставили малолѣтнаго сына Юрья Казиміра, смертью котораго около 1337 года прекратился родъ Романа Мстиславича Галицкаго (531).

---

(531) *Карамзина:* Ист. Гос. Росс. т. IV. стр. 248—250.

ГЛАВА VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ Волынской Руси господствовали въ XII вѣкѣ многочисленные потомки Ярослава Володимеровича; тутъ были Князья: Пинскіе, Черторыйскіе, Степанскіе, Дубровьскіе, Шумьскіе, Острожскіе, Поросьскіе и другіе. Одни изъ нихъ были подчинены Галицкимъ и Володимерскимъ Князьямъ; такъ Володимеру Васильковичу служилъ Князь Юрій Поросьской. Другіе признавали непосредственно надъ собою власть Татаръ, третьи Литвы. Юго-Западная Русь, точно также какъ и Сѣверо-Восточная, платила дань Татарамъ или *выходъ:* въ грамотѣ Володимера Васильковича, гдѣ онъ отдалъ женѣ г. Кобринъ, упоминается о *Татарщинѣ,* которую обязаны платить его жители (532). Весьма трудно опредѣлить, какъ далеко на Востокъ въ Волынь простирались владѣнія Галицкихъ и Володимерскихъ Князей. Рѣки Горынь и Серетъ могутъ быть приняты приблизительно Восточною ихъ границею, но въ разное время они простирались и далѣе: Даніилъ Галицкій владѣлъ Кіевомъ и, поте-

---

(532) Ипатьев. л. стр. 215.

рявъ Кіевъ, землею до р. Тетерева и до Жидичева; впрочемъ, при отсутствіи системы централизаціи въ правленіи, повиновеніе отдаленныхъ отъ столицы мѣстъ было чисто номинальное; такъ жители одного города на Волыни, когда приблизился Даніилъ съ войскомъ, приняли отъ него *тивуна*, но, по удаленіи Даніила, не дали *тивуну* отправлять свою должность или *тивунити* (533). Граница Володимерскаго и Галицкаго Княженій на Югѣ была опредѣленнѣе, потому что ею на значительное пространство служили Карпатскія горы, которыя въ лѣтописи именуются то просто *Горою* (534), то *Кавокасскими* (535) горами, то *Угорскими* (536); для нѣкоторыхъ отраслей хребта встрѣчаются особыя названія, напр: (537) *Борсуковъ дѣлъ*. Нѣсколько значительныхъ горныхъ проходовъ облегчали сообщеніе Галицкой Руси и Венгріи; главный изъ нихъ, которымъ постоянно приходили Венгры вмѣшиваться въ дѣла Юго-Западной Руси, это — долина р. Сана, на Синеволодьско (538), Бардуевъ и Санокъ; потомъ дорога идетъ долиною р. Днѣстра. Юго-Западная граница, степью, была также очень неопредѣленна; самыя Южныя мѣста, встрѣчаемыя въ лѣтописи, суть Ушица (539) и Кучельмина (540); далѣе отъ нихъ къ Ю. были конечно отдѣльныя поселенія, но собственно тутъ уже начинались кочевья Половцевъ и Татаръ; а также скитались и Берладники. Самое Западное мѣсто Галицкой Руси, упоминаемое въ лѣтописи, есть Перевореськъ (541) (нынѣ Пржеворескъ); далѣе къ С. рѣки: Санъ и Висла

---

(533) Ипатьев. л. стр. 194. посл. строка снизу.
(534) Ипатьев. л. стр. 52. и мн. др.
(535) Лаврент. л. стр. 2.
(536) Ипатьев. л. стр. 169.
(537) Тамъ же, стр. 175.
(538) Тамъ же, стр. 178.
(539) Лаврентьев. л. стр. 135.
(540) Ипатьев. л. стр. 84.
(541) Тамъ же, стр. 209.

составляли границу; еще Сѣвернѣе она шла по р. Веиру. Люблинъ былъ пограничнымъ Ляшскимъ мѣстомъ, а Холмъ Русскимъ; нѣсколько Сѣвернѣе Холма, у Влодавы, граница Галицкой Руси примыкала къ Западному Бугу и шла по немъ до Нура; отсюда до Визны на р. Наревѣ. Сѣверную границу Галицкой Руси составляли рр. Наревъ, Нѣманъ, Ясольда, Щара и Случь; впрочемъ и эта граница не имѣла ничего постояннаго, а измѣнялась въ слѣдствіе отношеній Литвы къ Русскимъ Князьямъ. Владѣнія Короля Даніила Галицкаго, не включая особаго Володимерскаго княженія, содержали въ себѣ приблизительно болѣе 2,500 кв. м. и болѣе 4 милліоновъ жителей. Отецъ Даніила—Романъ, владѣвшій всею Юго-Западною Россіею, имѣлъ въ своей власти около 4.000 кв. миль и 6 милл. жителей. Володимерское Княженіе, взятое отдѣльно, содержало примѣрно 1,000 кв. м. и 2 милл. подданныхъ. Володимерское Княженіе отдѣлялось отъ Галицкаго р. Западнымъ Бугомъ почти до ея истоковъ, отсюда на Ю. З. р. Вельею (542) и Горынью; вообще все Володимерское Княженіе входитъ нынѣ въ составъ Русской Имперіи, между тѣмъ какъ часть Галицкаго Княженія, именно округи: Червенскій и Холмской принадлежатъ къ Люблинской Губерніи Царства Польскаго, а остальная часть къ Королевству Галиціи, составной части Австрійской Имперіи. Галицкая Русь состояла собственно изъ Княжествъ: Бельзскаго, Теребовльскаго, Галицкаго, Перемышльскаго и Червенскихъ городовъ. Любопытно, что почти каждый изъ Галицкихъ Князей считалъ нужнымъ переносить столицу въ новой городъ: Володимерко и Ярославъ княжили въ Галичѣ; Даніилъ въ Холмѣ, Левъ, сынъ его, во Львовѣ; Юрій — Казиміръ, то во Львовѣ, то въ Володимери. Епископствъ въ Галицкой Руси было четыре: Холмское (прежде Угровеское), Галицкое,

---

(542) Ипатьев. л. стр. 172.

Львовское и Перемышльское; последнее иногда называется Архіепископствомъ (543). Въ Галичѣ никогда не было особой Митрополіи; по разореніи Кіева Татарами Митрополиты Кіевскіе и всея Руси до перенесенія престола Первосвятительскаго въ Володимеръ на Клязмѣ почти постоянно жили въ Галичѣ (544); отсюда мнѣніе объ особыхъ Галицкихъ Митрополитахъ. Въ Володимери—Волынскомъ была особая Епископія. Въ Галичѣ находился со времени Галицкаго Короля Коломана Католическій Архіепископъ. Что касается до свѣтскихъ чиновъ, то въ лѣтописи упоминаются названія слѣдующихъ: 1. *тысяцкій:* каждый значительный городъ имѣлъ своего тысяцкаго; главный находился въ Галичѣ; 2. *стольникъ;* 3. *дворьской;* 4. *печатникъ;* 5. *бояринъ;* 6. *отрокъ княжой;* 7. *сынъ боярской.* Князь имѣлъ многочисленную дружину, на содержаніе которой были назначены особые доходы, напр. съ Коломыйской соли (545). Галицкіе Князья охотно принимали къ себѣ иноплеменниковъ: у нихъ искали убѣжища Ляшскіе и Венгерскіе бояре; у нихъ же служили и Половцы. Изъ одного письма Папы къ Ляшскому духовенству видимъ (546), что жестокое обхожденіе Князей и бояръ Ляшскихъ съ подданными, заставляло послѣднихъ бѣжать толпами въ Русь. Даніилъ, строя Холмъ, населялъ его Нѣмцами, Ляхами, Армянами и Жидами (547); въ Володимерѣ также жили Нѣмцы и Жиды; вообще народонаселеніе городовъ состояло изъ самыхъ разнородныхъ стихій. Поселяне обязаны были къ повинности князю *рубить городъ* и давать *поборъ* (548). Западная часть Галицкой Руси или Перемышльское Княжество называлось

---

(543) Новгородская первая лѣтопись, стр. 138.

(544) Ипатьев. л. стр. 167, 185; Татищева Р. И. кн. 4. стр. 125, 128 и др.

(545) Ипатьев. л. стр. 179.

(546) Monumenta historica Russiæ, T. I. p. 32.

(547) Ипатьев. лѣт. стр. 196, 216 и др.

(548) Ипатьевская лѣтопись, стр. 194, 3-я строка сверху.

Горнею странею (549); а Восточная и Юго-Восточная по рѣкамъ Днѣстру и Пруту именовалась *Понизьемъ* (550); главный городъ здѣсь былъ *Бакота* (551). Лѣтопись, сообщая намъ подробныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, весьма мало говоритъ о внутреннемъ устройствѣ Галицкой Руси, которое должно было представлять много любопытнаго; кажется, что оно имѣло много общаго съ внутреннымъ устройствомъ другихъ Славянскихъ народовъ, Чеховъ и Ляховъ.

Неизлишнимъ считаемъ здѣсь представить нѣсколько главныхъ мыслей, содержащихъ въ себѣ какъ бы выводы изъ всего предшествовавшаго повѣствованія:

1. Геродотово описаніе Скиѳіи есть лучшее и вѣрнѣйшее географическое описаніе нынѣшней Юго-Западной Руси до временъ Преподобнаго Нестора.

2. Земли по среднему и нижнему теченію р. Дуная и Иллирія были первою историческою родиною Славянъ.

3. *Русь* первоначально была воинскою дружиною, составленною изъ различныхъ народностей, но съ преобладаніемъ Славянской.

4. Держава, основанная Рюрикомъ, Олегомъ и Игоремъ, не была Государствомъ въ собственномъ смыслѣ, а соединеніемъ племенъ, изъ коихъ каждое удержало нѣкоторую степень самобытности.

5. Принятіе Православной вѣры отъ Грековъ дало нравственную физіономію, духовное единство соединенію Славянскихъ племенъ, покоренныхъ Русью.

---

(549) Ипат. л. стр. 179.
(550) Тамъ же, стр. 166, 167 и мн. др.
(551) Тамъ же, стр. 180: «и вшедъ во Бакоту все Понизье пріа.»

6. Впрочемъ главныя племена и по принятіи Христіанства сохранили стремленіе къ самобытности.

7. Первоначальное дѣленіе Руси на Княжества соотвѣтствовало главнымъ Славянскимъ племенамъ, вошедшимъ въ ея составъ; такъ что каждое изъ нихъ добивалось чести имѣть у себя особаго Князя Русскаго.

8. Однимъ изъ главныхъ правъ Великаго Князя или старѣйшины Княжескаго рода было: *надѣлять волостями младшихъ Князей или родичей.*

9. Стремленіе младшихъ Князей въ ихъ борьбѣ со старѣйшиною рода состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы свои *волости* обратить въ *вотчины.*

10. Когда младшимъ Князьямъ удалось обратить ихъ волости въ вотчины, то вся Юго-Западная Русь распалась на множество мѣлкихъ владѣній, которыя съ каждымъ поколѣніемъ дробились болѣе и болѣе. Тотъ Князь сталъ сильнѣе другихъ, у кого вотчина была обширнѣе и богаче, а именно *Галицкій.*

11. Съ раздѣленіемъ Руси, составлявшей до того нераздѣльное достояніе одного Княжескаго рода, на множество вотчинъ начались безконечныя распри о томъ, какъ увеличить свою вотчину на счетъ другихъ.

12. Великій Князь Кіевскій утратилъ свое значеніе старѣйшины рода, когда все, что имѣлъ, роздалъ въ волости младшимъ Князьямъ.

13. Младшіе Князья, обративъ свои временныя волости въ вотчину и опасаясь за нихъ, стали сажать на престолъ Кіевскій одного изъ среды себя, обязавъ его не только не отнимать у нихъ прежнихъ волостей, но и надѣлять новыми.

14. Юго-Западная Русь утратила свою самобытность въ слѣдствіе того, что начало подчиненія всѣхъ Князей одному старшему потеряло силу, а другое, высшее,

начало законности, юридическихъ отношеній и Государственной жизни не развилось. Вся Юго-Западная Русь, находясь въ переходномъ положеніи отъ быта родоваго къ Государственному, распалась на множество независимыхъ одно отъ другаго владѣній, истощившихъ и послѣднія свои силы въ борьбѣ междуусобной.

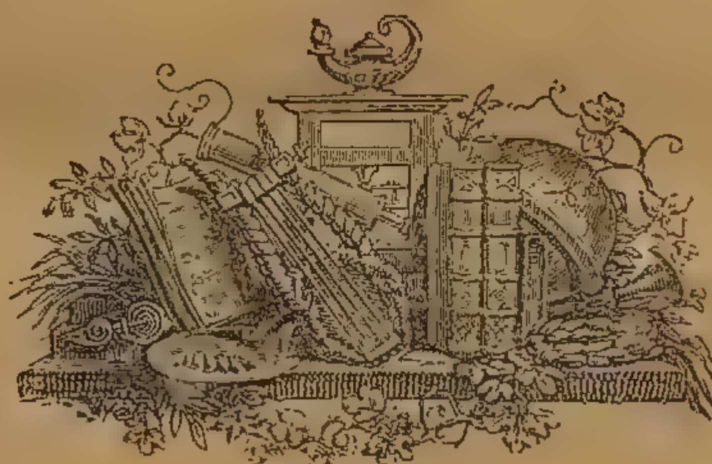
КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:	*Должно читать:*
стран. 23, строка 12, сверху:	
не дали имъ дань	не дали имъ дани
стран. 60, строка 8, снизу:	
а идти противъ нихъ	и идти противъ нихъ
стран. 75, строка 9, снизу:	
уй дядя по матери	(уй) дядя по матери
стран. 80, строка 7, снизу:	
удастея	удастся
стран. 80, строка 3, снизу:	
Черныи	Черные
стран. 94, строка 12, сверху:	
Изяславъ вошелъ въ Кіевъ. а въ Переяславлѣ...	Изяславъ вошелъ въ Кіевъ, а въ Переяславлѣ...
стран. 134, строка 10, сверху:	
Всеволоду, Юрьевичу его родственнику	Всеволоду Юрьевичу, его родственнику
стран. 140, строка 12, сверху:	
Корьсуньской земли	Корсунской земли
стран. 143, строка 12, снизу:	
исполнилъ второе обѣщаніе	исполнилъ второе обѣщаніе
примѣч. 408. Ипатьев. л. стр. 152.	Лаврентьев. л. стр. 180.
примѣч. 409. Тамъ же, стр. 163.	Ипатьев. л. стр. 156.
стран. 147, строка 11, снизу:	
пойтти	пойдти
стран. 157, строка 6, сверху:	
неспотоянству	непостоянству
стран. 157, строка 9, снизу:	
помощь	помощь
стран. 160, строка 6, снизу:	
Демьяну (448); сынъ мой	Демьяну (448): «сынъ мой
примѣч. 473. Ипатьев. л. стр 174.	Ипатьев. л. стр. 174.

Напечатано:	*Должно читать:*
примѣч. 475. Троицкая л. стр. 221.	Троицкая лѣт. стр. 221.
стран. 198, строка 16, снизу:	
били ли бобровъ ли	*били ли, бобровъ ли,*
стран. 199, строка 9, сверху:	
неволею Татарскою говоритъ лѣтопись	*неволею Татарскою,* говоритъ лѣтопись
примѣч. 515. Ипат. л. стр, 171—213	Ипатьев. л. стр. 213.
стран. 206, строка 14, сверху:	
драгоцѣнныя камни	драгоцѣнные камни
стран. 208, строка 14, сверху:	
тобою я господинъ,	тобою, господинъ, я
примѣч. 527. Ипатьев. л. стр. 172.	Ипатьев. л. стр. 223.
стран. 219, строка 2, сверху:	
сохранили	долго сохраняли

О ЛИТОВСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВОПРОСА,

КАКОЕ МѢСТО ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДОЛЖНО ЗАНИМАТЬ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ?

СОЧИНЕНІЕ

Н. УСТРЯЛОВА,

ЧИТАННОЕ

НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ,

ВЪ ГЛАВНОМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ,

30 ДЕКАБРЯ 1838.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

1839.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 31 Декабря 1858 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

Основательное знаніе отечественной старины никогда не было столь ощутительною потребностію общества, какъ въ наше время: Русская Исторія имѣетъ нынѣ высокое значеніе въ кругѣ наукъ общественнаго образованія. Въ скрижаляхъ ея мы ищемъ не однихъ любопытныхъ фактовъ, плѣняющихъ воображеніе или согрѣвающихъ наше сердце, даже не одного связнаго, стройнаго раскрытія причинъ и слѣдствій, не однихъ уроковъ, которые замѣняютъ для насъ долговременную опытность: мы слѣдимъ, по ея указаніямъ, за постепеннымъ развитіемъ государственнаго

организма, чтобы постигнуть основныя начала своей народности, или тѣ элементы, изъ коихъ образовалась наша жизнь государственная, общественная и семейная; мы ищемъ въ ней отвѣта на великій вопросъ, что такое Россія? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только сравненіемъ настоящаго съ прошедшимъ.

Не взирая однакожъ на высокое значеніе Русской Исторіи въ кругѣ наукъ нашего образованія и на постоянную заботливость ученыхъ изыскателей озарить новымъ свѣтомъ давно минувшіе вѣки, мы еще не успѣли достигнуть той степени убѣжденія, или лучше сказать, той опредѣлительности понятій, относительно многихъ историческихъ вопросовъ, которая такъ необходима для науки, такъ много содѣйствуетъ ея успѣхамъ, такъ благопріятствуетъ ея вліянію на умственное

и нравственное образованіе народа. Скажемъ болѣе: едва ли есть наука, для изученія коей требовалось бы столько трудовъ, столько напряженныхъ усилій, столько тщательныхъ изысканій и съ тѣмъ вмѣстѣ осторожныхъ соображеній, какъ Русская Исторія. Поля ея еще такъ мало воздѣланы, что рѣдкій соберетъ съ нихъ обильную жатву. Трудность пріобрѣсть основательное знаніе о минувшемъ времени заключается не въ запутанности событій, даже не въ скудости матеріаловъ: первыя ясны для ума опытнаго и безпристрастнаго; вторые до извѣстной степени удовлетворительны; она заключается преимущественно въ недостаткѣ надежнаго путеводителя, который могъ бы поставить вступающаго въ святилище науки, съ перваго, такъ сказать, шагу на прямую дорогу и избавилъ бы его отъ многихъ недоумѣній. Вообще два важные недостатка замѣтны въ большей ча-

сти нашихъ историческихъ изысканій: съ одной стороны, при всемъ уваженіи къ истинѣ, при всемъ безпристрастіи и трудолюбіи, мы не имѣемъ счастливаго дара переноситься воображеніемъ въ минувшіе вѣки, отдѣляться отъ современныхъ понятій и представлять событія въ истинномъ ихъ свѣтѣ и значеніи. Кому неизвѣстно, напримѣръ, какъ запутанъ нами удѣльный періодъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу Руси? Явленіе само по себѣ очень естественное и при всей многосложности совершенно ясное, если только вникнуть въ основныя начала его и отдѣлиться отъ несвойственныхъ ему понятій о правѣ. Мы думали найти въ удѣльномъ періодѣ феодальную систему, и результатомъ одной этой ошибки былъ неправильный, односторонній взглядъ на всю Русскую Исторію. Съ другой стороны, въ надеждѣ пролить новый свѣтъ на минувшую судьбу своего оте-

чества, мы пытались представить событія въ иномъ видѣ, отличномъ, даже противоположномъ идеѣ современниковъ: мы захотѣли быть умнѣе своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, доказывая, что они ошибались на каждомъ шагу, и результатомъ нашихъ высшихъ взглядовъ было: во 1, то, что мы не пощадили даже своихъ драгоцѣнныхъ лѣтописей, которымъ Русскіе вѣрили съ такимъ дѣтскимъ простосердечіемъ, которыя берегли они, какъ завѣтъ праотцевъ, вмѣстѣ съ книгами душеспасительными, находя въ нихъ нерѣдко отраду въ своихъ злосчастіяхъ; во 2, мы открыли, что Монголы вовсе не были лютымъ бичемъ, посланнымъ небесами, какъ думали наши предки, страдая подъ ярмомъ Татарскимъ, что нашествіе ихъ замѣнило для Русской земли крестовые походы, что они даже спасли ее отъ какихъ-то застрашныхъ Литовцевъ, которые безъ нихъ завоевали бы всю Русскую землю. Въ слѣд-

ствіе подобныхъ взглядовъ, Русская Исторія представляется уму малоопытному, не посвященному въ таинства науки, какою-то непрерывною цѣпью задачъ, вопросовъ, противорѣчій. Нѣтъ почти событія, сколько нибудь замѣчательнаго, на которое мы смотрѣли бы съ одной опредѣлительной точки. Конечно, изслѣдованіе предмета, въ особенности историческаго, съ разныхъ сторонъ, въ высокой степени благопріятствуетъ основательности знанія; но эти изслѣдованія не должны ограничиваться одними намеками, или затѣйливыми выводами, тѣмъ менѣе могутъ основываться на доказательствахъ отрицательныхъ. Вспомнимъ, чего не наговорилъ ученый Вихманъ объ избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича, полагая, что всѣ акты объ этомъ важномъ событіи въ послѣдствіи уничтожены патріархомъ Филаретомъ, и сколько толковъ не породилъ онъ въ ученой Германіи? Но акты

уничтожены не были: чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи его диссертаціи, они найдены въ подлинникахъ и напечатаны въ Румянцевскомъ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Замысловатыя предположенія Вихмана рушились сами собою, въ урокъ многимъ изъ подобныхъ изыскателей.

Къ числу задачъ, не вполнѣ удовлетворительно нами разрѣшаемыхъ, принадлежитъ вопросъ, который, и по новости и по важности своей, достоинъ обратить на себя особенное вниманіе. Дѣло въ то́мъ: какое мѣсто должно занимать Литовское княжество въ Русской Исторіи? Этотъ вопросъ возникъ въ недавнее время и возбудилъ всеобщее участіе. Мнѣнія раздѣлились: съ одной стороны многіе охотно приняли мысль, что Литовское княжество, Русское по своему началу, Русское по своему составу, по массѣ народа, по вѣрѣ и

языку, должно занять въ отечественной Исторіи, по крайней мѣрѣ, такое мѣсто, какое даетъ бытописатель княжеству Галицкому или Новгородскому. Съ другой стороны нашлось не мало и такихъ ученыхъ людей, которые смотрятъ на Литву и соединившіяся съ нею области, какъ на Польскія провинціи, и полагаютъ, что въ Русской Исторіи о дѣлахъ Литовскихъ надобно разсуждать не болѣе, ни менѣе, какъ о дѣлахъ Крымскихъ или Ливонскихъ. Впрочемъ ни та, ни другая сторона не подтвердила своего мнѣнія критическимъ изслѣдованіемъ дѣла, и вопросъ о Литовскомъ княжествѣ, подобно многимъ другимъ, остался темою для будущихъ изыскателей.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо объяснить: 1, что такое было Литовское княжество, какъ возникло оно въ видѣ самостоятельнаго государства, какъ утратило свою

самостоятельность и подпало чуждому влiянiю; 2, какъ смотрѣли на него Московскiе Государи во времена его величiя и паденiя; 3, какъ понимали его современные писатели до конца XVII вѣка; и 4, что думали объ немъ позднѣйшiе историки наши, имѣвшiе всѣ средства соображать связь событiй, причинъ, слѣдствiй и отношенiй. Объясненiе сихъ четырехъ пунктовъ укажетъ точку, съ которой Русскiй бытописатель долженъ смотрѣть на Литовское княжество. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованiе и изложенiе фактовъ, извѣстныхъ впрочемъ каждому любителю отечественной Исторiи; я постараюсь разрѣшить предложенныя мною задачи въ общихъ историческихъ выводахъ.

I. Основанная мечемъ и умомъ Норманскихъ витязей, исключительно подвластная одному дому Рюрикову, уже въ первый вѣкъ

своего бытія Русь вошла въ тѣ предѣлы, которые потомъ остались навсегда рубежемъ Русской народности. На западѣ этотъ предѣлъ простирался до горъ Карпатскихъ, до Бреста, Гродно и Динабурга. Неизбѣжное зло, слѣдствіе современнаго понятія о правѣ всѣхъ потомковъ Рюрика на господство въ Русской землѣ, раздробило ее на мелкіе удѣлы, изъ коихъ въ XII и XIII столѣтіяхъ образовалось множество княжествъ, одно отъ другаго независимыхъ. Не взирая однакожъ на стремленіе Князей къ самостоятельности, на взаимную вражду цѣлыхъ поколѣній, мысль о единствѣ Руси никогда не изчезала. Поддерживаемая единствомъ вѣры, церковныхъ уставовъ, языка, одноплеменностію Князей и преданіями Исторіи, она постоянно и живо обнаруживалась въ разныхъ пунктахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, Владимірѣ на Волыни, Владимірѣ на Клязмѣ, наконецъ съ половины

XIV вѣка утвердилась и въ полномъ блескѣ развилась въ Москвѣ. Пользуясь многими благопріятными обстоятельствами, въ особенности всеобщимъ убѣжденіемъ современниковъ въ необходимости положить предѣлъ княжескимъ распрямъ, умные владѣтели Москвы быстро взяли перевѣсъ надъ сосѣдними Князьями, покорили ихъ одного за другимъ и къ концу XV вѣка всѣ почти удѣльныя княжества къ востоку отъ Днѣпра слились въ одно государство Московское, въ одну могущественную, нераздѣльную державу, Великую Россію.

Но въ составъ Московскаго государства вошли удѣлы только восточной Руси; въ западной, изъ Русскихъ княжествъ Полоцкаго, Витебскаго, Минскаго, Туровскаго, Владимірскаго, Луцкаго, Кіевскаго и Черниговскаго, образовалось другое самостоятельное государ-

ство, независимое отъ Москвы и подвластное не Рюрикову дому: то было Великое княжество Литовское, основанное Гедиминомъ. Онъ и преемники его дѣйствовали также точно, какъ и Князья Московскіе: имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ ума и силы, съ успѣхомъ пользовались благопріятными обстоятельствами и оружіемъ довершали то, что прежде приготовляли искусною политикою, союзами, родствомъ съ потомками Владиміра святаго, господствовавшими въ югозападной Руси.

Вмѣстѣ съ Русскими землями въ составъ Литовскаго княжества вошла и Литва въ собственномъ смыслѣ, отчина Гедиминова, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи. Но Литвинъ, язычникъ, еще мало знакомый съ гражданскими уставами, изчезалъ въ огромной массѣ Русскаго народа, не могъ передать ему ни своей вѣры, ни

своего языка, самъ заимствовалъ отъ него то и другое, и Литовское государство, при первыхъ преемникахъ Гедимина, представляло такую же систему княжествъ, какую мы видимъ въ Московскомъ государствѣ до Іоанна III. Тамъ все было Русское, и вѣра, и языкъ, и гражданскіе уставы; самые князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ княженъ, женатые на Русскихъ княжнахъ, крещенные въ православную вѣру, казались современникамъ потомками Владиміра святаго.

Было даже время, когда и въ западной и въ восточной Руси, они брали перевѣсъ надъ Князьями Московскими не только силою оружія, могуществомъ своей державы, но и мнѣніемъ народнымъ: Русскіе смотрѣли на нихъ, какъ на истинныхъ Государей Руси, и Тверь, Новгородъ, Рязань охотнѣе становились подъ знамена Литовскія, чѣмъ подъ знамена Мос-

ковскія. Объяснить это явленіе не трудно. Князья изъ дома Гедимина не платили дани Татарамъ, даже были грозою орды и казались спасителями Руси отъ тягостнаго ига, между тѣмъ, какъ Московскіе Князья усердно угождали ханамъ, правда, по расчетамъ политики дальновидной, но еще не ясной для современниковъ. Случайное обстоятельство дало иной оборотъ дѣлу.

Внукъ Гедимина Ягелло женился на Польской Королевѣ Ядвигѣ и, вмѣстѣ съ ея рукою получивъ корону Пястовъ, далъ слово соединить Литовское княжество съ Польскимъ королевствомъ, чего усердно желали и Польскіе магнаты и Польскіе епископы. Русскіе подданные его съ опасеніемъ и явнымъ ропотомъ смотрѣли на тѣсный союзъ съ страною иновѣрною, чуждою по языку, чуждою по гражданскимъ уставамъ, и какъ бы предчув-

ствуя всѣ бѣдствія, которыя потомъ обрушились на ихъ отечество, въ слѣдствіе этого несчастнаго союза, нѣсколько разъ пытались разорвать оный, успѣвали въ своемъ намѣреніи, возвращали свою самостоятельность, имѣли своихъ отдѣльныхъ Князей, и не прежде, какъ чрезъ 200 почти лѣтъ послѣ восшествія Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его совершилось соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею въ одну рѣчь посполитую. Когда угасъ знаменитый домъ Гедиминовъ, и Литовское княжество подпало власти Государей не Русской крови, не Русской вѣры, не Русскаго языка, некому было охранять въ немъ священный залогъ народности, въ продолженіе многихъ вѣковъ неприкосновенный: западная Русь сдѣлалась добычею езуитовъ, старавшихся истребить въ ней все Русское, и къ концу XVII вѣка она дѣйствительно утратила многія черты своей

національности: Русскіе законы уступили мѣсто Польскимъ; языкъ былъ искаженъ; нравы и обычаи измѣнились; Унія поколебала и вѣру православную.

II. Между тѣмъ Государи Московскіе никогда не упускали изъ виду западной Руси: со временъ Димитрія Донскаго до воцаренія Петра Великаго, всѣ они постоянно выражали мысль, что Литовское княжество, за исключеніемъ Литвы, т. е. не болѣе 12 части его, есть родовая ихъ отчина. Яснѣе всего обнаруживалась эта мысль въ договорахъ Іоанна III съ Императоромъ Германскимъ, съ Королемъ Венгерскимъ, съ Господаремъ Молдавскимъ, съ самимъ Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ Казимировичемъ: онъ говорилъ торжественно, что отчина королевская есть Литва и Польша, Русскія же земли, присвоенныя домомъ Гедиминовымъ во

времена невзгоды отечества, онъ намѣренъ добывать оружіемъ, какъ собственность своего дома. Замѣтимъ важное обстоятельство: Іоаннъ не творилъ и не вымышлялъ ничего новаго: онъ стремился къ той же цѣли, которую имѣли въ виду его предшественники, но стремился твердо, постоянно, съ рѣдкимъ умомъ и искусствомъ. Мысль его о Литовскомъ княжествѣ, или что все то же, о необходимости соединить всю Русскую землю въ одно цѣлое, была основаніемъ политики даже перваго Великаго Князя Московскаго Іоанна Калиты, который именовалъ себя Великимъ Княземъ всея Руси. Съ той же точки смотрѣлъ Димитрій Донской; также думали и дѣйствовали преемники Іоанна III: сынъ его, Василій, требовалъ короны Литовской, какъ достоянія своего дома; внукъ, Іоаннъ Грозный, обращалъ свое оружіе болѣе на Ливонію; но въ переговорахъ съ Сигизмундомъ

Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ неоднократно доказывалъ права свои на Литовское княжество. Умный Борисъ старался скрѣпить связь восточной Руси съ западною духовною властію, и едвали не это побужденіе было главною виною основанія патріаршества въ Москвѣ. Злосчастное время Самозванцевъ надолго ослабило Россію, и Михаилъ Ѳеодоровичъ желалъ возвратить только то, что было утрачено среди междоусобій. Но какъ скоро государство успокоилось и окрѣпло, мудрый Алексѣй съ усердіемъ вступился сперва за часть Литовскаго княжества, за Малороссію; въ слѣдъ за тѣмъ потребовалъ и остальныхъ областей западной Руси. Намѣреніе его едва не увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ. Польскій Король Янъ Казимиръ, Государь умный, дальновидный, лучше всѣхъ предшественниковъ понимавшій и состояніе Польши и отношенія ея къ сосѣдямъ, договоромъ въ

Вильнѣ уступилъ Алексѣю Михайловичу все Литовское княжество. Польскіе магнаты и епископы употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить это соединеніе: война съ Польшею возобновилась, и Государь, озабоченный дѣлами внутренними, въ особенности грозою со стороны Турціи, отказался до времени отъ Заднѣпровской Руси, заключивъ однакожъ съ Польшею, по примѣру предковъ, не вѣчный миръ, а только перемиріе; послѣднее обстоятельство очень замѣчательно: всѣ вообще Московскіе Государи постоянно уклонялись отъ постановленія окончательнаго договора по дѣламъ Литовскимъ, въ надеждѣ собраться съ силами и возобновить свои требованія. Одинъ только Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ согласиться на вѣчный миръ Поляновскій, но это потому, что въ то время, съ потерею всего войска подъ Смоленскомъ, борьба казалась невозможною, и дѣйствительно Москвѣ

и всему государству грозила великая опасность.

Такимъ образомъ, никогда не теряя изъ виду западной Руси, мудрые Цари наши постоянно старались исполнить мысль Іоанна III о соединеніи Литовскаго княжества съ Московскимъ государствомъ въ одну державу. Соперники ихъ, Ягеллоны, съ своей стороны естественно не хотѣли отказаться отъ правъ своихъ, напрягали всѣ усилія, чтобы спасти свои владѣнія, имѣли всѣ къ тому средства и боролись съ успѣхомъ. Но подвластный имъ Русскій народъ неоднократно выражалъ живѣйшее желаніе видѣть своимъ Государемъ Царя православнаго. Это желаніе стало ясно обнаруживаться съ тѣхъ поръ, когда потомки Калиты свергли съ себя ненавистное для Русскихъ иго Татарское, и озаренные славою дѣлъ, явились достойными владыками Русска-

го народа: многія княжества по Днѣпру, присвоенныя домомъ Гедимина, добровольно поддались Іоанну III. Мало того: когда угасъ домъ Ягеллоновъ, Литовскіе чины охотно предложили корону ихъ Іоанну Грозному; съ тѣмъ же предложеніемъ въ послѣдствіи обратились къ сыну его Ѳеодору Іоанновичу; а Стефанъ Баторій, Владиславъ IV, Янъ Казимиръ имѣли даже намѣреніе включить и Польшу, вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ, въ одинъ составъ съ государствомъ Московскимъ. Этотъ рядъ фактовъ ясныхъ, несомнительныхъ указываетъ намъ на истинныя отношенія западной Руси къ восточной съ конца XIV до конца XVII столѣтія: онъ свидѣтельствуетъ, что мысль о соединеніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое, ни въ той, ни въ другой сторонѣ никогда не изчезала, и эта мысль служила главнымъ основаніемъ политики нашего двора до временъ Петра Великаго.

III. Теперь взглянемъ, какъ понимали современные писатели дѣла Литовскія. Лѣтописцы восточной Руси XIV, XV и XVI столѣтій устремляли все свое вниманіе на Москву: судьба ея была главнымъ предметомъ ихъ сказаній. События Тверскія, Рязанскія, Смоленскія, Кіевскія, даже Новгородскія только тогда находили мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ, когда они касались Москвы; если же подобнаго случая не было, лѣтописцы молчали объ нихъ. Также точно они смотрѣли и на Литовское княжество: почти не замѣтили основанія его Гедиминомъ и едва мимоходомъ упомянули о соединеніи его съ Польшею, слѣдующими словами. „Оженися „Великій Князь Литовскій Ягайло Олгер„довичъ: поялъ нѣкую королевицу, не иму„щую ни отца, ни матери, ея же ради до„сталось ему королевство въ Лядской землѣ. „И крестися Ягайло въ Нѣмецкую вѣру и

„пришедъ въ свою отчину, въ Литовскую „землю, окрестилъ Литву въ Нѣмецкую вѣ„ру.“ Вотъ все, что наши историки знали о событіи въ высшей степени достопамятномъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на судьбу Русскаго народа. Подробнѣе говорятъ они о походахъ Олгерда, Витолда на Московское государство, о войнахъ Іоанна III съ Александромъ, Василія III съ Сигизмундомъ I, потому, что тутъ дѣло шло о Москвѣ. Впрочемъ не вникаютъ, по обыкновенію, въ причины ихъ распрей. Для нихъ непонятна была дальновидная политика дома Іоанна Калиты, въ отношеніи къ Литвѣ, такъ точно, какъ они не постигали политики его въ отношеніи къ ханамъ Ордынскимъ. Они видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ только соперниковъ и опасныхъ враговъ Москвы, старавшихся отнять у нея первенство; въ слѣдствіе того не щадили Ягеллоновъ и съ ужасомъ разска-

зывали объ ихъ нашествіяхъ. Но, что весьма замѣчательно, эта борьба Москвы съ Литвою изображается въ нашихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не тѣми красками, какими описываются нашествія иноплеменныхъ народовъ: современные историки не скрываютъ, что Литовскіе Князья находили нерѣдко въ восточной Руси многихъ доброжелателей, что Новгородъ, Тверь, Рязань неоднократно склонялись на ихъ сторону, и если иногда у лѣтописцевъ вырываются укоризны этимъ опаснымъ соперникамъ Москвы, то не надобно забывать, что въ томъ же духѣ они разсказывали и о браняхъ удѣльныхъ, когда Русь была подвластна одному дому Владиміра св. Стоитъ вспомнить, какъ отзываются Новгородскіе лѣтописцы о Суздальцахъ, Черниговцахъ, или Волынскіе о Кіевлянахъ. Однимъ словомъ, наши лѣтописцы имѣли темныя, неопредѣлительныя понятія о Литовскомъ княжествѣ; но изъ ихъ

сказаній нельзя вывести заключенія о народной враждѣ между восточною и западною Русью. Иначе они стали смотрѣть на Литовское княжество въ XVII столѣтіи, послѣ Самозванцевъ, когда Литвинъ и Ляхъ стали для нихъ словами однозначательными.

Лѣтописцы западной Руси прекратили свои сказанія въ XIV столѣтіи, или справедливѣе, труды ихъ продолжателей истреблены временемъ, оставивъ слѣдъ въ полубаснословной Исторіи Стрыйковскаго. На Русскомъ языкѣ сохранились немногія извѣстія временъ Уніи, поясняющія это важное событіе. Литовское княжество не имѣетъ своего національнаго историка. Все, что узнала объ немъ ученая Европа, все почерпнуто изъ мутнаго источника, изъ Польскихъ лѣтописцевъ не старѣе конца XVI столѣтія, когда Поляки уже привыкли считать Литву своею древнею провинціею. Въ

слѣдствіе этой идеи, они представляютъ какъ образованіе Литовскаго княжества, такъ и судьбу его въ превратномъ видѣ: они смотрятъ на Литовцевъ въ собственномъ смыслѣ какъ на старинныхъ союзниковъ Польши, покорившихъ, при содѣйствіи Польскихъ пановъ, все пространство отъ предѣловъ Галиціи до Двины, отъ Бреста до Калуги, и воображаютъ, что уже Гедиминъ ввелъ во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ Литовскіе законы, Литовскіе нравы и обычаи. Соединеніе же Литовскаго княжества съ Польшею, по ихъ понятію, было слѣдствіемъ не личнаго честолюбія Ягелла и домогательства Польскихъ магнатовъ видѣть его своимъ Государемъ, а плодомъ усерднаго желанія обоихъ народовъ заключить тѣсный, братскій союзъ. Впрочемъ не всѣ Польскіе современные историки представляютъ это дѣло въ такомъ видѣ: лучшіе изъ нихъ, болѣе основательные и

менѣе пристрастные, напримѣръ Кромеръ и въ особенности Кояловичъ, писавшіе въ то время, когда политика езуитовъ еще не созрѣла, не скрываютъ, что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею, совершилось съ большимъ трудомъ, что главнымъ препятствіемъ тому была разноплеменность народовъ, что престолъ Великихъ Князей Литовскихъ окружали большею частію Русскіе вельможи, что при дворѣ ихъ господствовалъ Русскій языкъ, что подвластные имъ народы съ величайшимъ усердіемъ берегли свою святыню, что езуиты уже отчаявались поколебать православіе и что въ самой Вильнѣ находилось гораздо болѣе храмовъ Грекороссійскихъ, чѣмъ костеловъ Римскихъ. Новѣйшіе писатели Польскіе утаили всѣ сіи обстоятельства и разными софизмами запутавъ Исторію Литовскаго княжества, успѣли внушить Европѣ мысль, что оно издревле составляло

часть рѣчи посполитой. Правда, нѣкоторые изъ ученыхъ писателей Нѣмецкихъ и Французскихъ (Шлёцеръ, Малтебрюнъ) старались разсѣять это заблужденіе и представить дѣло въ настоящемъ видѣ: но Польскія понятія взяли верхъ и ввели въ заблужденіе насъ самихъ.

IV. Первая главная ошибка наша въ томъ, что мы привыкли считать Литву въ собственномъ смыслѣ народомъ могущественнымъ, племенемъ господствующимъ, бравшимъ надъ обитателями западной Руси рѣшительный перевѣсъ и силою оружія и гражданскимъ устройствомъ. Такъ говоритъ одинъ изъ критическихъ писателей нашихъ о Литвѣ временъ Гедиминовыхъ: „Литва, могущественная, „превышающая великое княжество Московское силою, образованностію, поставленная „рукою Гедимина въ рядъ государствъ самобытныхъ, обхватила все, что прежде назы-

„валось на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью, „преобразовала нравы, обычаи тамошнихъ „Руссовъ.“ Вотъ точка, съ которой мы обыкновенно смотримъ на Литовское княжество: т. е. мы видимъ въ образованіи его повтореніе весьма обыкновеннаго въ Исторіи случая, когда нашествіе сильныхъ иноплеменниковъ уничтожаетъ самостоятельность слабаго народа и даетъ начало новому государству, въ коемъ господствуютъ законы, языкъ, нравы и обычаи завоевателей. Такъ возникли Германскія государства на развалинахъ Римской имперіи; такъ возникло, въ слѣдствіе вышеприведеннаго мнѣнія, и Литовское государство на развалинахъ Русскихъ Заднѣпровскихъ княжествъ: отъ того на дѣла его мы смотримъ, какъ на чужія, и не даемъ имъ мѣста въ своей Исторіи. Идея неосновательная! Литва въ собственномъ смыслѣ, заключаясь въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи,

обитая среди дремучихъ лѣсовъ въ бѣдности, въ грубомъ невѣжествѣ, до времен Гедимина съ трудомъ отбивалась отъ Русскихъ Князей, отъ Ливонскихъ рыцарей, всегда была народомъ малочисленнымъ, слабымъ, и тѣмъ менѣе могла взять перевѣсъ надъ сосѣдями въ гражданскомъ устройствѣ, что до исхода XVI столѣтія она постоянно была погружена въ язычество и не имѣла письменныхъ законовъ. Не силою, не храбростью Литвы, а умомъ, искусствомъ, политикою Гедимина, соединились Русскія княжества за Днѣпромъ въ одно цѣлое и образовали великое княжество Литовское. Онъ дѣйствовалъ Русскими противъ Русскихъ такъ точно, какъ и Государи Московскіе, и гордилсяименемъ Русскаго князя. Отъ того при немъ и первыхъ преемникахъ его, въ основанномъ имъ государствѣ все было Русское, вѣра, языкъ, гражданскіе уставы, понятія, нравы, обычаи,

какъ удостовѣряетъ въ томъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ XIV и XV столѣтій, самый ходъ событій. Мы не вникли ни въ то, ни въ другое, повѣрили Польскимъ писателямъ, смѣшали Литву съ Польшею, вообразили, что Литовское княжество возникло по тѣмъ же началамъ, какъ образовались Германскія государства, и исключили его изъ своей Исторіи.

Эта ошибка породила другую не менѣе важную: взирая на Литовское княжество глазами Польскихъ историковъ, видя въ немъ государство чуждое, непріязненное, опасное для Россіи, мы не замѣчали мудрой политики Государей Московскихъ, и постоянный споръ дома Іоанна Калиты съ домомъ Гедимина казался намъ обыкновеннымъ соперничествомъ двухъ сосѣдей, равно властолюбивыхъ, изъ коихъ одинъ старался усилиться

на счетъ другаго. Мы не могли только понять этой безпрерывной брани, удивлялись, какъ самые ничтожные предлоги могли порождить столь кровавыя войны, жалѣли о бѣдствіяхъ народовъ, и обременяя Князей Литовскихъ строгими упреками, не щадили и Государей Московскихъ, за ихъ мнимое излишнее честолюбіе. Еслибъ мы вникли, что и потомки Гедимина и потомки Калиты стремились къ господству надъ всею землею Русскою, что и тѣ и другіе были убѣждены въ справедливости своихъ притязаній, и что распря ихъ до конца XVI вѣка была распрею семейною, а не враждою народною, мы увидѣли бы, что они спорили не по личному честолюбію, а въ слѣдствіе неизбѣжной необходимости, и дѣла Литовскія, такъ несвязныя, такъ утомительныя подъ перомъ нашихъ бытописателей, имѣли бы высокое значеніе въ нашей Исторіи.

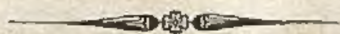
Къ симъ двумъ главнымъ ошибкамъ присоединилась и третья: на соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею мы привыкли смотрѣть какъ на дѣло постороннее и если упоминаемъ объ немъ мимоходомъ, то для того только, чтобы дать понятіе о могуществѣ Князей Литовскихъ, которые, располагая силами двухъ народовъ, тѣмъ опаснѣе были для Москвы. Главное, что наиболѣе должно обратить на себя вниманіе Русскаго историка, остается безъ всякаго изслѣдованія и результата. Это соединеніе было источникомъ тягостнаго ига, которое досталось въ удѣлъ цѣлой половинѣ Русскаго народа и около четырехъ вѣковъ, какъ лютая язва, терзало страну, гдѣ возникла и въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, гдѣ было истинное наше отечество, гдѣ покоятся и бренные остатки нашихъ Князей, прославившихъ Русское имя въ странахъ отдаленныхъ, и нетлѣн-

ные мощи св. угодников, хранителей Русскаго народа. Видѣть, как страдала Русь подъ ярмомъ Польскимъ, какъ боролась она съ своими гонителями, какъ изнемогала, падала, изобразить всѣ бѣдствія нашихъ единоплеменниковъ, отторгнутыхъ отъ лона общей матери случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, и снова возвращенныхъ подъ кровъ родимый, представить все это,-есть безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ задачъ для Русскаго бытописателя. Онъ привыкъ разсказывать о величіи, блескѣ, славѣ государства Московскаго, т. е. одной Руси восточной; пусть же покажетъ намъ и злосчастную долю единовѣрной, единоплеменной намъ Руси западной. Этого требуетъ полнота науки; иначе воззрѣніе наше на судьбу Русскаго народа будетъ одностороннее, слѣдовательно неправильное.

Кромѣ того соединеніе Польши съ Литов-

скимъ княжествомъ имѣло самое рѣшительное вліяніе на главный ходъ событій нашего отечества: съ одной стороны, оно надолго отсрочило сліяніе западной Руси съ восточною, которое безъ того по всей вѣроятности, совершилось бы еще въ концѣ XVI вѣка, когда угасъ домъ Ягеллоновъ и въ права его долженъ былъ вступить домъ Калиты; съ другой стороны оно вовлекло Польшу въ предѣлы Русскаго міра: судьба ея такъ тѣсно была связана съ судьбою Литовскаго княжества, что самобытное существованіе ея было невозможно, какъ скоро государство Ягеллоновъ вошло въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, событіе, почти незамѣтное подъ перомъ нашихъ бытописателей было источникомъ важнѣйшихъ явленій нашей Исторіи: это былъ узелъ, который необходимо надлежало распутать; цѣлые четыре вѣка мы трудились надъ

нимъ, — доколѣ умъ Екатерины II не разрѣшилъ его.

Послѣ всего вышесказаннаго мною, надѣюсь, не трудно указать Литовскому княжеству мѣсто въ Русской Исторіи. Доколѣ оно было самостоятельно, имѣло своихъ Князей изъ дома Гедиминова, сохраняло всѣ черты Русской народности и спорило съ Москвою о правѣ господствовать надъ всею Русью, историкъ обязанъ говорить съ равною подробностью о дѣлахъ Литовскихъ и Московскихъ и вести оба государства рядомъ, такъ точно, какъ до начала XIV столѣтія онъ разсказывалъ о борьбѣ удѣльныхъ Русскихъ княжествъ, Кіевскаго, Черниговскаго, Галицкаго, Суздальскаго, Рязанскаго, Новгородскаго и другихъ. Положеніе дѣлъ будетъ одно и тоже, съ тою

единственно разностью, что въ удѣльное время было нѣсколько системъ, а тутъ только двѣ: Московская и Литовская. Это будетъ продолжаться до исхода XVI вѣка. Когда угаснетъ домъ Гедимина и отчина его соединится съ Польшею, Русскій бытописатель изобразитъ на главномъ планѣ государство Московское или Россію, потому что въ нѣдрахъ ея сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни Русскаго народа, сѣмена, насажденныя Рюрикомъ, Владиміромъ св., Ярославомъ мудрымъ, взлелѣянныя потомками Калиты и принесшія величественный плодъ подъ благословенною державою дома Романовыхъ. На второмъ планѣ этой картины стоитъ великое княжество Литовское, опутанное цѣпями иноплеменниковъ; историкъ не обязанъ разсказывать о всѣхъ дѣлахъ Польскихъ, въ коихъ принимало участіе Литовское княжество, — потому что это

предметъ посторонній; но онъ обязанъ непремѣнно показать, какимъ образомъ въ западной Руси, подъ игомъ Поляковъ, постепенно изчезали главныя черты ея народности, какъ она боролась съ своими гонителями, чтобы спасти свою вѣру, свой языкъ, главное, почти единственное наслѣдіе, оставшееся ей отъ предковъ; какъ подавали ей руку помощи мудрый Алексѣй, Великій Петръ, доколѣ Екатерина II не рѣшила этого старинпаго, столь запутаннаго вопроса о восточной и западной Руси: та и другая сливаются въ одно цѣлое, въ одну Россійскую имперію, и съ тѣхъ поръ Литовская Исторія должна умолкнуть.

